B52-
136

B52 / 136

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА.

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
Александръ Ярославичъ Невскій

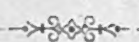
ПОДРОБНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

М. Хитрова.

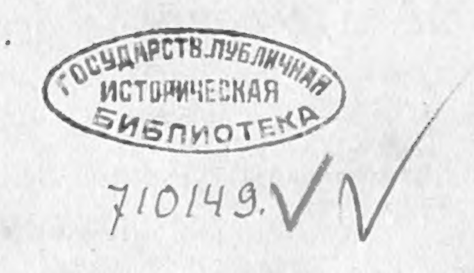
Княженіе князя Александра Ярославича Богомъ благословенно. Сказ. 4.

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый птуь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.

А. Толстой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1899.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
710149.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Якоже убо царскія утвари златомъ украшени съ многоцѣннымъ каменіемъ веселятъ очи зряшихъ на ня, паче же сихъ духовная красота!“

У каждаго народа есть завѣтныя имена, которыя никогда не забываются, напротивъ—чѣмъ дальше развивается историческая жизнь народа, тѣмъ ярче, свѣтлѣе становится въ памяти потомства нравственный обликъ тѣхъ дѣятелей, которые, отдавъ всѣ силы на служеніе своему народу, успѣли оказать ему существенныя услуги. Такіе дѣятели становятся излюбленными народными героями, составляютъ его національную славу, ихъ подвиги прославляются въ позднѣйшихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ. Это— какъ бы звѣзды на историческомъ горизонтѣ, освѣщающія весь дальнѣйшій историческій путь народа. Еще выше значеніе тѣхъ дѣятелей, жизнь которыхъ озаряется ореоломъ святости, которые умѣли совершать дѣло служенія своему народу въ угожденіе

Богу. Тогда они становятся ангелами-хранителями своего народа, предстателями за него предъ Богомъ, къ нимъ въ тяжелыя годины обращается народъ съ молитвою о помощи, ихъ небесной защитѣ приписываетъ счастливыя событія и случаи избавленія отъ разныхъ бѣдствій.

Но чѣмъ выше значеніе священной личности въ исторіи и памяти народной, тѣмъ труднѣе для позднѣйшаго жизнеописателя воспроизвести его свѣтлый образъ. Чтобы объяснить тайну того благоговѣнія, той горячей любви, которыми народъ наградилъ своихъ избранниковъ, необходимо своимъ разсказомъ произвести на своихъ читателей приблизительно такое же впечатлѣніе, какое производилъ самъ историческій дѣятель на своихъ современниковъ, необходимо разсказать жизнь народнаго подвижника и героя такъ, чтобы въ сердцахъ отдаленныхъ потомковъ вспыхнула искра любви къ нему, одушевлявшей его современниковъ. Но вѣдь это—задача почти неисполнимая по своей трудности. „Горе тебѣ, бѣдный человѣче!—восклицаетъ современникъ-очевидецъ, приступая къ описанію кончины св. Александра Невскаго,—какъ опишешь ты кончину господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зеницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Человѣкъ можетъ оставить отца, а добраго господина

нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!“ Такъ выражали свою любовь современники.

Задача жизнеописателя нѣсколько облегчается, если о жизни великаго и святого человѣка сохранились богатыя историческія свидѣтельства. Но, къ великому сожалѣнію, въ разсказѣ о св. Александрѣ Невскомъ намъ приходится довольствоваться скудными историческими извѣстіями. Лѣтописныя извѣстія о лицахъ и событіяхъ XIII и XIV вв. кратки, отрывочны, сухи. „Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкахъ, когда онъ остается съ одною сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся: ни они сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на

сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями. Лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но, съ другой стороны нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ также отражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія" (Исторія Россіи—Соловьева, т. IV, 371).

Съ другой стороны уваженіе къ памяти героя не позволяетъ пускаться въ догадки, предположенія, создавать образы и картины для оживленія разсказа. Надлежитъ постоянно помнить строгое предостереженіе великаго московскаго святителя Филарета: „Не надежно для насъ догадками проникнуть въ души святыхъ, которые далеко выше нашего созерцанія. Надежнѣе слѣдовать простымъ сказаніямъ очевидцевъ и близкихъ къ нимъ" (Письм. м. Филарета къ архіеп. Филарету черниговск. Приб. къ Твор. св. отецъ 1864 г., т. I, 341). Единственное средство—сколько-нибудь помочь горю—это самому автору проникнуться глубокимъ благоговѣніемъ и любовію къ предмету изображенія и чутьемъ сердца угадать то, на что не даютъ отвѣта соображенія разсудка. Согрѣтая глубокимъ искреннимъ чувствомъ рѣчь коснется сердца читателя — сердце

сердцу вѣсть подаетъ. Но, увы! мы глубоко сознаемъ свою немощь въ этомъ отношеніи, сравнительно съ жизнеописателями древнихъ временъ. Начиная свой разсказъ, они своимъ восторженнымъ духомъ возносились къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ угодника, житіе котораго писали. „Какъ старинный миніатюристъ XIII вѣка, — говоритъ почтенный изслѣдователь русской старины,—украшая священныя рукописи изображеніями, хотя и *свѣдущъ былъ въ искусствѣ*, но отъ благочестиваго умиленія, по выраженію Данта („Ch'ha l'abito dell'arte e man che trema“, Parad. XIII, 78), трепетала рука его: такъ и авторъ житія, приступая къ своему благочестивому подвигу, признается, что онъ, взявъ трость и начавъ ею писать, не разъ бросалъ ее: „трепетна бо ми десница, яко скверна сущи и не достойна къ начинанію повѣсти“; но потомъ, утѣшаясь молитвою и находя въ ней для себя и нравственную подпору, и творческое вдохновеніе, принимался писать, какъ бы въ поэтическомъ восторгѣ, весь проникнутый вѣрованіемъ и любовью къ изображаемому имъ угоднику“ (Древне-русская народная литература и искусство—Ѳ. Буслаева, т. II, 239).

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о св. в. кн. Александрѣ Невскомъ служитъ житіе его, написанное современникомъ. Въ

краткомъ отрывочномъ разсказѣ „самовидца возраста его“ живо отражается глубокое впечатлѣніе, произведенное святымъ княземъ на современниковъ. Живыя черты, которыми современникъ обрисовываетъ личность „своего добраго господина“, тѣмъ болѣе драгоцѣнны для насъ, что ихъ, какъ сказано выше, не встрѣчается въ сѣверной лѣтописи. „О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Макидоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ, ему же бяше Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобзи ему Богъ дни и чьсти въ славу его. О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ, худый и грѣшный и малосмысленный, покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: „въ злохитру душю не внидетъ мудрость; на высокихъ бо краѣхъ есть посреди же стезь стояще, при вратъ сильныхъ присѣдить. Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою Св. Богородицы и поспѣшеніемъ св. в. кн. Александра начатокъ положю“. Такъ начинаетъ современникъ свое жизнеописаніе, которое дошло до насъ, по

словамъ изслѣдователя древнерусскихъ житій святыхъ, „въ свѣжемъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ". Начиная писать каждую новую главу, мы внимательно перечитывали жизнеописаніе современника, стараясь проникнуться тѣмъ настроеніемъ, которое сказывается въ его словахъ. Не намъ судить, насколько это удалось. Мы можемъ сказать только, что насъ ни на минуту не оставляло искреннѣйшее желаніе— „да не будетъ ми лгати на святаго!"

Да не посѣтуетъ читатель на то, что въ предлагаемомъ жизнеописаніи св. Александра Невскаго онъ встрѣтитъ подробное воспроизведеніе эпохи, событій и всѣхъ обстоятельствъ времени, имѣющихъ то или другое отношеніе къ личности св. князя. То были темныя, тяжелыя времена! За то, по выраженію поэта, „чѣмъ ночь темнѣй — тѣмъ звѣзды ярче!".. „Якоже ароматы,—говоритъ великій святитель московскій,—чѣмъ болѣе растираются руками, тѣмъ больше издаютъ благоуханія: тако и житія святыхъ, чѣмъ болѣе углубляемъ мы въ нихъ свое размышленіе, тѣмъ болѣе открывается святость и слава праведныхъ, а наша польза" (Московск. митроп. Платона слово на день преподобнаго Сергія, т. V. 26). И если наша книга введетъ хотя нѣсколько читателя въ глубокую древность, въ родную завѣтную старину, дастъ возможность подышать ея возду-

хомъ, если нашъ разсказъ сколько-нибудь оживитъ въ душѣ читателя свѣтлый образъ святого и великаго подвижника земли русской, обновитъ чувства любви и благоговѣнія къ его священной памяти,—мы сочтемъ себя вполнѣ вознагражденными за трудъ.

М. Хитровъ.

I.

Предки св. Александра Невскаго.—Общая характеристика суздальскихъ князей.—Дѣды св. Александра: св. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III „Большое гнѣздо“—Дяди св. Александра: Константинъ и св. Юрій Всеволодовичи.—Отецъ в. кн. Ярославъ.—Предки св. Александра по матери.—Общая характеристика южно-русскихъ князей.—Прадѣдъ св. Мстиславъ Ростиславичъ „Храбрый“.—Дѣдъ Мстиславъ „Удалой“.—Мать св. Александра.—Св. Александръ—наслѣдникъ добродѣтелей своихъ предковъ.

Радꙋйсѧ, отрасле пречестнаѧ корене благочестиваго!
Радꙋйсѧ, благовѣріѧ предковъ наслѣдниче!
Радꙋйсѧ, подражателю добродѣтелей отца боголюбиваго!
Радꙋйсѧ, кротости и благочестіѧ матернѧго преемниче!

Въ ста-двадцати верстахъ отъ Москвы и на такомъ же разстояніи отъ Ярославля, при упраздненной шоссейной дорогѣ, среди неровной и довольно болотистой мѣстности, по обоимъ берегамъ рѣки Трубежа, впадающей здѣсь въ озеро Переяславское, расположенъ небольшой уѣздный городокъ Переяславль-Залѣсскій. Первый устроитель

суздальской земли, прадѣдъ св. Александра Невскаго—князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, въ 1152 году основалъ этотъ городъ среди глухихъ дремучихъ лѣсовъ и назвалъ его Переяславлемъ въ память Переяславля южно-русскаго. Подобно другимъ древнимъ русскимъ городамъ, въ немъ и теперь еще много церквей и 4 монастыря. Нѣкогда это былъ знаменитый, стольный городъ удѣльнаго княжества. Отецъ св. Александра Невскаго, князь Ярославъ Всеволодовичъ, былъ удѣльнымъ княземъ переяславскимъ и жилъ въ своемъ удѣлѣ, когда родился у него сынъ Александръ. Но прежде чѣмъ говорить о первыхъ годахъ жизни Александра Ярославича, познакомимся съ его ближайшими предками.

Ближайшіе предки св. Александра жили въ знаменательную эпоху, положившую на нихъ рѣзкій отпечатокъ. То была эпоха возвышенія ростовско-суздальской земли, когда замѣтно начали выясняться новыя начала общественнаго развитія русскаго народа. Русь, видимо, уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверо-востока, чтобы тамъ, вдали отъ всякихъ иноземныхъ вліяній, выработать крѣпкія, устойчивыя основы быта, драгоцѣнный залогъ будущаго мощнаго развитія. Характеръ населенія значительно видоизмѣняется: образуется племя великорусское, замѣтно отличающееся по своему

складу, по своимъ свойствамъ отъ другихъ славянскихъ племенъ, раньше упоминавшихся въ исторіи русской земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность князей ростовско-суздальской земли носитъ характеръ, чуждый идеалу южно-русскихъ князей. Суздальскіе князья отличаются трезвымъ, практическимъ взглядомъ, строгимъ разсчетомъ, искусствомъ организаціи, „наряда", — они полагаютъ начало единовластію на Руси въ противоположность той разноголосицѣ и нескончаемымъ междоусобіямъ, которыя причинили такъ много горя русской землѣ въ такъ называемый кіевскій періодъ. Въ связи съ этимъ стремленіемъ въ ихъ дѣятельности замѣчается пренебреженіе старыми родовыми княжескими отношеніями и счетами, намѣчается борьба съ боярствомъ, съ стариннымъ вѣчевымъ строемъ и мало-по-малу подготовляется возможность государственнаго объединенія Руси. Таковъ былъ, напримѣръ, самый выдающійся изъ суздальскихъ князей—князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, родной братъ и предшественникъ на суздальскомъ престолѣ дѣда Александра Невскаго в. к. Всеволода Юрьевича.

„Если вы будете во Владимірѣ,—говоритъ историкъ,—ступайте въ кремль поклониться этому древнему зданію зодчества въ русскомъ царствѣ (храму Святой Богородицы Золотоверхой—созданіе князя Андрея Юрь-

евича Боголюбскаго). На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и не далеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго князя Андрея. Это былъ самый смышленый князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои руки власть надъ всею своею братьею, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ и Суздаль, и Владиміръ, князья смоленскіе, полоцкіе, волынскіе и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ особливую память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ обратилъ средоточіе русской государственной тяжести въ нашу сторону, онъ вывелъ на позорище исторіи другое племя, великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ здѣшнихъ, изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, и, второй Рюрикъ, положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ, заложенный отцомъ его, всѣ прочіе, и заключитъ въ себѣ судьбы отечества“.

Не менѣе былъ знаменитъ и вышеупомянутый дѣдъ св. Александра в. к. Всеволодъ Юрьевичъ „Большое гнѣздо“. При самомъ началѣ своего княженія, не смотря на свои молодые годы, онъ проявилъ большое мужество и твердость нрава, разсчетливость и осторожность—качества, благо-

даря которымъ онъ пріобрѣлъ огромную силу на Руси. Не торопя событій, безъ видимыхъ усилій съ своей стороны, умѣло пользуясь обстоятельствами, онъ собралъ подъ своей властью почти всю сѣверную Русь. Про его силу пѣлъ древній пѣвецъ:

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати твоей.

Являясь великими правителями, ближайшіе предки св. Александра отличались глубокимъ, искреннимъ благочестіемъ, пламенною ревностью къ распространенію Слова Божія и укорененію его въ сердцахъ современниковъ. Черта глубокознаменательная! Оцѣнивая эту сторону дѣятельности суздальскихъ князей, историкъ говоритъ: „Христіанство, утвердившись въ ростовосуздальской землѣ не раньше XI вѣка, только при Андреѣ получаетъ, такъ сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли, Леонтія и Исаіи; Владимірская икона Божіей Матери, привезенная Андреемъ съ юга, и икона Боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ пріобрѣтать „земское“ значеніе, становясь мало-по-малу у нарождающагося великорусскаго племени символомъ того поли-

тическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ „народность“. Подготовляется то многознаменательное единеніе церкви и государства, которое вполнѣ выясняется въ позднѣйшій, московскій періодъ русской исторіи, и которое составляетъ характеристическую особенность исторіи великорусскаго племени“. Въ теплыхъ искреннихъ словахъ изображаетъ лѣтописецъ глубоко-религіозное настроеніе души князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. „Сей благовѣрный и христолюбивый князь Андрей съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Христа и Его Пречистую Матерь, очистивъ свой умъ, какъ свѣтлую палату, и украсивъ душу всѣми добрыми нравами. Онъ уподобился Соломону, соорудивъ двѣ великолѣпныя и богатѣйшія церкви,—одну въ Боголюбовѣ, другую во Владимірѣ... А потомъ создалъ и многія другія каменныя церкви и многіе монастыри: ибо Богъ отверзъ его сердечныя очи на весь церковный чинъ и на церковники. Не омрачилъ онъ ума своего пьянствомъ; былъ кормителемъ чернецамъ и черницамъ, и для всѣхъ людей былъ какъ бы отцомъ любвеобильнымъ. Особенно же любилъ подавать милостыню: каждый день приказывалъ возить по городу различное брашно и питье и раздавать больнымъ и нищимъ и, видя всякаго нищаго, просящаго милостыню, подавалъ ему и говорилъ въ себѣ: „Не Хри-

стосъ ли это пришелъ испытать меня?..“ По ночамъ входилъ онъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и, повергаясь предъ иконами Господа и святыхъ Его, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ приносилъ, подобно Давиду, покаяніе и плакалъ о грѣхахъ своихъ. Православная Церковь причла благовѣрнаго князя къ лику святыхъ. Живымъ благочестіемъ отличался также и Всеволодъ Юрьевичъ, скончавшійся въ 1212 году. По словамъ лѣтописи, онъ „имѣяше присно страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, подавая требующимъ милостыню, судъ судя истиненъ и нелицемѣренъ, необинуяся лица сильныхъ“, которые притѣсняли слабыхъ и сиротъ, и подобно брату своему Андрею, „многи церкви созда во власти своей“. „Тѣмъ,— замѣчаетъ лѣтописецъ, и дарова ему Богъ чада добросмысленна, яже и воспита въ наказаньи и въ разумѣ совершеннѣ, и даже и до мужества“. Съ особенной теплотой отзываются лѣтописи о дядѣ св. Александра, старшемъ сынѣ Всеволода, Константинѣ, хотя онъ умеръ очень рано, на 33 году своей жизни. „Этотъ блаженный князь возлюбилъ Бога всею душою и всѣмъ желаніемъ; не омрачилъ онъ ума своего суетною славою міра сего, но весь свой умъ устремлялъ туда—къ жизни вѣчной, которую и улучилъ своими милостынями и великимъ незлобіемъ. Былъ правдивъ, щедръ, кротокъ, смиренъ,

всѣхъ миловалъ, всѣхъ снабдѣвалъ, особенно же любилъ дивную и славную милостыню и церковное строеніе, помышляя о томъ день и ночь. Весьма заботился онъ о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей и много ихъ создалъ въ своей области, надѣляя святыми иконами, книгами и разными украшеніями... Не щадилъ имѣнія своего, раздавая его требующимъ, и воистину былъ по Іову окомъ слѣпымъ, ногою хромымъ, рукою неимущимъ, всѣхъ любя, нагихъ одѣвая, усталымъ доставляя покой, печальныхъ утѣшая и не огорчая никого ничѣмъ. Всѣхъ умудрялъ... бесѣдами: ибо часто читалъ книги съ прилежаніемъ и все творилъ по Писанію, не воздавая зломъ за зло... По преставленіи его, жители Владиміра стеклись на его дворъ и плакали о немъ великимъ плачемъ...“ Глубокая искренность христіанскаго благочестія слышится намъ въ его прощальномъ наставленіи своимъ дѣтямъ: „Возлюбленныя чада мои! Будьте между собою въ любви, Бога бойтеся всею душою, заповѣди Его соблюдайте во всемъ и воспріимите всѣ мои нравы, которые вы видѣли во мнѣ. Нищихъ и вдовицъ не презирайте, церкви не отлучайтесь, іерейскій и монашескій чинъ любите, книжнаго ученія слушайте, и Богъ мира да будетъ съ вами. Имѣйте послушаніе къ старѣйшимъ васъ, которые внушаютъ вамъ доброе, такъ какъ вы еще малолѣтни. Чувствую, дѣти

мои, что отшествіе мое изъ міра приближается, и вотъ я поручаю васъ Богу и Его Пречистой Матери и брату моему Георгію, который да будетъ вамъ вмѣсто меня". Этотъ князь Георгій Всеволодовичъ, положившій свою жизнь въ бою съ татарами за родину на берегахъ Сити, православною церковію причтенъ къ лику святыхъ.

Съ особенной силой выступаютъ характерныя черты суздальскихъ князей въ лицѣ отца св. Александра, князя Ярослава Всеволодовича. Упорно, настойчиво и смѣло стремится онъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, дѣйствуя наперекоръ установившимся, освященнымъ вѣками, обычаямъ. Трудно въ такія переходныя эпохи, какъ тогдашняя, избѣжать крутыхъ, подчасъ жестокихъ мѣръ... Но отсюда нельзя еще заключить, чтобы печальная необходимость прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ указывала на злой характеръ правителя. Трудно рѣшить, чья жертва выше: того ли, кто, слѣдуя влеченіямъ своего сердца, охотно жертвуетъ своими интересами, или того, кто, подчиняясь голосу разума, прибѣгаетъ къ суровымъ мѣрамъ, хотя бы въ душѣ и возмущался ими. Князь Ярославъ Всеволодовичъ умѣлъ жертвовать собою во имя общаго блага, умѣлъ подавлять свои личныя чувства. Первый изъ русскихъ князей, собравъ и утѣшивъ, ободривъ пораженныхъ ужасомъ татарскаго нашествія жителей,

покорился онъ печальной, но неизбѣжной участи—смиренной покорностью спасать родину отъ конечнаго разоренія, а подъ конецъ жизни совершилъ трудный подвигъ, отправившись въ далекую Татарію, гдѣ и погибъ страдальческой смертью. Лично же, независимо отъ высшихъ государственныхъ интересовъ, онъ былъ „милостивъ ко всякому, требующимъ невозратно даяше“. А его кончину современники и ближайшіе потомки высоко чтили и выражали свѣтлое упованіе, что Господь „причте его ко избранному Своему стаду праведныхъ селенія“.

Съ другой стороны, по матери своей, св. Александръ является наслѣдникомъ всѣхъ блестящихъ качествъ, отличавшихъ южнорусскихъ князей. Его дѣдъ по матери былъ знаменитый князь Мстиславъ Мстиславичъ, прозванный „Удатнымъ“. Онъ не преслѣдовалъ какихъ-либо новыхъ цѣлей, не давалъ новаго направленія ходу событій. Въ противоположность суздальскимъ князьямъ, это былъ героическій защитникъ старины, неустрашимый боецъ за правду раньше установившихся отношеній и взглядовъ. „Это былъ, по словамъ историка, лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ“, это былъ, однимъ словомъ, блестящій представитель отживавшей старины. Позволимъ привести

здѣсь слѣдующее сравненіе, которое дѣлаетъ историкъ между представителями двухъ эпохъ—отживающей и грядущей. „Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бо̀льшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они лучшіе его представители и доблестные защитники“ (Грановскій). Беззавѣтное мужество на полѣ брани, покровительство всѣмъ утѣсненнымъ, рыцарственная прямота въ поступкахъ, сердечное отношеніе къ людямъ и благородная довѣрчивость чистой души, самоотверженное служеніе родной землѣ, безъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ—таковы черты, составлявшія древній народный идеалъ князя.

Таковъ былъ Мстиславъ Мстиславичъ Удатный, скончавшійся схимникомъ, таковъ же былъ и его отецъ, прадѣдъ св. Александра по матери, Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, причисленный къ лику святыхъ. Оба пользовались горячей любовью своихъ современниковъ. „Онъ всегда порывался на великія дѣла,—говоритъ лѣтописецъ о Мстиславѣ Ростиславичѣ.—И не было земли на Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила бы его. И не можетъ вся русская земля забыть доблести его". Дочь Мстислава Мстиславича Ѳеодосія была матерью св. Александра. Мало сохранилось о ней свѣдѣній, но не даромъ лѣтописи единогласно называютъ ее святою. Она, какъ и ея доблестный родитель, передъ кончиною приняла иноческій чинъ и имя Евфросиніи.

Сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго. Если въ характерѣ и дѣятельности предковъ св. Александра по матери мы видимъ черты блестящей беззавѣтной храбрости, видимъ „золотые сердца", то въ соединеніи съ благоразуміемъ, унаслѣдованнымъ отъ суздальскихъ предковъ, въ Александрѣ Невскомъ мы увидимъ въ одномъ лицѣ прекрасное гармоническое соединеніе разнообразныхъ дарованій, увидимъ цѣльный могучій характеръ, прекрасное созданіе Божіе, даръ всеблагаго Провидѣнія въ одну изъ труднѣйшихъ годинъ нашей исторіи.

Родословная Александра Невскаго.

Рюрикъ

Игорь—св. Ольга

Святославъ

Владиміръ св.

Ярославъ Мудрый

Всеволодъ

Владиміръ Мономахъ

Мстиславъ I	Юрій Долгорукій	
Ростиславъ	Андрей Боголюбскій	Всеволодъ III „Большое гнѣздо“
Мстиславъ „Храбрый“		Константинъ, Юрій II, Ярославъ
Мстиславъ „Удалой“		св. Александръ Невскій
Өеодосія		
св. Александръ Невскій.		

II.

Рожденіе св. Александра.—Постриги.—Книжное ученіе.—Религіозный харектеръ обученія.—Свѣтскія науки.—Физическое воспитаніе. — „Отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ".—Посаженіе на столъ.—Свадьба.—Домашняя жизнь князей.—Вліяніе среды.

Радуйся, Іосифову чистоту и
цѣломудріе стяжавый!
Радуйся, сердце свое отъ всякія
страсти душевредныя чисто со-
хранивый!
Радуйся, путемъ Іакова смирен-
номудрія ходивый!
Радуйся, яко возлюбилъ еси ду-
шею еже о небесныхъ помы-
шленіе!
Радуйся, чрезъ все житіе свое
Богу послуживый!
Радуйся, себе Богу все совершен-
нѣ предавый!

30 мая 1219 жители Переяславля узнали радостную новость: у князя Ярослава Всеволодовича родился второй сынъ, названный при св. крещеніи Александромъ; но болѣе всѣхъ, конечно, обрадованы были родители

и, безъ сомнѣнія, отпраздновали рожденіе сына свѣтлымъ пиромъ. Къ сожалѣнію, намъ мало извѣстны первые годы дѣтства св. Александра, но, несомнѣнно, онъ воспитывался точно такъ же, какъ вообще воспитывались юные княжичи въ древней Руси. Они отдавались обыкновенно на воспитаніе кормильцамъ, или дядькамъ, изъ боярскаго сословія, которые должны были ходить за ними и оберегать ихъ. Впослѣдствіи упоминаются, въ качествѣ воспитателей Александра и старшаго брата его Ѳеодора, бояринъ Ѳеодоръ Даниловичъ и судья Іоакимъ. По третьему или по четвертому году справлялись постриги. Обрядъ постриженія въ древней Руси имѣлъ важное значеніе и въ кругу семейномъ и въ быту гражданскомъ. Онъ вытекалъ изъ понятій и взглядовъ нашихъ предковъ на мужчину, какъ на главу семьи, на его обязанности и отношенія къ обществу, какъ самостоятельнаго члена этого общества. Постриженіе было какъ бы символомъ признанія правъ личности за постригаемымъ: съ момента постриженія онъ становился мужемъ, гражданиномъ. Поэтому его брали отъ женщинъ-нянекъ и отдавали подъ присмотръ мужчинъ. Православная церковь освятила древній обрядъ, сообщивши ему христіанскій характеръ. На постриженіе стали смотрѣть, какъ на посвященіе дитяти Богу, какъ на

выраженіе преданности волѣ Божіей, и его остриженные волосы были какъ бы первою жертвою, приносимою Богу непосредственно отъ самого постригаемаго. Обрядъ происходилъ обыкновенно въ храмѣ. Отрока ставили предъ царскими вратами. Сыновья князей постригались обыкновенно епископомъ, который произносилъ молитву, призывая на постригаемаго благословеніе Божіе. Послѣ совершенія обряда отрока сажали на коня. Это означало его будущую самостоятельность. Въ руки давали оружіе, обыкновенно со стрѣлами—это указывало на обязанность князя защищать родину отъ внѣшнихъ враговъ. За тѣмъ слѣдовала веселая пирушка, свѣтлое семейное торжество, на которое приглашались родственники. Родители дарили гостей дорогими подарками, конями, золотыми и серебрянными сосудами, одеждами и т. п.

Съ молодыхъ лѣтъ князей учили грамотѣ. Наши князья высоко ставили образованіе. Потомки Ярослава Мудраго подражали его ревности къ распространенію книжнаго ученія. Суздальскіе князья не менѣе другихъ, если не болѣе, заботились о просвѣщеніи. Про дядю Александра, Константина Всеволодовича, разсказывается, что онъ часто и прилежно читалъ книги и всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами. У него было богатое собраніе книгъ какъ греческихъ, такъ и

русскихъ. Онъ самъ писалъ и усердно собиралъ свѣдѣнія о подвигахъ древнихъ славныхъ князей. И, навѣрное, не разъ начинавшимъ свое обученіе княжичамъ приходилось слышать отъ своихъ родителей наставленіе Мономаха: „его же не умѣючи, а тому ся учите... Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудетъ, а его же не умѣеть, тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе". Наставниками, конечно, были лица духовныя, да и самое обученіе, имѣя главнымъ образомъ цѣлью ознакомленіе съ истинами христіанкой вѣры, было проникнуто духомъ христіанскаго благочестія. „Родители святымъ книгамъ научиша его", — говорится въ жизнеописаніи св. Александра. По сохранившимся памятникамъ того времени мы можемъ хорошо представить себѣ, какіе уроки и наставленія преподавались тогда юношамъ.

„Вѣдай, княже, что душа наша создана дуновеніемъ Божіимъ и по образу Божію. Въ ней три силы; разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ восходимъ къ уразумѣнію Самого Бога... Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница— ангелъ, нынѣ діаволъ, но, низвративъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ Богу, палъ съ чиномъ своимъ"...

Государств. Публичная
Историческая
Библиотека

„Вторая сила — чувство, выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни къ врагамъ Божіимъ. При неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистью. И вотъ Каинъ убилъ брата своего Авеля“...

„Третья сила—воля: при добромъ направленіи ея человѣкъ стремится къ Богу, не думая о всемъ прочемъ, ждетъ отъ Него просвѣщенія и наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога“.

„Милыя дѣти, не надѣйтесь на себя, и въ употребленіи всѣхъ силъ и даровъ вашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ взирайте на примѣръ Христа, св. апостоловъ и св. отцовъ, которые за Христа страдали во всѣ дни своей жизни. А ослушанія остерегайтесь, чтобы не погибнуть, какъ погибъ первозданный Адамъ чрезъ Еву, приведенную въ непослушаніе Богу. Любовь имѣйте ко всѣмъ, со всѣми пребывайте въ мірѣ, какъ Христосъ весь міръ возлюбилъ, безъ выбора и подалъ намъ совершенный образецъ въ Себѣ. Ибо пришелъ Онъ, Господь милостивый, съ небесъ, и родился въ вертепѣ отъ Дѣвы— для насъ; жилъ съ человѣками и принялъ крещеніе не имѣя грѣха; свѣтло преобразился для нашего увѣренія; былъ связанъ и затворенъ въ темницѣ, внушая намъ не унывать въ такомъ же несчастіи; былъ распятъ на крестѣ, все для того, чтобы наше спасеніе устроить; возлегъ во гробѣ

не за Свои грѣхи; воскресъ, чтобъ насъ извести на свѣтъ; вознесся на небеса, чтобы и намъ, по апостолу, быть восхищенными въ стрѣтеніе Его. Все сіе сотворилъ Онъ премудро, съ любовію и увѣренностью, что Своимъ примѣромъ насъ приведетъ ко спасенію, и для того, чтобы насъ избавить отъ муки въ будущемъ вѣкѣ".

При обученіи старались юношу ознакомить съ книгами Священнаго Писанія, главнымъ образомъ съ Евангеліемъ и Псалтирью, которая надолго сдѣлалась особенно любимой книгою для русскаго народа. Чтеніе книгъ Священнаго Писанія, безъ сомнѣнія, сопровождалось необходимими объясненіями, вродѣ слѣдующаго:

„Читай, княже мой, читай третій псаломъ перваго часа: Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи, и проч. Въ немъ вѣрное изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ, онъ просвѣтитъ еще болѣе умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ твои ноги отъ поползновенія... И возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ, а потомъ отъ царства дольняго вознесешься въ горнее"...

Эти простыя, задушевныя наставленія глубоко западали въ сердце. Книги Священнаго Писанія оставались неразлучными спутниками на всю жизнь, къ нимъ прибѣгали ища вразумленія, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Можно вообразить, съ какимъ вниманіемъ относился юный Александръ къ словамъ наставниковъ! Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался глубокимъ религіознымъ настроеніемъ и живымъ чувствомъ долга. Всякое дѣло, всякую свою обязанность онъ старался исполнить вполнѣ добросовѣстно, „преподобнѣ и праведнѣ“ и „яко вѣрный рабъ благоуготови себе во благихъ угодити Господу своему“. Серьезный не по лѣтамъ характеръ его не дозволялъ ему предаваться пустымъ забавамъ. Любимымъ его занятіемъ, кромѣ чтенія священныхъ книгъ было пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Безъ сомнѣнія, съ раннихъ же лѣтъ св. Александръ пріучалъ себя къ посту и воздержанію, чѣмъ укрѣплялись и его физическіе силы. Благочестивыя упражненія согрѣвались молитвеннымъ настроеніемъ духа, чему способствовали частыя посѣщенія храма, и мѣстныя святыни Переяславля и Новгорода ему были хорошо извѣстны. Говорить ли о томъ, что юный князь, душа котораго съ дѣтства согрѣта была любовію къ Богу, въ тишинѣ ночной имѣлъ обыкновеніе повергаться предъ

иконами Христа и его Пречистой Матери и изливалъ свою душу въ горячей молитвѣ.

Кромѣ книгъ Св. Писанія, извѣстны были въ то время и святоотеческія творенія: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Кирилла Александрійскаго, Ефрема Сирина и друг. Наши предки особенно любили Златоустаго. Въ общемъ употребленіи были и житія святыхъ, переведенныя, вѣроятно, съ греческаго языка, поученія русскихъ пастырей и т. п.

Не были въ пренебреженіи и свѣтскія знанія. Юные князья обучались иностраннымъ языкамъ, преимущественно латинскому и греческому. Знаніе языковъ, по словамъ Мономаха, давало почетъ отъ иностранцевъ. Для знакомства съ событіями всемірной исторіи служили „книги Бытійскыя, рекомыя Палѣя“ — обозрѣніе событій отъ сотворенія міра до христіанства и до погибели „жидовьства“. Но съ особеннымъ усердіемъ юныхъ князей знакомили съ событіями родной старины. Для этой цѣли служили наши лѣтописи. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что св. Александръ „вскоры извыче вся граматикія“, потому что, какъ свидѣтельствуетъ жизнеописатель, потщанно бѣ ему отъ отеческихъ ни въ чесомъ же остати“.

На ряду съ книжнымъ обученіемъ, разумѣется, обращалось большое вниманіе и на

воспитаніе физическое: для этой цѣли служили верховая ѣзда, стрѣльба въ цѣль, военныя игры и т. п. упражненія. Старинная пѣсня поетъ объ этихъ занятіяхъ:

„Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,
Прострѣлить бы стрѣлочка каленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
И попала бы въ колечко серебряное“.

Военныя игры смѣнялись ловами. Прекрасны были эти ловы! Лишь только утренняя заря начинала золотить верхушки деревъ, толпа охотниковъ, молодыхъ товарищей-дружинниковъ, собиралась близъ княжескаго терема. Въ городѣ подымался шумъ, сбѣжавшаяся толпа глазѣла на убранство охотниковъ; къ княжескому терему подводили коней. Выходятъ молодые князья. Они сіяютъ красотой и бодрымъ, веселымъ видомъ. Слуги подаютъ князьямъ охотничьи копья съ желѣзными остріями, „ловчій нарядъ“, другіе ведутъ привязанныхъ за шею собакъ. Рога трубятъ, и звуки весело разносятся по воздуху. Князья выѣзжаютъ изъ города.

Все общество собирается на опушкѣ лѣса. Собаки освобождаются отъ цѣпей и бросаются въ лѣсъ отыскивать дичь. Много водилось въ то время на Руси въ непроходимыхъ дебряхъ всякаго рода звѣрей: туровъ, медвѣдей, волковъ, кабановъ и др.

Не безопасны были эти ловы, но здѣсь же развивалась удаль молодецкая, ловкость и присутствіе духа. „Вотъ какъ я трудился на ловахъ,—разсказываетъ про себя Владиміръ Мономахъ.—Два тура метали меня на рогахъ своихъ съ конемъ, олень бодалъ, одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь около колѣна сѣдло прокусилъ, лютый звѣрь вскакивалъ мнѣ на плечи и повергалъ на землю и меня, и коня. Но Богъ меня сохранилъ невредимо. Съ коня я падалъ много разъ, дважды разбивалъ себѣ голову, повреждалъ и руки, и ноги, особенно въ юности, когда не дорожилъ жизнью, не щадилъ головы своей... Самъ я заботился объ охотничьемъ нарядѣ, о коняхъ, о соколахъ, о ястребахъ... Дѣти мои! Не осуждайте меня, такъ какъ я не хвалю ни себя, ни своей храбрости; я хвалю Бога и прославляю Его милость, такъ какъ Онъ меня, грѣшнаго и недостойнаго, сохранилъ отъ столькихъ опасностей и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всѣ дѣла, достойныя человѣка“.

Безъ сомнѣнія, юнымъ Θеодору и Александру не разъ удавалось отличаться на этихъ охотахъ. Множество убитой дичи служило наградой охотникамъ. По многу убивали „куницъ, лисицъ“

И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ
. . . .
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ".

Солнце садилось; наступала ночь, и нерѣдко усталые охотники ложились отдыхать отъ дневныхъ трудовъ въ палаткахъ среди зеленаго лѣса. Охота на звѣрей смѣнялась соколиною. Запѣвалась старинная пѣсня:

„Вейте силышка шелковыя,
Становите силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу".

Предстоитъ и здѣсь добыча богатая: бѣлые гоголи, чернеди, сизые орлы, галицы, кречеты, черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Все это вмѣстѣ—игры и охоты—должны были укрѣпить и развить физическія силы отрока и приготовить изъ него будущаго защитника родины, добраго страдальца за землю русскую, какимъ и явился впослѣдствіи св. Александръ, „отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бывъ".

Выдающимся событіемъ въ жизни князей было „посаженіе на столъ". При отъѣздѣ Ярослава Всеволодовича въ Кіевъ и при вокняженіи Александра Ярославича въ Новгородѣ въ 1236 году обрядъ посаженія на столъ былъ совершонъ въ Новгородѣ у св.

Софіи. Этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ бы княземъ. Поэтому въ лѣтописяхъ къ выраженію „вокняжился“ обыкновенно прибавляется „и сѣлъ на столѣ“. Благословляя сына своего на княженіе въ Новгородѣ, Ярославъ Всеволодовичъ, подобно отцу своему, говорилъ ему: „Крестъ будетъ твоимъ хранителемъ и помощникомъ, а мечъ твоею грозою! Богъ далъ тебѣ старѣйшинство между братьями, а Новгородъ Великій—старѣйшее княженіе во всей землѣ русской“.

Народъ новгородскій толпами окружаетъ свой знаменитый храмъ. Обыкновенно царствующій въ немъ полумракъ смѣнился яркимъ освѣщеніемъ отъ множества возженныхъ свѣчей. Въ числѣ собравшагося во множествѣ народа благовѣрный князь Александръ возноситъ теплыя молитвы Царю царей. Онъ высокъ ростомъ, строенъ, прекрасенъ собой и еще прекраснѣе въ своемъ молитвенномъ одушевленіи. По красотѣ наружности его сравниваютъ съ Іосифомъ прекраснымъ, а по силѣ и величественному виду съ Сампсономъ. Его звучный и сильный голосъ, подобно громогласной трубѣ, гремѣлъ въ народѣ. Но теперь слезы блестятъ въ прекрасныхъ очахъ и обильно струятся по щекамъ. Благочестивый князь знаетъ, что всѣ усилія человѣка, какъ много даровъ ни дано ему, не принесутъ надлежащей

пользы безъ Божія благословенія, и теперь, въ этотъ торжественный часъ, готовясь отдать всѣ свои силы въ жертву дорогой землѣ русской, онъ смиренно преклоняетъ колѣна и испрашиваетъ Божіей помощи. Усердно вмѣстѣ съ своимъ юнымъ княземъ молятся и граждане... Слышится стройное пѣніе духовнаго чина, благовонной волной струится ѳиміамъ. Все въ этомъ храмѣ дѣйствуетъ на душу и усиливаетъ молитвенное настроеніе: и воспоминанія, связанныя съ прошлыми судьбами города и Святой Руси, и почивающія нетлѣнно мощи святыхъ. Вотъ почти у самыхъ южныхъ вратъ рака съ мощами св. князя, строителя храма, Владиміра Ярославича. Здѣсь же покоятся и мать его Анна, первый новгородскій владыка Іоакимъ корсунянинъ, присланный сюда св. Владиміромъ, Лука Жидята, св. Никита, бывшій затворникомъ Кіево-Печерской лавры, архіепископы: свв. Іоаннъ и Мартирій; здѣсь и знаменитый прадѣдъ Александра св. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый... А съ вышины, точно съ небесъ, взираетъ на все собраніе величественный и строгій ликъ Спасителя.

При возложеніи руки на главу князя архипастырь вознесъ молитву Царю царей, чтобы Онъ изъ „святого жилища“ Своего благословилъ вѣрнаго Раба Своего Александра, укрѣпилъ его „силою свыше“, утвер-

дилъ его „на престолѣ правды“, оградилъ „вооружьствомъ“ Пресвятаго Духа и показалъ его доблестнымъ защитникомъ св. соборной церкви и сподобилъ его „небеснаго царствія“.

Затѣмъ весь новгородскій народъ принесъ торжественно присягу на вѣрность князю. Всѣ цѣловали крестъ и громко, одушевленно воскликнули: „ты нашъ князь!“ Посаженіе совершилось.

Между тѣмъ бирючи разъѣзжали по улицамъ, „зовучи къ князю на обѣдъ, отъ мала и до велика“. Народъ толпами шелъ на дворъ Ярослава. Тамъ въ изобиліи приготовлено вино, медъ, перевара, всякое кушанье и овощи. Безъ сомнѣнія, не одинъ день продолжалось свѣтлое пиршество. Князь веселился радостью народа; народъ радовался, любуясь и гордясь своимъ княземъ.

Черезъ три года, въ 1239 году, новгородцамъ снова пришлось быть свидѣтелями и участниками семейнаго торжества по случаю брака своего юнаго князя.

Въ 1239 году литовцы, воспользовавшись разореніемъ русской земли отъ татаръ, сдѣлали опустошительный набѣгъ на смоленскую область. Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ поспѣшилъ на освобожденіе смоленской земли, побѣдилъ литовцевъ и взялъ въ плѣнъ ихъ князя, устроилъ дѣла въ Смоленскѣ и пріобрѣлъ этимъ походомъ вели-

кую честь и славу. Въ то время въ тѣсной связи съ Смоленскомъ, если не въ полной зависимости, находилось полоцкое княжество. Такимъ образомъ, обороняя смоленскую землю, Ярославъ являлся въ то же время защитникомъ и земли полоцкой. Полоцкимъ княземъ въ то время былъ Брячиславъ. Его-то дочь, Александру, Ярославъ Всеволодовичъ высваталъ за своего старшаго сына. Мы очень мало имѣемъ свѣдѣній о супругѣ Александра Ярославича; но есть полное основаніе утверждать, что это было благословенное супружество. Незадолго до того времени въ Полоцкѣ жила и скончалась (23 мая 1173 г.) знаменитая полоцкая княжна, преподобная Евфросинія. Она рано постриглась въ монахини и въ затворѣ занималась переписываніемъ книгъ, а выручаемую плату раздавала бѣднымъ. Впослѣдствіи она основала свой монастырь и построила каменный храмъ Спасителя, сохранившійся до нашего времени и извѣстный въ народѣ подъ именемъ Спасъ-Юрьевичи. До нашего же времени сохранился и драгоцѣнный напрестольный крестъ, устроенный Евфросиніею, съ замѣчательной надписью: „Честьное древо бесцѣнно есть; а кованье его, злато и сребро и каменье, жьнчугъ въ 100 гривенъ, а др... 40 гривенъ". Въ преклонныхъ лѣтахъ Евфросинія совершила путешествіе ко св. мѣстамъ въ Царьградъ и

Іерусалимъ, гдѣ имѣла утѣшеніе поклониться Живоносному Гробу и поставила надъ нимъ лампаду. Во время этого путешествія она и скончалась. Жизнь и подвиги преподобной, конечно, съ дѣтства хорошо были извѣстны невѣстѣ Александра Ярославича, находившейся съ ней, безъ сомнѣнія, въ родствѣ. Не разъ во время своего дѣтства она посѣщала храмъ преподобной и входила въ двѣ тѣсныя келліи на хорахъ. Въ одной изъ нихъ жила преподобная и слушала богослуженіе; а сквозь небольшое, пробитое въ стѣнѣ, оконце любовалась на міръ Божій, на открывавшіяся во всѣ стороны обширныя поля и на видъ города. Послѣ Евфросиніи остался замѣчательный образъ. Изъ трехъ иконъ, писанныхъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, одна хранилась въ Ефесѣ. Императоръ Мануилъ по родству съ Евфросиніей (сестра ея вышла замужъ за сына Алексѣя Комнена) прислалъ ей эту икону. Отправляясь на бракъ съ Александромъ Ярославичемъ, совершеніе котораго назначено было въ Торопцѣ, невѣста, княжна Александра Брячиславовна, взяла съ собою изъ Полоцка знаменитую икону и поставила ее, въ память своего вѣнчанія, въ торопецкой соборной церкви. Св. икона сохранилась въ Торопцѣ до нашего времени и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Очевидно, юная княжна

желала, чтобы на ея брачной жизни пребывало благословеніе преподобной Евфросиніи и Царицы Небесной.

О свадьбѣ Александра Ярославича въ новгородской лѣтописи кратко сказано: „Вѣнчася въ Торопци, ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую". Но мы скажемъ объ ней поподробнѣе. Русскіе люди того времени называли свадьбу „вторымъ земнымъ почетомъ". „Немного дошло до насъ памятниковъ, сохранившихъ свѣдѣнія о старыхъ свадьбахъ русскихъ людей,—говоритъ описатель старинныхъ русскихъ обычаевъ.—Но и въ этой малости мы видимъ все величіе нашей семейной жизни; и въ этихъ остаткахъ мы узнаемъ свой родной духъ, духъ нашихъ предковъ..." (Сахаровъ).

Къ свадьбѣ созывались издалека князья, родственные и союзные. За невѣстами отправлялись многочисленные поѣзды. Когда всѣ сборы и приготовленія оканчивались, начинался самый обрядъ совершенія свадьбы. „Древняя русская свадьба есть цѣлая поэма въ дѣйствіи, состоящая изъ знаменательныхъ обрядовъ, съ присоединеніемъ множества разнообразныхъ пѣсенъ" (Погодинъ).

Прежде всего молодые готовились къ свадьбѣ говѣньемъ и исповѣдію, испрашивали благословенія у своихъ родителей.

„Не прошу я, батюшка,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я, батюшка,
Благословенья твоего".

Въ день свадьбы собирались всѣ участники торжества: тысяцкій и тысяцкаго жена, дружки, свахи, поѣзжане, бояре и боярыни, конюшій, ясельничій, свѣчники, коровайники, носильщики съ ковромъ, съ подножками и т. д., все должностныя лица. Бояре уряжали людей, и когда все было готово, извѣщали жениха, который убирался въ палатахъ. Конюшій подводилъ рѣзваго аргамака, котораго обязанъ былъ стеречь во время вѣнчанія.

Въ то же время происходили сборы и наряжаніе въ дорогіе уборы невѣсты. При этомъ волосы не заплетали въ косу, а оставляли распущенными по плечамъ. Затѣмъ невѣста и боярыни садились за столъ. Передъ ними стояли разныя должностныя лица со свѣчами, короваемъ и ширинками въ ожиданіи извѣстія отъ жениха.

Всѣ были при дѣлѣ: старшій дружко жениха рѣзалъ сыръ и перепечу; старшій дружко невѣсты долженъ былъ поднести коровай, а меньшой раздавалъ дары—ширинки, платки и полотенца, вынизанныя жемчугомъ и шитыя золотомъ и шелками. Путь къ храму устилался дорогими тканями и коврами, въ храмѣ возжигали свѣчи; а полъ устилали хмелемъ и льномъ.

По полученіи извѣстія отъ жениха, къ палатамъ невѣсты бояринъ подавалъ богато убранныя сани и начиналось шествіе къ храму: свѣчники, коровайники и др. въ дорогихъ нарядахъ несли обручальныя свѣчи и св. богоявленскую воду. Священники кропили путь св. водою. Особые сторожа наблюдали порядокъ среди народа и смотрѣли, чтобы кто-нибудь не перешелъ дороги.

При входѣ въ церковь молодыхъ осыпали хмелемъ.

Вѣнчаніе князей нерѣдко совершалось епископомъ. Послѣ совершенія таинства новобрачные, по прекрасному обычаю того времени, причащались Св. Таинъ.

Послѣ вѣнчанія, оставивъ новобрачнаго въ церкви на вѣнчальномъ мѣстѣ, свахи отводили молодую въ трапезу или на паперть. Здѣсь съ ея головы снимали дѣвичій уборъ и, раздѣливъ волосы надвое, заплетали въ двѣ косы, которыми окружали голову. Накрывъ голову кокошникомъ, покрывали ее фатой и подводили къ новобрачному. На другой день свадьбы косу обрѣзывали, при слезахъ и рыданіи новобрачной.

Затѣмъ слѣдовали поѣздъ отъ вѣнчанія, шествіе въ палаты и пиръ или столованье. Свадебный пиръ назывался княжимъ столомъ. Свадебная комната богато убиралась. Дубовые столы покрывались браными скатертями и устанавливались яствами. Моло-

дымъ приготовляли мѣсто въ углу подъ иконами. Прежде всего новобрачные вкушали коровай, который былъ символомъ ихъ брачнаго союза. На особомъ столѣ ставилась перепеча. Она приготовлялась изъ сдобнаго хлѣбнаго тѣста въ видѣ конуса, съ гранью, похожею на ананасную. Перепеча также заранѣе приносилась въ палату, вмѣстѣ съ сыромъ и солью. Чинно шло честное столованье, съ строгимъ соблюденіемъ установленнаго порядка. Въ опредѣленное время старшій дружко, благословясь у посаженнаго отца и матери, разрѣзалъ перепечу; въ свое время большой дружко, обернувъ сосудъ соболями, подавалъ новобрачнымъ *кашу*, приготовлявшуюся съ особыми обрядами и т. д. Свѣтлое пиршество продолжалось три дня. Оно сопровождалось музыкой и играми.

Гости разъѣзжались, получивъ богатые подарки. За княжнами родители давали большое приданое, „многое множество безъ числа злата и серебра". При разставаніи съ дочерью родители проливали слезы, „занеже бѣ мила има".

Такимъ-то образомъ Александръ Ярославичъ „чини кашу" въ Торопцѣ, но онъ повторилъ свадебныя пиршества и по пріѣздѣ въ Новгородъ, „не изъ любви къ пирамъ, по справедливому замѣчанію историка, а изъ желанія дѣлиться своею радостью

съ народомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его домашняя жизнь имѣла тѣсную связь съ государственною".

„Сіи народныя угощенія, по справедливому замѣчанію Карамзина, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, преставляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; вельможи, тіуны, воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и вѣнценосцамъ".

Въ Новгородѣ съ молодой супругой Александръ Ярославичъ поселился въ обычномъ мѣстопребываніи новгородскихъ князей—въ Городищѣ.

Окрестности великаго Новгорода изобилуютъ водою. По выходѣ изъ Ильменя Волховъ отдѣляетъ отъ себя рукавъ Волховецъ, а близъ самой торговой стороны Новгорода—другой рукавъ Жилотугъ, соединяющійся потомъ съ Волховцемъ. На правомъ берегу рѣки между истоками этихъ рукавовъ находится возвышеніе, имѣющее около квадратной версты. Здѣсь мы встрѣчаемъ теперь простое село, жители котораго за-

нимаются рыбной ловлей и разведеніемъ овощей, но нѣкогда это было такъ называемое Городище или загородный княжескій дворъ, гдѣ большею частію жили князья великаго Новгорода. Князья любили соединять въ своихъ загородныхъ жилищахъ всѣ удобства для жизни, какія представляло то время: не даромъ они называли ихъ „раемъ", „краснымъ селомъ" и т. п. Княжескій теремъ, отъ котораго теперь не осталось никакихъ слѣдовъ, со множествомъ пестрыхъ узорчатыхъ украшеній, съ позолоченнымъ гребнемъ и смотрѣвшими въ разныя стороны коньками на его концахъ, съ рѣзными карнизами представлялъ весьма красивый видъ. Внутри терема особеннымъ убранствомъ отличались сѣни или столовая комната, гдѣ происходили пиршества. Полы устилались дорогими коврами, а стѣны расписывались.

„Хорошо теремы изукрашены!"—говорится въ старинной пѣснѣ.

„На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
Все въ теремѣ по небесному".

Но, разумѣется, самой священной принадлежностью и лучшимъ украшеніемъ жилища были св. иконы. Посѣтители при входѣ и выходѣ изъ дома прежде всего обращались къ нимъ и набожно крестились.

Члены семейства усердно молились предъ ними и утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Древніе русскіе люди, въ присутствіи св. иконъ, не дозволяли себѣ, подъ опасеніемъ тяжкаго грѣха, чего-либо предосудительнаго. Иконы у князей богато украшались золотыми и серебряными окладами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Къ сѣнямъ пристраивалась лѣстница съ крытой площадкой наверху или крыльцо, также затѣйливо украшенное красивыми точеными столбиками. Къ крыльцу вели расчищенныя дорожки, усыпанныя желтымъ пескомъ. На дворѣ близъ терема можно было увидать княжескихъ слугъ, конюховъ и дворниковъ, коротающихъ свой досугъ за игрою въ шашки или бабки. Нерѣдко число такихъ слугъ набиралось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Близъ терема располагались хозяйственныя постройки, гдѣ складывалось всякаго рода добро, кладовыя, погреба, въ которыхъ въ изобиліи хранились „меды стоялые, питьица медвяныя, зелено вино“. Скотные дворы и конюшни вмѣщали въ себѣ множество добрыхъ коней, крупнаго и мелкаго скота. На дворѣ стояло по нѣскольку сотъ стоговъ. Обширность построекъ и всякаго рода запасовъ будетъ для насъ вполнѣ понятна, если вспомнимъ, что при князѣ неотлучно находилась часть его дружины, такъ называемые „отроки, дѣтскіе, пасынки“,

у князя же хранилось оружіе и содержались запасы коней для военнаго времени. Сверхъ того, нѣкоторые князья отличались самой широкой благотворительностью. „Дивная и святая милостыня“ не даромъ считалась наиболѣе священной обязанностью древняго русскаго человѣка.

Наиболѣе цѣнное имущество состояло въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, мѣхахъ, паволокахъ, дорогомъ оружіи, камняхъ, жемчугѣ и т. п. Дѣлались большіе запасы одежды. Одежда князей состояла изъ кафтана, спускавшагося немного ниже колѣнъ. Кафтаны шились изъ дорогихъ привозныхъ тканей разнообразныхъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, краснаго. Сверхъ кафтана—корзно или мантія. На корзно употреблялись самыя дорогія ткани, напримѣръ: оксамитъ, золотая или серебряная ткань, привозимая изъ Греціи, расшитая шелковыми разводками и узорами. Его застегивали на правомъ плечѣ запоною. Кафтанъ перехватывался золотымъ поясомъ съ четырьмя концами. Атласный воротникъ, рукава или „поручи“, подолъ кафтана и края корзна наводились золотомъ. Отъ шеи до пояса по кафтану иногда шла золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами. Сапоги носились цвѣтные съ острыми носами. На головѣ шапка съ наушниками, называвшаяся клобукомъ, цвѣтного бархата съ соболиною опушкой. На

груди носили кресты. Ношеніе креста на груди скоро на Руси вошло во всеобщій обычай. Св. крестъ считался крѣпкой порукой въ вѣрности данному слову. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь была столь сильна въ русскомъ человѣкѣ, что онъ, вооружившись крестомъ, безстрашно шелъ въ бой съ врагами.

Наши князья вели бодрую, дѣятельную жизнь. Съ молодыхъ лѣтъ ихъ уже посылали участвовать въ походахъ. О св. Александрѣ также можно сказать, что у него „из(ъ) млада не бы покоя". Въ мирное же время день ихъ проходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ: вставали они рано поутру, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ и прежде всего шли въ церковь до начала службы и сами возжигали свѣчи.

„Первое къ церкви,—говоритъ Владиміръ Мономахъ,—да не застанетъ васъ солнце въ постели... Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу восходящу и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью". Живое религіозное чувство одушевляло князей на молитвѣ, и примѣръ ихъ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ.

Храмы въ древней Руси имѣли огромное значеніе. Они были не только главною святыней города, но и символами гражданской жизни. „Постоять за св. Софію", какъ впослѣдствіи въ Московскомъ государствѣ „за

домъ Пречистыя Богородицы“, значило постоять за свою родину, за ея цѣлость и независимость. Храмъ въ глазахъ нашихъ предковъ былъ живою благодатной силой. Этой силѣ они приписывали всѣ свои удачи, побѣды надъ врагами, избавленіе отъ бѣдствій. Какъ мѣсто, посвященное Богу, храмъ считался неприкосновеннымъ убѣжищемъ: тамъ часто находили себѣ защиту спасавшіеся отъ буйства мятежной толпы. Но прежде всего храмъ былъ училищемъ вѣры и благочестія, главнымъ просвѣтительнымъ и образовательнымъ центромъ. Красота храма и богослуженія имѣли неотразимую прелесть для нашихъ предковъ. Потому-то они „вельми болѣзновали духомъ, зря подписаніемъ неукрашену церковь“. Понятно, что всякое построеніе и украшеніе храма было важнымъ событіемъ жизни, въ высшей степени занимало всѣхъ и каждаго отъ князя до простолюдина и соединяло всѣхъ въ чувствѣ радости и умиленія. Ко дню освященія всѣ спѣшили во вновь построенный и украшенный храмъ и испытывали высокое духовное наслажденіе, „видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись, воистину мнящеся яко на небеси стояти.“ Послѣ освященія храма слѣдовалъ пиръ, иногда всенародный. Князья одаривали подарками „вся яже отъ первыхъ и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, но и

прилучившаяся тогда". При такомъ отношеніи къ храму наши князья естественно желали видѣть храмъ вблизи своего жилища. Такъ въ обычномъ мѣстопребываніи новгородскихъ князей, на Городищѣ, было нѣсколько храмовъ, и между прочими церковь Благовѣщенія, построенная Мстиславомъ, сыномъ Мономаха. Тамъ хранилось богато украшенное Евангеліе, сохранившееся до нашего времени—даръ благочестиваго строителя храма. Безъ сомнѣнія, этотъ храмъ былъ особенно часто посѣщаемъ св. Александромъ во время его новгородской жизни...

Послѣ божественной службы князья завтракали и затѣмъ садились думать съ дружиною или творить судъ, „людей оправливать". Безъ сомнѣнія, при этомъ оправливаніи людей Александръ Ярославичъ имѣлъ случай проявить свою проницательность и мудрость, которую сравнивали съ мудростью Соломона. Онъ особенно любилъ правосудіе и строго требовалъ отъ бояръ, чтобы они справедливо судили, не потворствовали сильнымъ и не обижали слабыхъ, чтобы отнюдь не брали неправедной мзды и довольствовались законнымъ вознагражденіемъ. Не одной прекрасной наружностью, не однимъ именемъ онъ напоминалъ современникамъ великаго македонскаго героя: юный князь умѣлъ держать бояръ въ повиновеніи. Крот-

кій и ласковый въ обращеніи, онъ невольно внушалъ уваженіе къ себѣ своими выдающимися душевными качествами, а непокорныхъ смирялъ грозой своего гнѣва и примѣрнаго наказанія. За отсутствіемъ дѣлъ, князья развлекались охотой, о чемъ было уже сказано раньше.

Иногда князей навѣщали духовныя лица. Какъ самые образованные люди своего времени, пастыри церкви пользовались великимъ уваженіемъ со стороны князей, которые совѣтовались съ ними о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, и ни одного предпріятія не начинали безъ пастырскаго благословенія.

Въ полдень былъ обѣдъ. Столъ былъ изобильный, подавалося „брашно многое“: тетеря, гуси, жеравіе и ряби, голуби, кури, заяци и елени и т. п. За столомъ служили повара и домашняя прислуга. Обыкновенными напитками были: квасъ, медъ, вино, олуй (норманскій напитокъ, oel). Самъ всегда воздержный, Александръ Ярославичъ былъ очень радушнымъ хозяиномъ, но всѣ хорошо знали его взглядъ на излишество въ пищѣ и питіи.

Посты соблюдались очень строго.

Послѣполуденное время посвящалось отдыху. Это вполнѣ понятно, если вставали до разсвѣта. „Спанье есть отъ Бога присужено полудне, — говоритъ Мономахъ,— отъ чина

бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и человѣки".

Вечеръ отдавался, по всей вѣроятности, заботамъ о домашнихъ дѣлахъ по управленію селами, дворами, стадами; принимались и выслушивались счеты и разсчеты съ тіунами и т. п.

День оканчивался ужиномъ. Сну предшествовала молитва. „Ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ діавола", —замѣчаетъ Мономахъ.

Но чѣмъ бы князья не занимались, мирнымъ ли строеніемъ или ратнымъ дѣломъ, высшимъ идеаломъ истинно-христіанской жизни они считали иночество. Въ теченіе всей жизни ихъ не покидала „мысль на постриженіе"; они стремились къ отрѣшенію отъ „многомятежнаго житія" къ „мнишьскому чину". Такой взглядъ, несмотря на всю воинственность эпохи, естественно налагалъ замѣтный отпечатокъ на всю домашнюю повседневную жизнь.

Закончимъ нашъ очеркъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Несомнѣнно, самое могущественное вліяніе на человѣка оказываетъ среда. Христіанская вѣра, вполнѣ отвѣчавшая мирному характеру русскаго народа, сдѣлала рѣшительный поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Справедливо сказано, что христіанство „не клиномъ врѣзалось въ народное міросозерцаніе и стало

въ немъ особнякомъ, а привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемою и, пожалуй, существенною частью его духовной природы“. Христіанство давало русскому народу отвѣты на всѣ запросы его совѣсти, опредѣляло всѣ частные случаи жизни христіанина и мало-по-малу вводило новыя начала въ глубину семейнаго и частнаго быта. Можно сказать, вся жизнь древняго русскаго общества была проникнута христіанскимъ духомъ. Все, въ чемъ только выражалась умственная жизнь народа,—всѣ его думы, убѣжденія, чаянія и идеалы—все носило сильный отпечатокъ новой вѣры. Лѣтописи, сочиненія и письма свѣтскихъ лицъ проникнуты религіознымъ настроеніемъ и наполнены текстами Священнаго Писанія. Самыя повѣсти, сказки, былины и пѣсни той эпохи носятъ характеръ религіозный. Правда, въ народной массѣ еще довольно крѣпко держались пережитки язычества, въ видѣ суевѣрій разнаго рода, но это происходило не отъ сознательнаго противодѣйствія новымъ началамъ: здѣсь скорѣе сказывалась сила привычки, застарѣлость традицій. Правда, въ дѣйствительной жизни еще господствовали часто необузданные страсти и пороки, святыя слова очень часто были въ разладѣ съ дѣломъ. Но вѣдь „и слова,—по справед-

ливому замѣчанію историка, — имѣли силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ". Дѣйствительная жизнь далеко не соотвѣтствовала высокимъ требованіямъ христіанства, но въ духовной сферѣ христіанское начало царило безусловно, сообщая удивительную цѣльность міросозерцанію тогдашнихъ людей, и души, особенно воспріимчивыя, всецѣло съ пламеннымъ усердіемъ отдавали всю свою жизнь на служеніе христіанскому идеалу. Такова была среда, въ которой росли и воспитывались русскіе люди того времени.

„Богомудре Александре, тя новопросвѣщенная россійская страна возрасти!"

III.

Пребываніе св. Александра въ Новгородѣ до налала сомостоятельнаго княженія.—Владѣнія и политическое устройство великаго Новгорода. — Отношеніе къ суздальскимъ князьямъ.—Князь Ярославъ Всеволодовичъ.—Народныя бѣдствія и волненія въ Новгородѣ. — Торжество Ярослава. — Смерть Θеодора Ярославича. — Оставленіе Александра на княженіе въ Новгородѣ.—Удаленіе кн. Ярослава въ Кіевъ. —Вліяніе новгородской жизни на характеръ Александра.

Радѹйсѧ, стѧжателю совершеннаго дара водрственнаго себѣ вниманіѧ!
Радѹйсѧ, нищихъ алчѹщихъ питателю!
Радѹйсѧ, сирыхъ сильный покровителю!

Не суждено было Александру Ярославичу мирно расти и развивать свои силы подъ кровомъ родительскимъ, вдали отъ тревогъ и заботъ житейскихъ. Слишкомъ рано ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью и испытать ея суровыя уроки. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ долженъ былъ познакомиться со всѣми треволненіями тогдашней вольной новгород-

ской жизни, но зато, съ другой стороны, трудно было бы указать какой-нибудь другой городъ или область, гдѣ нашлись бы столь благопріятныя условія для образованія великихъ качествъ правителя, гдѣ можно было бы пройти наилучшую школу политической мудрости, какъ именно въ Новгородѣ.

Богатъ и славенъ былъ господинъ великій Новгородъ! Широко раскидывался онъ своими пятью концами по обоимъ берегамъ рѣки Волхова: на лѣвой Софійской сторонѣ виднѣлись зубчатыя стѣны кремля, а за ними, вѣнчаясь крестами, возвышалась соборная церковь Софіи Премудрости Божіей — главная новгородская святыня, символъ новгородской свободы и самостоятельности. На другой сторонѣ стоялъ завѣтный дворъ Ярославовъ.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ иль на бой.

Обширны были владѣнія Новгорода! Ему принадлежала *новгородская* земля, простиравшаяся на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, до рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ, до самыхъ границъ ливонской земли, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго и Онежскаго озеръ. Далѣе за предѣлами Новго-

родской земли простирались новгородскія области, занимавшія громадное пространство земель до Ледовитаго океана на сѣверѣ и до Оби въ Сибири... Однако, не обширное пространство подвластныхъ земель было главнымъ источникомъ силы новгородской: Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси, чему, конечно, болѣе всего способствовали близость Балтійскаго моря и удобные водные пути, соединявшіе его съ внутренними частями Россіи. Большія богатства стекались въ Новгородъ! Но больше всего Великій Новгородъ гордился и дорожилъ свою вольностью. Не даромъ водились тамъ встарину „удалые добрые молодцы“, называвшіеся повольниками, неугомонныя, буйныя головы. Не зная, куда дѣвать свою удаль молодецкую, свою силу богатырскую, они бросались, подобно скандинавскимъ викингамъ, въ дальнія и опасныя предпріятія, подъ руководствомъ отважнаго и опытнаго вождя, прославленнаго пѣснями за удалые подвиги. И море Варяжское, и берега Студенаго моря, и Поволожье были свидѣтелями ихъ буйствъ и грабежей, равно какъ и ихъ безстрашнаго мужества, смѣтливости и ловкости. Оживлялись пустыни, въ темныхъ дебряхъ звенѣлъ топоръ, по вѣковымъ трущобамъ росли новые поселки, и изъ конца въ конецъ по краю звонко раздава-

лась, высоко залетая надъ глушью лѣсовъ и степей, пѣсня Руси молодой, и въ пѣсни той—вольный кличъ лихихъ борцовъ, орлиный клекотъ, сила бурная, неудержимая... Но куда бы судьба не занесла повольника, онъ нигдѣ и никогда не долженъ былъ забывать ни великаго Новгорода, ни своего имени христіанскаго: горячая любовь къ родинѣ, защита бѣдныхъ и несчастныхъ, великодушіе въ отношеніи къ побѣжденнымъ составляли главныя его доблести. Нагулявшись и натѣшившись досыта, повольники возвращались домой и приносили свою опытность, свою закаленную въ опасностяхъ энергію на службу великаго Новгорода, а иногда и открывали для новгородской торговли новыя земли и рынки.

Новгородъ считалъ себя государствомъ самостоятельнымъ, не то что другіе удѣлы земли русской. Правительство новгородское составлялъ самъ господинъ великій Новгородъ и власти, имъ избранныя. Верховной властью, распоряжавшейся судьбами города и не признававшей никого выше себя, было вѣче.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей.

Но это же вѣче очень часто превращалось въ бурную сходку, кончавшуюся кро-

вопролитіемъ и грабежами, и только иногда вмѣшательство новгородскаго архипастыря, являвшагося въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ, прекращало буйство враждующихъ сторонъ.

Тѣмъ не менѣе Новгородъ никогда не могъ обойтись безъ князя, выборъ котораго, однако, вполнѣ зависѣлъ отъ самаго Новгорода. Навязать князя, противъ воли народа, было нельзя, иначе въ Новгородѣ не примутъ его. Но если князь, избранный и принятый Новгородомъ, полюбится ему, сумѣетъ ужиться съ новгородскими порядками, онъ смѣло могъ разсчитывать на вѣрность и преданность гражданъ. Новгородцы не любили нововведеній и, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, хорошо сознавали необходимость княжеской власти. „Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ!“ говорили они князю, жившему съ ними въ ладу. Бѣда была въ томъ, что ужиться-то князю съ новгородцами, при крайне стѣснительныхъ условіяхъ княжеской власти, было очень трудно. Не даромъ еще древній Святославъ говорилъ новгородцамъ, просившимъ у него князя: „да кто къ вамъ пойдетъ?“ И дѣйствительно бывало такъ, что въ теченіе ста лѣтъ ни одинъ князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ... Слишкомъ ужъ ревниво охраняли новгородцы свою вольность и подчасъ злоупотребляли ею.

Но вотъ показалась гроза на востокѣ!... Андрей Боголюбскій рѣшительно объявилъ новгородцамъ: „вѣдомо вамъ буди—хочу искать Новагорода и добромъ и лихомъ!“ Пришло время новгородцамъ призадуматься, почуяло ихъ сердце, что настаютъ и для нихъ иныя времена. Правда, они не задумались отважно вступить въ борьбу съ суздальскими князьями, и въ этой борьбѣ высказали много энергіи, тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ суздальское вліяніе, какъ какой-то неотразимый рокъ, начинаетъ тяготѣть надъ новгородцами.

„И оттолѣ начашася новгородци мясти и вѣчи часто начаша творити“.

Хотя вѣче составлялось изъ всѣхъ членовъ новгородской общины, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, но, въ сущности, всѣми дѣлами и рѣшеніями вѣча орудовали знатные и вліятельные боярскіе роды, принадлежавшіе къ различнымъ враждебнымъ другъ другу партіямъ. Появлялось ли какое-нибудь народное бѣдствіе въ Новгородѣ—и враждебныя партіи уже спѣшили воспользоваться возбужденіемъ черни и народнымъ горемъ для своихъ цѣлей. Бѣдный людъ такимъ образомъ былъ не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ враждующихъ между собою боярскихъ родовъ, которые нерѣдко готовы были жертвовать благомъ родины, лишь бы добиться торжества надъ противниками.

Въ своихъ стремленіяхъ къ установленію единовластія въ русской землѣ суздальскіе князья, для утвержденія своей власти въ Новгородѣ, первоначально также старались заручиться поддержкою своей партіи. Возставая противъ ихъ притязаній, противники суздальскаго вліянія возбуждали народъ во имя старинныхъ правъ и вольностей, во имя свободы и независимости родины, выступая такимъ образомъ защитниками отечества противъ князей, стремившихся, будто бы, къ его порабощенію. Только впослѣдствіи выяснялось все болѣе и болѣе, что бояре, волнуя народъ и продавая отечество различнымъ князьямъ, имѣютъ въ виду далеко не благо народа, а преслѣдуютъ свои эгоистическія цѣли. Подъ конецъ боярская аристократія окончательно разошлась съ народомъ, ставши въ рѣзкое противорѣчіе съ его кровными интересами и духовными стремленіями. Ясно стало, что князь, желавшій прочно и навсегда владѣть Новгородомъ, долженъ взять подъ свою защиту весь новгородскій народъ, обижаемый боярами, въ твердой увѣренности, что онъ не пойдетъ за своими притѣснителями. Таковъ внутренній смыслъ продолжительной борьбы, начатой съ Новгородомъ суздальскими князьями и окончившейся при Іоаннѣ III...

Особенно замѣчательны были отношенія новгородцевъ къ отцу св. Александра—кня-

зю Ярославу Всеволодовичу. Новгородцы нѣсколько разъ приглашали и снова прогоняли его отъ себя, вслѣдствіе его крутого и самовластнаго нрава. Въ 1228 году Ярославъ Всеволодовичъ, разгнѣвавшись на новгородцевъ за ихъ непослушаніе, удалился въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Ѳеодора и Александра съ ихъ воспитателями. Тотчасъ по отъѣздѣ князя въ Новгородѣ начались безпорядки. Въ 1228 году въ новгородской землѣ стояла необыкновенно дождливая осень. Съ самаго Успеньева дня начали лить дожди и продолжались непрерывно до Николина дня. „За все это время мы не видали ни одного свѣтлаго дня“,—замѣчаетъ лѣтописецъ.—Нельзя было ни сѣнокоса окончить, ни убрать съ полей хлѣба. Очевидно, Богъ прогнѣвался на новгородцевъ. Нужно было найти виноватыхъ. Въ то время владыкой въ Новгородѣ былъ инокъ Арсеній, избранный въ архіепископы приверженцами Ярослава Всеволодовича. Враги послѣдняго воспользовались народнымъ возбужденіемъ по случаю небывалаго ненастья. Собралось бурное вѣче. Раздались крики: „Владыка Арсеній во всемъ виноватъ. Изъ за него стоитъ ненастье. Зачѣмъ онъ неправильно сѣлъ на владычнемъ столѣ, заплативши мзду князю!“ Толпа бросилась на владыченъ дворъ. Кроткій Арсеній едва ус-

пѣлъ укрыться въ храмѣ св. Софіи, но его оттуда вытащили, „акы злодѣя пьхающе за воротъ“. Владыка едва спасся отъ смерти. Тогда толпа принялась за истребленіе другихъ приверженцевъ Ярослава. Весь городъ поднялся на ноги. Никогда не бывало столь бурнаго вѣча. Ярославовы сторонники рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Готовилось ужасное кровопролитіе, но, къ счастью, подъ самый Николинъ день, на 6-е декабря, произошло страшное наводненіе, сломало Волховскій мостъ и такимъ образомъ раздѣлило противниковъ, собравшихся съ оружіемъ въ рукахъ на противолежащихъ сторонахъ. Восторжествовавшая партія послала сказать князю, что онъ можетъ пріѣхать въ Новгородъ, но долженъ отказаться отъ всѣхъ затѣянныхъ имъ новинъ, долженъ уважать новгородскую старину и вольности. Въ противномъ случаѣ, замѣчали послы, „ты себѣ, а мы себѣ“. Но Ярославъ вовсе не былъ такой князь, который бы легко отказывался отъ своихъ стремленій. Среди зимы, въ ночь на вторникъ въ сыропустную недѣлю новгородцы узнали, что юные княжичи, Ѳеодоръ и Александръ, по приказанію отца, покинули Новгородъ. Это внезапное исчезновеніе было отвѣтомъ Ярослава на новгородскія требованія. Новгородцы поняли, что Ярославъ сильно разгнѣвался на нихъ. На слѣдующее же утро собралось вѣче. „Князь

задумалъ какое-нибудь зло на св. Софію... Мы не гнали князей отъ себя и самому князю не сдѣлали никакого зла, казнили только свою братью. Пусть судитъ имъ въ томъ Богъ и честный крестъ, а мы промыслимъ себѣ князя!“ кричали на вѣчѣ. Такого именно результата и добивались противники суздальскаго вліянія. Рѣшено было послать въ Черниговъ и звать князя Михаила Всеволодовича. Но послѣднему недолго пришлось пробыть въ Новгородѣ. Послѣ его отъѣзда снова начались волненія. Борьба партій разгоралась все болѣе и болѣе, и безпорядкамъ, казалось, не было конца. Новгородцы рѣшили снова призвать Ярослава Всеволодовича. Очевидно, твердый, строго послѣдовательный образъ дѣйствій этого князя производилъ сильное впечатлѣніе на новгородцевъ которые, какъ будто сами утомившись отъ внутреннихъ волненій и мятежей, спѣшили подъ защиту сильнаго князя. Ярославъ не замедлилъ явиться на зовъ новгородцевъ и прибылъ въ Новгородъ 30 декабря 1230 года. Проживъ здѣсь около двухъ недѣль, онъ вторично оставилъ своихъ сыновей Ѳеодора и Александра и удалился въ свой Переяславль.

Южнымъ князьямъ и на этотъ разъ пришлось быть свидѣтелями ужасныхъ народныхъ бѣдствій. Глубокое, неизгладимое на всю жизнь, впечатлѣніе должны были производить на юныя души ихъ потрясающія кар-

тины посѣтившаго Новгородъ страшнаго несчастія. Не дай Богъ никому переживать ничего такого! Но подобныя испытанія, потрясая душу, воспитываютъ серьезный взглядъ на жизнь: жизнь—не веселый праздникъ, но подвигъ... Въ грозныя минуты народныхъ бѣдствій умолкаютъ себялюбивыя стремленія, и чужое горе, живо ощущаемое, порождаетъ у благородныхъ натуръ желаніе принести себя въ жертву, лишь бы облегчить чужія страданія. Не можетъ пройти безъ важныхъ послѣдствій, когда правителю народа, какъ св. Александру, приходится такъ близко ознакомиться съ народными бѣдствіями и такъ рано заботиться объ ихъ облегченіи. Здѣсь-то научился св. Александръ быть „сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощныхъ помощникомъ“, „не изыде бо изъ дому его никто же тощь“.

Вслѣдствіе ранняго мороза всѣ озимые посѣвы погибли въ новгородской области, и „оттолѣ горе уставися велико“: цѣны на хлѣбъ стали быстро возрастать и дошли до небывалой высоты—по гривнѣ серебра (около фунта) за четверть ржи. На подвозъ не было никакой надежды, потому что бѣдствіе постигло на этотъ разъ не одинъ Новгородъ. По всей землѣ русской терпѣли голодъ, кромѣ Кіева. Несчастные новгородцы сначала ѣли мохъ, липовую и сосновую кору, жолуди, ильмовый листъ, потомъ принялись

за конину, собакъ и кошекъ, но, видно, подъ конецъ и этой пищи не хватило. Множество непогребенныхъ труповъ умершихъ отъ голода людей валялось по улицамъ. „Что сказать о постигшей насъ карѣ Божіей! — восклицаетъ лѣтописецъ, продолжая свой ужасный разсказъ.—Кто не прослезится, видя мертвецовъ, разбросанныхъ по улицамъ, и младенцевъ, которыхъ пожирали псы!?“ Голодъ заглушалъ, казалось, всѣ человѣческія чувства: отцы и матери продавали дѣтей въ рабство, только бы добыть хлѣба. Братъ брату, отецъ сыну, мать дочери отказывали въ кускѣ хлѣба. Тупо и безсмысленно смотрѣли родители на муки умиравшихъ голодною смертью дѣтей своихъ... „Не бысть милости межи нами, нъ бяше, туга и печаль, на уличи скорбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣті плачуще хлѣба, а другая умирающа“. Люди обращались въ голодныхъ звѣрей: обезумѣвъ отъ голода и отчаянія, несчастные принялись поѣдать человѣческіе трупы, а нѣкоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живыхъ людей, рѣзали и пожирали ихъ. Тщетно старались остановить злодѣйства ужасными казнями: пойманныхъ и уличенныхъ въ звѣрскихъ злодѣяніяхъ жгли огнемъ, вѣшали, но голодъ пересиливалъ страхъ смерти. Весь гражданскій порядокъ приходилъ въ разрушеніе: начались грабежи, поджоги жилищъ съ цѣ-

лію отыскать какіе-нибудь запасы хлѣба. Пошла рѣзня... Немудрено, что среди такого крушенія всякаго порядка, въ началѣ 1231 года произошелъ страшный пожаръ, обратившій въ пепелъ весь Славенскій конецъ. Огненное море распространялось во всѣ стороны и грозило гибелью всему городу, благодаря вихрю, переносившему огонь даже черезъ Волховъ. Уцѣлѣвшіе отъ голода становились жертвою пламени или тонули въ рѣкѣ, спасаясь отъ огня. „Уже бяше при конци городъ сей!“

Настала весна. Нѣмцы привезли изъ-за моря хлѣба, муки и жита. Народъ началъ оживать и поправляться, но чаша бѣдствій еще не переполнилась... „Горькая и бѣдная память“ о той веснѣ осталась въ народѣ! Противники князя Ярослава Всеволодовича не дремали и спѣшили воспользоваться народнымъ горемъ и нуждою, чтобы снова возбудить народъ противъ князя. Легко можно представить себѣ, какіе возгласы раздавались на вѣчѣ.

„Князь цѣловалъ икону Пресвятой Богородицы на томъ, что будетъ княжить по-старинѣ, но это оказалось только на словахъ!.. Зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Новгорода и увезъ съ собою нашихъ лучшихъ мужей? Не старается ли онъ въ конецъ погубить Великій Новгородъ? Не онъ ли произвелъ у насъ

голодъ, захвативши всѣ обозы? Поищемъ себѣ другого князя!“

Отправлено было посольство къ князю Святославу Трубчевскому. Городу грозило страшное междоусобіе. Къ счастью, Ярославъ, во-время получивъ объ этомъ извѣстіе, поспѣшно пріѣхалъ въ Новгородъ, переловилъ подстрекателей и засадилъ ихъ подъ стражу на Городищѣ въ гридницѣ, но нѣкоторые изъ мятежниковъ бѣжали къ нѣмцамъ въ Медвѣжью Голову и начали вмѣстѣ съ заклятыми врагами Новгорода нападать на новгородскія земли, какъ будто для восполненія пережитыхъ бѣдствій нужно было присовокупить еще иноземное нашествіе.

Что пережили, что перечувствовали за все это время въ Новгородѣ юные князья? Какъ глубоко должна была проникнуть и ихъ сердца жалость къ бѣдному люду, который, только что перенеся невыразимыя бѣдствія, сдѣлался игрушкою въ рукахъ своевольныхъ людей, которые ставили свои интересы и честолюбивыя стремленія выше блага народнаго? Впослѣдствіи мы увидимъ, какой глубокій слѣдъ оставили въ душѣ Александра происки и мятежи, волновавшіе Новгородъ во дни его юности. Отголоскомъ чувствъ, которыя питали въ то тяжкое время всѣ добрые граждане, служатъ безыскусственныя разсужденія лѣтописца: „По дѣламъ нашимъ воздалъ намъ Богъ, видя наши без-

законія, ненависть другъ къ другу, зависть, непокорство и нарушеніе клятвы!“

Ярославъ Всеволодовичъ привелъ въ Новгородъ свои переяславскіе полки и вмѣстѣ съ новгородцами весною 1234 года выступилъ противъ нѣмцевъ, разбилъ ихъ наголову и опустошилъ ихъ землю. Нѣмцы поклонились Ярославу и заключили съ нимъ такой миръ, какой ему хотѣлось. Лѣтомъ того же года Ярославъ одержалъ еще славную побѣду надъ литовцами, сдѣлавшими набѣгъ на Русу. Торжественно послѣ этихъ побѣдъ вступалъ въ Новгородъ Ярославъ Всеволодовичъ. Народъ встрѣчалъ его съ великой честью, какъ защитника новгородской земли. Преступный союзъ партіи его противниковъ съ иновѣрцами уронилъ ихъ въ глазахъ всего народа. Каждый честный новгородецъ считалъ за лучшее повиноваться русскому князю Ярославу и держаться его стороны, чѣмъ дружить съ измѣнниками, которые приводятъ нѣмцевъ опустошать родину. Враги Ярослава ничего лучше не могли придумать для полнаго торжества этого князя, какъ именно вступивъ въ союзъ съ нѣмцами. Теперь они оказались врагами св. Софіи, а князь Ярославъ—защитникомъ свободы и земли новгородской.

Такъ послѣ продолжительной и страстной борьбы съ суздальскими князьями Новгородъ, истомленный междоусобіями, голодомъ,

моромъ, пожарами, палъ окончательно и почти сдѣлался простымъ удѣломъ дома Ярослава. Теперь Ярославъ Всеволодовичъ могъ распорядиться имъ по своей волѣ и отдать своему сыну, а тотъ—своему и т. д. Можно было въ скоромъ времени ожидать и въ Новгородѣ полнаго торжества княжеской власти надъ старымъ вѣчевымъ устройствомъ, и только неожиданный и страшный погромъ монгольскій отвлекъ на долго вниманіе князей отъ дѣлъ новгородскихъ въ другую сторону.

Около году прожилъ Ярославъ Всеволодовичъ въ Новгородѣ и въ 1236 году отправился въ Кіевъ для занятія кіевскаго престола, оставивши княжить въ Новгородѣ сына своего Александра, потому что старшаго его сына Ѳеодора въ живыхъ уже не было.

Въ исторіи народовъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ событіями, въ которыхъ нельзя не видѣть явнаго проявленія Высшей Воли, направляющей теченіе ихъ, по Своему всеблагому усмотрѣнію. Видно, при тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, которыя суждено было пережить русскому народу, во главѣ его долженъ былъ стоять не другой кто-нибудь, не старшій братъ Ѳеодоръ, а именно Александръ. Въ 1232 году великій князь Георгій Всеволодовичъ, старшій братъ Ярослава, посылалъ въ походъ противъ

Мордвы своего сына Всеволода. Ѳеодоръ Ярославичъ также принялъ участіе въ этомъ походѣ своего двоюроднаго брата, вмѣстѣ съ князьями рязанскимъ и муромскимъ. Отсутствіе Ѳеодора изъ Новгорода на этотъ разъ, однако, не было продолжительно: въ слѣдующемъ 1233 году онъ уже снова былъ въ Новгородѣ, гдѣ родители готовились отпраздновать его свадьбу. Но вмѣсто свѣтлаго брачнаго пира предстояло другое... Всѣ приготовленія къ свадьбѣ были уже сдѣланы, какъ женихъ внезапно скончался, 5 іюня 1233 года, и былъ погребенъ въ Юрьевѣ монастырѣ.

„Еще младъ и кто не пожалуеть сего? Сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе, за грѣхы наша; нъ Господи, слава Тебѣ, Царю Небесный! Изволшю Ти тако“...

Можно представить себѣ неутѣшную скорбь родителей и Александра Ярославича! Ярославъ Всеволодовичъ не могъ оставаться въ Новгородѣ и уѣхалъ въ Переяславль. Несчастная мать до самаго гроба не могла забыть сердечной раны. Прошло около 10 лѣтъ, и она, безъ сомнѣнія, по собственному выбору, нашла себѣ мѣсто вѣчнаго покоя въ томъ же монастырѣ „сторонь сына своего Ѳеодора“. Глубоко должно было поразить горестное событіе и Александра Яросла-

вича. Среди послѣднихъ треволненій, безъ сомнѣнія, не разъ приходилось ему отводить душу въ братской бесѣдѣ съ Ѳеодоромъ, повѣрять другъ другу свои думы и чувства. И, навѣрное, въ эти горькія минуты, приходили ему на память сѣтованія другого брата, также въ самое сердце пораженнаго подобной же утратой: „Увы мнѣ, Господи! Лучше бы мнѣ умереть вмѣстѣ съ братомъ, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ! Дорогой братъ и другъ, ужъ не видать мнѣ болѣе твоего ангельскаго лица, не слыхать твоихъ ласковыхъ рѣчей"... Теперь онъ одинокимъ долженъ былъ оставаться въ Новгородѣ.

Но среди печали и слезъ о почившемъ, безъ сомнѣнія, не разъ возникала въ головѣ Александра мысль о предстоящемъ ему великомъ служеніи, и рѣшеніе его родителя оставить его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ самостоятельнымъ княземъ въ новгородской землѣ не могло быть для него неожиданностью.

„Ежели безспорно, — говоритъ историкъ, —что обстоятельства, сопровождающія нашу жизнь въ молодости, имѣютъ большое вліяніе на образованіе нашего характера, то несомнѣнно, что Александръ Невскій твердостію воли, обдуманнымъ и постояннымъ преслѣдованіемъ разъ принятой цѣли, умѣньемъ видимо уступать, выждать время и дѣй-

ствовать рѣшительно, когда этого требуютъ обстоятельства, вполнѣ обязанъ своей постоянной новгородской жизни въ молодости. Здѣсь Александръ по необходимости долженъ былъ пріучить себя къ постоянной осторожности, къ неусыпному надзору за своими поступками и къ умѣнью достигать своихъ цѣлей, не раздражая противниковъ и въ то же время не поблажая ихъ своеволію. Ибо въ Новгородѣ онъ жилъ бы какъ бы между двухъ огней, т. е. зависясь съ одной стороны отъ непреклонной воли отца, постоянно стремившагося развить княжескую власть въ вольнолюбивомъ краю, и съ другой—отъ свободной воли новгородцевъ, хорошо понимавшихъ виды Ярослава и старавшихся по возможности отстоять свою самостоятельность и народную независимость. Отецъ требовалъ безусловнаго исполненія своихъ приказаній, явно противныхъ новгородцамъ, а Новгородъ хотѣлъ, чтобы его князь былъ въ согласіи съ интересами и волею народа. Не исполняя отцовскихъ приказаній, Александръ лишался его поддержки и не могъ жить въ Новгородѣ; исполняя же ихъ, онъ рисковалъ не только утратить любовь народа, но даже лишиться свободы или подвергнуться оскорбительному изгнанію, чему примѣровъ такъ много видѣлъ между своими предшественниками. Но Александръ умѣлъ такъ хоро-

шо поставить себя и такъ мудро приноровиться къ обстоятельствамъ, что и отецъ остался имъ доволенъ, и новгородцы не возставали на его распоряженія.

„Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ первые годы своей жизни въ Новгородѣ, будучи еще малолѣтнимъ, не могъ самъ управлять народомъ, и за него правили отцовскіе бояре, его пѣстуны, подъ руководствомъ и при дѣятельной помощи самого Ярослава; слѣдовательно, всѣ успѣхи за это время принадлежатъ собственно Ярославу и его боярамъ. Но тѣмъ не менѣе въ продолженіе этихъ лѣтъ вырабатывался характеръ Александра; складывались тѣ черты, которыя впослѣдствіи составили то прекрасное цѣлое, которое доставило Александру уваженіе современниковъ и славу въ дальнемъ потомствѣ. Чтобы быть точкою соприкосновенія между Новгородомъ и Ярославомъ, Александръ еще въ ранней молодости долженъ былъ пріобрѣсти вниманіе новгородцевъ своею обходительностію съ народомъ, своимъ умомъ и своими поступками, которые бы обличали въ отрокѣ и юношѣ будущія доблести мужа; и Александръ вполнѣ исполнилъ это назначеніе своей молодости; ибо въ противномъ случаѣ новгородцы, въ продолженіе десяти лѣтъ, двадцать бы разъ успѣли послать къ Ярославу съ просьбою перемѣнить неугоднаго князя. Но во все это

время Новгородъ ни разу не выказывалъ своего неудовольствія противъ Александра, хотя опека Ярославовыхъ бояръ, безъ сомнѣнія, была не по сердцу вольному народу; слѣдовательно, Александръ еще въ ранніе годы молодости успѣлъ снискать любовь новгородцевъ, а это по тогдашнему времени былъ уже великій подвигъ даже и для взрослаго князя; ибо со времени Всеволода Мстиславича, въ продолженіе почти ста лѣтъ ни одинъ князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ, а Александръ прожилъ тамъ десять лѣтъ. И современники вполнѣ цѣнили достоинства Александра, слава о немъ гремѣла далеко; по свидѣтельству лѣтописей, въ цѣлой Россіи не было области, которая бы не желала имѣть его своимъ княземъ.

IV.

Міровое положеніе Россіи.—Востокъ и азіатскіе варвары.—Нашествіе Батыя.—Состояніе русской земли послѣ нашествія.—Дѣятельность Ярослава Всеволодовича и его кончина.

Смири Господь Богъ русскую землю нахожденіемъ иноплеменниковъ.
„Тверск. л.“ 365.

—

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги
Погибло все: народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!

—

Братіе и сестры, счастливо наслаждающіеся драгоцѣнною свободой, вспомните всѣ бѣды, которыя ваши дѣды перенесли изъ-за нея.
Изъ рѣчи митрополита Михаила.

Перейдемъ теперь къ печальной повѣсти о томъ ужасномъ потрясеніи, которое выпало на долю русскаго народа въ XIII вѣкѣ. Мы увидимъ, какъ мрачныя тучи одновременно надвигаются съ востока и съ запада. Но среди мглы проглянетъ яркое солнце, среди невыразимо тяжкихъ и смутныхъ обстоятельствъ въ лицѣ Александра Ярославича явится предъ нами истинный представитель своего вѣка—великій государствен-

ный мужъ, спасающій будущность русскаго народа, народный герой, добрый страдалецъ за землю русскую. Преклонясь предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла, посылающаго испытанія, съ искреннимъ чувствомъ умиленія и сердечной благодарности облобызаемъ Десницу, подающую въ то же время и необходимую помощь и утѣшеніе.

Взаимныя несогласія и распри русскихъ людей побудили ихъ нѣкогда призвать князя изъ-за моря владѣть и княжить на Руси. Но княжескій родъ размножился, и кровавыя распри начались между самими князьями-родственниками. Русь стала обширнымъ воинскимъ станомъ. Бурныя страсти молодого народа разыгрывались на просторѣ, и сильный могъ безнаказанно угнетать слабаго.

„Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!“

На далекомъ сѣверѣ явился князь, сознавшій всю гибельность такихъ порядковъ, и, собравшись съ силами, потребовалъ отъ своей братьи—остальныхъ князей повиновенія. Но другой, не менѣе знаменитый

князь, не боявшійся никого, кромѣ Бога, прислалъ сказать ему:

„Мы приняли тебя старшимъ, отцемъ, а ты поступаешь съ нами не какъ съ родственниками, такими же князьями, какъ и ты, но какъ съ подручниками“.

Такимъ образомъ князья не хотѣли отречься отъ своихъ правъ располагать собой и своими землями по своему произволу. Но вотъ Провидѣніе посылаетъ русскому народу тяжкое испытаніе, и среди ужасныхъ бѣдствій и русскій народъ и его вожди должны были во всей силѣ уразумѣть великую истину, которую внушаетъ религія, возвѣщающая Великую Жертву, принесенную за міръ. Необходимо было, во имя блага государства, пожертвовать своими личными правами, хотя бы освященными давностію, необходимо было научиться подчинять свою личную волю другой волѣ, которая стремится къ общему благу.

Но великія испытанія, посланныя русскому народу въ XIII столѣтіи, вразумляя его, въ то же время указывали на его великое всеміpно-историческое призваніе въ будущемъ, на грядущее его величіе. Всеблагому Провидѣнію благоугодно было поселить русскій народъ на обширномъ открытомъ пространствѣ между Ураломъ и Карпатами, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются столь разнородныя части свѣта, Европа и Азія. Не одну

тысячу лѣтъ продолжалась да не окончилась еще и теперь борьба между двумя противоположными культурными мірами, между Востокомъ и Западомъ. Не замыкаться во внутреннихъ распряхъ, не тратить на нихъ свои богатыя силы, даже не думать только о своемъ благоустройствѣ и благополучіи, лишь отбиваясь отъ внѣшнихъ враговъ, нѣтъ — „русское государство призывалось къ высокой миссіи въ человѣчествѣ"—твердо стоять на стражѣ между двумя частями свѣта, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, пока перстъ Божій не укажетъ поры для мирной встрѣчи Востока съ Западомъ въ духѣ христіанскихъ и культурныхъ идей".

Обратимся сначала къ Востоку. До XII столѣтія русскій народъ, можно сказать, только отбивался отъ враговъ, окружавшихъ его съ разныхъ сторонъ. Въ XIII вѣкѣ обнаружилось, что онъ долженъ восторжествовать надъ ними, преодолѣть ихъ, если не желаетъ совсѣмъ отказаться отъ самосостоятельнаго національнаго существованія. Отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII-го въ борьбѣ Руси съ разными степными варварами не было перевѣса ни на сторонѣ кочевыхъ ордъ, ни на сторонѣ Руси. Печенѣги и затѣмъ половцы производятъ иногда сильныя опустошенія въ Приднѣпровьѣ, но зато русскіе князья иногда про-

никаютъ вглубь ихъ степей, за Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Но въ первой половинѣ XIII вѣка Азія высылаетъ столь страшныя силы, что объ успѣшной борьбѣ съ ними на первыхъ порахъ нельзя было и думать. По одному мѣткому сравненію, Азія была всегда какъ бы народовержущимъ вулканомъ; но на этотъ разъ ужасы изверженія были столь поразительны, что потрясли огромное пространство земель отъ истоковъ далекаго Амура до Атлантиды. Западная Европа трепетала и ждала повторенія погромовъ Аттилы: папы и короли спѣшили отвратить нашествіе посольствами въ Азію. Но испытать всю тяжесть бѣдствія, выпить до дна горькую чашу невыразимыхъ страданій суждено было только нашему отечеству.

Въ нѣдрахъ Азіи, у подошвы Алтая, началось это страшное движеніе народовъ. Бурнымъ опустошительнымъ ураганомъ, „вѣтромъ разрушенія“ пронеслись монголо-татары подъ предводительствомъ кровожаднаго Чингизъ-хана чрезъ всю Азію. Великія царства были сокрушены; много народовъ истреблено; развалины и груды костей человѣческихъ обозначали ихъ путь. Наконецъ, обогнувъ южный берегъ Каспійскаго моря, свирѣпые варвары вошли на Кавказъ, въ Грузію и проникли въ степи половецкія. Русскіе князья вмѣстѣ съ половцами высту-

пили противъ невѣдомыхъ пришельцевъ и потерпѣли въ 1224 году на берегахъ рѣки Калки страшное, небывалое пораженіе, исполнившее ужасомъ современниковъ.

— Кого Богъ въ гнѣвѣ Своемъ посылалъ на землю русскую?—спрашивали наши предки.—Откуда приходили эти ужасные иноплеменники?—Отвѣта не было.

Прошло тридцать лѣтъ, и снова огромная сила татарская, на этотъ разъ подъ предводительствомъ Батыя, внука Чингизъхана, перейдя Яикъ и сокрушивъ болгаръ, обрушилась на Россію. Необыкновенное впечатлѣніе производила на современниковъ огромность двигавшейся орды. „Отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы“. Даже теперь, на разстояніи стольких вѣковъ, живо представляется намъ чувство ужаса, охватывавшее современниковъ, если при этомъ вспоминаемъ, что огромная масса варваровъ надвигалась на Русь съ единственною цѣлію безпощаднаго убійства и грабежа.

Отвратительной наружности, „безобразнѣе всѣхъ людей“, съ грубыми религіозными понятіями, монголо-татары не признавали вообще никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ насилія и убійства. Выносливые, способные терпѣть голодъ въ теченіе нѣ-

скольких дней, они набрасывались при первой возможности на всякую пищу и съ жадностью пожирали даже падаль и человѣческіе трупы, исполнены были неутолимой и безстыдной похоти и алчнаго грабительства, крайне неопрятны и грязны. Но болѣе всего поражала ихъ лютая свирѣпость. Они не знали пощады, тысячами избивали людей, не разбирая ни пола, ни возраста, предавая при этомъ несчастныхъ всевозможнымъ истязаніямъ и поруганіямъ. Ненасытная кровожадность ихъ доходила до того, что они бросались пить и сосать кровь изъ ранъ захваченнаго врага. Среди непрерывныхъ войнъ они пріобрѣли всѣ свойства для обезпеченія успѣха истребленія. „Они имѣли мужество львиное, терпѣнье собачье, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волка, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи".

— Какое благо выше всѣхъ на землѣ?— спросилъ однажды, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Чингизъ-ханъ своихъ вельможъ.

Одинъ указывалъ на одно, другой — на другое. Покачалъ головой старый ханъ и отвѣтилъ слѣдующее:

— Все не то... Нѣтъ, счастливѣе всѣхъ тотъ, кто гонитъ предъ собой разбитыхъ враговъ, грабитъ ихъ имущество, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей, имъ близкихъ, и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей...

Въ этомъ отвѣтѣ—цѣлая характеристика татаръ.

Такіе-то варвары ворвались сквозь мордовскіе лѣса въ началѣ 1237 года въ рязанскую землю. Опустошеніе рязанской земли производилось съ особой свирѣпостью и безпощадностью. „Варвары, по словамъ историка, явились въ нее, исполненные дикой, ничѣмъ необузданной энергіи, еще не пресыщенные русской кровью, неутомленные разрушеніемъ". Ужасны были неистовства татаръ при взятіи Рязани. Съ адскимъ хохотомъ они смотрѣли на отчаяніе, слезы и муки людей и тѣшились убійствомъ: распинали плѣнныхъ; связавъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи умирающихъ матерей, отцовъ и мужей; жгли священниковъ и обагряли алтари ихъ кровью—и эти ужасы продолжались нѣсколько дней! Наконецъ, стихли вопли отчаянія и крики торжества и злобы. Рязанская земля стала страшной пустыней, неизмѣримымъ кладбищемъ.

Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать некому было и не-по-комъ...
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы лежали убитые
Воеводы разянскіе, витязи

И семейные князя и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.

Въ однообразно-убійственномъ порядкѣ двигались татары изъ одной области въ другую, охватывая ихъ широкими облавами. Послѣ Рязани очередь дошла до суздальской земли. Взявъ Москву, татары направились къ Владиміру.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ отправился собирать войска для болѣе сильнаго отпора и поручилъ на время своего отсутствія защищать столицу двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, разсчитывая, можетъ быть, встрѣтиться съ татарами раньше, чѣмъ они подойдутъ къ столицѣ. Но онъ жестоко ошибся. Татары не шли, а летѣли какъ птицы. Въ то время какъ онъ на рѣкѣ Сити поджидалъ братьевъ съ полками, татары 3 февраля во вторникъ, за недѣлю до мясопуста, тьмами темъ обступили Владиміръ.

— Не стрѣляйте!—крикнули татары защитникамъ столицы, смотрѣвшимъ со стѣны.

Вслѣдъ затѣмъ они подвели юнаго князя Владиміра Георгіевича, захваченнаго въ Москвѣ. Блѣдный, исхудалый и измученный, со впалыми глазами и унылымъ видомъ, въ лохмотьяхъ, онъ едва былъ узнанъ своими братьями и гражданами. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Юные князья Все-

володъ и Мстиславъ порывались немедленно ударить на враговъ. Никто не думалъ о спасенiи, напротивъ, начали готовиться къ неминуемой смерти. „Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное,—говоритъ Карамзинъ.—Всеволодъ, супруга его, вельможи и многiе чиновники собрались въ храмъ Богоматери и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму, или въ великiй образъ ангельскiй. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россiяне простились съ мiромъ, съ жизнiю, но стоя на прагѣ смерти, еще молили небо о спасенiи Россiи; да не погибнетъ вовѣки ея любезное имя и слава!"

7 февраля, въ воскресенье мясопустное, послѣ заутрени татары вломились въ городъ и начали свою адскую работу. Епископъ Митрофанъ, супруга великаго князя Агаѳiя съ дочерью, снохами, внучатами и многими боярынями заперлись въ соборномъ храмѣ Богородицы на хорахъ. Разграбивъ храмъ, татары натаскали въ него дровъ и зажгли. Епископъ благословилъ обреченныхъ на ужасную смерть: „Господи, Боже силъ, сѣдяй на херувимѣхъ, простри руку Твою невидимую, и прiими съ миромъ души рабъ Твоихъ!" Всѣ погибли въ дыму и пламени. Величественный храмъ, знаменитое сооруженiе Андрея Боголюбскаго, прекрасный образецъ изящнаго суздальскаго стиля, былъ

богато украшенъ внутри. Безъ сомнѣнія, лучшіе мастера того времени потрудились надъ его иконописью. Посѣтителей пріятно поражалъ блескъ отъ разноцвѣтныхъ плитъ и позолоты, шедшей по карнизамъ, аркамъ и преддверіямъ. Св. иконы сіяли золотыми окладами и драгоцѣнными камнями, а въ алтарѣ надъ престоломъ опускалась позолоченная сѣнь. Соборъ былъ предметомъ удивленія православныхъ и иновѣрцевъ, но теперь онъ представлялъ печальную картину разрушенія...

Князь Всеволодъ и Мстиславъ, пытаясь пробиться, сложили свои головы въ жестокой сѣчѣ.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ громко зарыдалъ, когда до него дошла потрясающая вѣсть о гибели столицы и семьи.

— Господи! — воскликнулъ несчастный отъ глубины души, — такъ ли судилъ Ты? Буди святая воля Твоя! Радъ умереть и я: на что мнѣ жизнь?

Желаніе его скоро исполнилось. Одинъ изъ воеводъ, посланный для развѣдокъ, поспѣшилъ возвратиться.

— Князь, насъ обошли татары!!

Георгій Всеволодовичъ не успѣлъ опомниться, не успѣлъ привести свои полки въ порядокъ, какъ раздался крикъ:

— Идутъ! идутъ!

Князь немедленно бросился въ бой, его

полки устремились за нимъ. Кровь полилась ручьями. Но несмѣтное множество враговъ тѣснитъ русскихъ со всѣхъ сторонъ. Дружина княжеская подается назадъ. Сраженіе превращается въ ужасное побоище. Великій князь убитъ. Кругомъ его снопьями полегли его дружинники. Остальные въ ужасѣ разбѣгаются. Это было 4-го марта, всего нѣсколько дней спустя послѣ взятія Владиміра. Рядъ кургановъ по рѣкѣ Сити съ находимыми въ нихъ скелетами, носящими слѣды тяжелыхъ ранъ, указываетъ на то, что бѣжавшіе повременамъ останавливались, пытались отбиваться, снова бѣжали... Какъ глухіе звуки, доносящіеся изъ глубины вѣковъ, звучатъ мѣстныя названія: Рѣзанино, Становo, Сторожево, Боронишино, Могилицы, Юрьево...

Братья и племянники великаго князя спаслись бѣгствомъ, но попался въ плѣнъ одинъ изъ послѣднихъ—Василько Константиновичъ, сынъ Константина Всеволодовича. Это былъ юноша цвѣтущей красоты, съ свѣтлымъ и величественнымъ взоромъ. Наслѣдникъ отцовскихъ добродѣтелей, онъ отличался отвагою, яснымъ умомъ, познаніями, благороднымъ характеромъ, кротостью и великой добротою. Всѣ знавшіе горячо любили его. Кто служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, говорили про него, тотъ ужъ не могъ быть слугою другого

князя. Схваченный врагами, онъ едва дышалъ: битва, голодъ и неутолимая скорбь сокрушили его силы, но онъ отказался принять пищу изъ рукъ враговъ. Пораженные его наружностью, татары предлагали ему соединиться съ ними и стать слугою Батыя.

— О, темное, злое и скверное царство! —вскрикнулъ князь.—Лютые кровопійцы, враги отечества и Христа! Какъ я могу быть заодно съ вами? Вы отдадите Богу отвѣтъ за то несчетное множество душъ, которыя вы погубили безвинно. Онъ, правосудный, предастъ васъ за нихъ мукамъ въ безконечныя вѣки!

Потомъ, возведя очи къ небу, князь взмолился: „Господи Іисусе Христе, много разъ помогавшій мнѣ въ бѣдахъ! избави мя отъ сихъ плотоядецъ!" Но, взглянувъ на свирѣпыя лица враговъ, на ихъ глаза, налившіеся кровью отъ ярости, видя, что они схватились за оружіе, воскликнулъ: „Господи Іисусе Христе! Вижу, младость моя погибаетъ желѣзомъ... Помоги христіанамъ, спаси жену мою, дѣтей моихъ, епископа Кирилла... Пріими духъ мой, да и азъ почію во славѣ Твоей"... И абье безъ милости убіенъ бысть. Тѣло его татары бросили въ Шеренскомъ лѣсу. Этотъ лѣсъ находится на рѣкѣ Шернѣ между Ярославскимъ и Углицкимъ уѣздами, на половинѣ дороги между Ростовомъ и мѣстомъ побоища, и здѣсь одна мѣст-

ность до сихъ поръ носитъ названіе Васили. Ростовскій епископъ Кириллъ потомъ отыскалъ тѣло великаго князя и тѣло Василька, принесъ ихъ въ Ростовъ и положилъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Тѣло Георгія было безъ головы, но впослѣдствіи нашли и положили въ гробъ и голову. Горько рыдали русскіе люди при видѣ злой смерти своихъ князей...

Разоривъ суздальскую землю, татары направились къ Великому Новгороду. При видѣ ужасовъ разрушенія у всѣхъ опускались руки, падало мужество. Исчезали безслѣдно города и селенія. Багровое зарево пожаровъ обозначало движеніе страшной орды. Головы жителей падали, какъ скошенная трава... Не дойдя до Новгорода ста верстъ, татары поворотили на югъ. Историки объясняютъ это движеніе разными причинами. Батый устрашился разлива рѣкъ и озеръ при наступавшей веснѣ въ обильной водою мѣстности. Здѣсь сошлась облава, и Батый не захотѣлъ составить новой. Татары прослышали о приготовленіяхъ новгородцевъ къ отчаянной оборонѣ. Но сами новгороды приписывали единодушно свое избавленіе Всеблагому Провидѣнію. „Новъ же городъ заступи Богъ и св. Софія". Направляясь на югъ, въ степи половецкія, татары продолжали неутомимо свирѣпствовать. Всѣ города по лѣвую сторону Днѣпра были

взяты и разрушены. Городъ Козельскъ оказалъ особенно упорное и мужественное сопротивленіе, зато при взятіи его всѣ защитники были избиты „и до отрочатъ“...

Зимою 1240 года татары взяли и разорили Кіевъ. Казалось, сила татарская не уменьшалась отъ безчисленныхъ битвъ. Чувство ужаса невольно сказывается въ словахъ лѣтописца. „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ въ обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, рьжанія отъ гласа стадъ конь его“... Сопротивленіе кіевлянъ было чрезвычайно упорно, но безполезно. „Стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались“. По трупамъ кіевлянъ варвары вломились въ городъ. Отчаянная оборона ожесточила ихъ до крайности... „Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки“. Камня не осталось на камени, кромѣ двухъ-трехъ полуразрушенныхъ церквей да одного придѣла среди развалинъ Печерской обители. Уцѣлѣвшіе иноки иногда собирались сюда для богослуженія, заслышавъ унылый и протяжный звонъ колокола.

Изъ Южной Россіи татары направились въ Венгрію. Европа содрогнулась въ виду грознаго нашествія, но отъ Голомуца (въ

Моравіи) татары обратились назадъ и расположились на берегахъ Волги. Поволожскія и подонскія степи стали ихъ главнымъ мѣстопребываніемъ. Впослѣдствіи все царство Батыево получило названіе „Золотой Орды". Наступило *монгольское иго.*

„Умилительное, высокое зрѣлище представило русская земля въ эту критическую минуту своей исторіи, о которой нельзя вспомнить безъ благоговѣнія!" —восклицаетъ историкъ. Святая Русь была сокрушена, но послѣ мужественной обороны. Воины, дружины, бояре, отроки,—всѣ честно исполнили свой долгъ и положили животъ свой за отечество, за вѣру христіанскую, въ непоколебимой надеждѣ имѣть вѣнцы мученическіе на томъ свѣтѣ. Терпѣніе, русская добродѣтель по преимуществу, преданность въ волю Божію проявились здѣсь блистательно, и смиренные лѣтописатели заключаютъ обыкновенно свои прискорбныя писанія слѣдующими словами: „Се же бысть за грѣхи наши... Господь силу отъ насъ отъя, а недоумѣніе и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша".

Но если насъ до глубины души трогаютъ и утѣшаютъ нравственныя качества, проявленныя нашими предками въ годину испытанія, то съ другой стороны приводитъ въ ужасъ картина разрушенія, которую представляло наше отечество послѣ погрома Ба-

тыева. „Казалось, что огненная рѣка промчалась отъ восточныхъ предѣловъ до западныхъ, что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ“. Судя по страшному впечатлѣнію на современниковъ, можно сказать, что ни прежде, ни послѣ того не приходилось русскому народу испытывать такого бѣдствія, которое такъ же сильно потрясло бы крѣпкую натуру русскаго человѣка, какъ нашествіе Батыя. Груды развалинъ вмѣсто цвѣтущихъ еще такъ недавно селъ и городовъ, бѣлѣющія кости множества непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой, полное безлюдье—вотъ что можно было видѣть тогда на Руси. Уцѣлѣвшіе боязливо прятались въ лѣсахъ.

Одна только небольшая часть русской земли на сѣверѣ осталась нетронутой, по особымъ планамъ Провидѣнія. Здѣсь Богъ сохранилъ отъ руки варваровъ и будущихъ строителей русскаго государства. Исчисливъ всѣхъ сыновей „благочестиваго и правовѣрнаго князя Ярослава Всеволожа“, лѣтописецъ прибавляетъ: „Сіи вси сохранены быша молитвами святыа Богородица“. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться судьбамъ Божественнаго Промысла, сохранившаго для Россіи невредимымъ князя Ярослава Всеволодовича и его семейство, точно Ноя въ ковчегѣ, среди ужасовъ гибели и разоренія.

Такой именно князь, какъ Ярославъ Всеволодовичъ, и нуженъ былъ въ первыя критическія времена послѣ нашествія. Немного позже мы видимъ во главѣ русскаго народа его доблестнаго сына Александра, но теперь, непосредственно послѣ погрома, ему трудно было бы выступить на первый планъ. Безъ сомнѣнія, во время нашествія, быстро доходили до Новгорода извѣстія одно ужаснѣе другого, гроза подходила все ближе и ближе... Можно ли передать, что пережилъ, что перечувствовалъ за все это время юный новгородскій князь, слыша о гибели множества народа, о лютой смерти столь многихъ и столь дорогихъ родственниковъ? Кому изъ насъ не приходилось въ жизни терять близкихъ и дорогихъ людей? Кто можетъ изобразить чувства безпредѣльной скорби, овладѣвающей сердцемъ, когда опускаютъ въ могилу дорогое существо, для спасенія котораго готовъ былъ бы пожертвовать своею жизнью? Какъ пустъ и ничтоженъ въ такія минуты кажется міръ со всѣми его утѣхами! Но можетъ ли быть сравниваемо чувство личнаго горя, какъ бы оно ни было сильно, съ тѣмъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое можетъ вызвать въ возвышенныхъ душахъ зрѣлище погибающей родины?.. Нужно было время, чтобы дать растерзанному сердцу хотя нѣсколько успокоиться, чтобы уму, смущенному событіями, возвратить ясность,

чтобы юной душѣ собраться съ силами. Только окрѣпшій въ испытаніяхъ, съ трезвымъ практическимъ смысломъ и закаленной энергіей — Ярославъ Всеволодовичъ одинъ могъ не растеряться среди всеобщаго смятенія. Мужественно перенеся извѣстіе о смерти старшаго брата Георгія, онъ поспѣшилъ во Владиміръ, чтобы занять великокняжескій столъ, привести въ порядокъ потрясенное государство и ободрить народъ. Правда, онъ „пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами", но и это его не смутило. Напротивъ теперь-то вполнѣ проявилась его несокрушимая энергія и жажда дѣятельности. Онъ не пришелъ въ уныніе, не проливалъ слезъ, не проклиналъ судьбу, какъ это дѣлали другіе, но спѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы исправить хотя нѣсколько причиненное зло. Съ его прибытіемъ край точно оживился: по его распоряженію во владимірской землѣ очищали дороги, въ городахъ выносили и хоронили трупы. По его призыву собирались жители, укрывавшіеся въ лѣсахъ, слышали бодрое слово утѣшенія. Вновь начинался разрушенный порядокъ общежитія. Отрадное впечатлѣніе производила эта кипучая дѣятельность на упавшій духомъ народъ. „Поча ряды рядить и бысть радость велика хрестьяномъ",—замѣчаетъ лѣтописецъ. Съ честью похоронивъ во Владимірѣ старшаго

брата, Ярославъ, въ качествѣ великаго князя, распредѣлилъ волости: оборонивъ смоленскую волость отъ литовцевъ, онъ поставилъ здѣсь княземъ Всеволода Мстиславича; Суздаль отдалъ своему брату Святославу, Стародубъ—Іоанну, Переяславль оставилъ за собою. Теперь предстояло рѣшить главную и самую трудную задачу—установить отношенія къ грознымъ завоевателямъ. Въ 1243 году онъ отправился въ орду къ Батыю и первый изъ русскихъ князей изъявилъ ему полную покорность. Батый принялъ его съ честью. „Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русской землѣ",—рѣшилъ ханъ. Возвратившись во Владиміръ, Ярославъ немедленно отправилъ третьяго своего сына Константина въ далекую Татарію на поклоненіе главному хану, которому подчиненъ былъ самъ Батый. Въ 1245 году Константинъ Ярославичъ благополучно вернулся изъ своего дальняго путешествія и привезъ отцу приказаніе великаго хана самому явиться къ нему. Простившись съ отечествомъ и родными, Ярославъ Всеволодовичъ, преодолѣвая всевозможныя лишенія, пустился чрезъ среднеазіатскія степи къ берегамъ далекаго Амура, гдѣ въ то время находилось главное кочевье монголовъ, и прибылъ въ ханскую ставку какъ разъ ко времени торжественнаго провозглашенія великимъ ханомъ Гаюка. Не суждено было

великому князю возвратиться въ отечество. Много натерпѣвшись въ ордѣ, Ярославъ Всеволодовичъ скончался насильственною смертью. Папскій посолъ Плано Карпини передаетъ намъ подробности этого печальнаго событія. „Въ 1246 году умеръ Ярославъ, великій князь суздальской области, которая составляетъ часть русскаго государства. Однажды онъ былъ призванъ къ матери великаго хана, которая, какъ будто оказывая особую честь Ярославу, желала изъ своихъ собственныхъ рукъ дать ему ѣсть и пить. Когда Ярославъ возвратился отъ ханши, то сильно ослабѣлъ и черезъ семь дней умеръ. Замѣчательно, что все тѣло его при этомъ удивительнымъ образомъ позеленѣло; всѣ говорили, что онъ былъ отравленъ матерью хана“. Наши лѣтописи подтверждаютъ это извѣстіе, называя кончину великаго князя „нужною“, т. е. насильственною, а въ одной прямо говорится, что его „зеліемъ уморили“.

Кончина Ярослава Всеволодовича была страшнымъ несчастіемъ для его осиротѣлой семьи и для русскаго народа; но въ то время уже взошло красное солнышко земли русской—уже всюду гремѣла слава о доблестяхъ его старшаго сына, новгородскаго князя Александра Ярославича.

V.

Германо-романскій міръ въ XII и XIII столѣтіяхъ.—Объединеніе западныхъ націй подъ властью папъ.—Движеніе крестоносцевъ на православный Востокъ.—Крестоносное движеніе Запада противъ Россіи и монгольское иго.

Гласъ Божій: „сбирайтесь на праведный судъ,
Сбирайтесь къ Востоку, народы!
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

(Данилевскій.)

Одновременно съ нашествіемъ азіатскихъ полчищъ надвигалась на наше отечество не менѣе, если не болѣе, страшная и опасная гроза съ Запада.

Прошло около трехъ столѣтій съ того замѣчательнаго историческаго момента, когда главнымъ образомъ подъ ударами германцевъ пала Западная Римская имперія. Германцы успѣли войти въ тѣснѣйшее соединеніе съ побѣжденными римлянами. Образовались новыя германо-романскія народности, и могучій Карлъ соединилъ ихъ въ одно огромное государственное тѣло. Съ того

времени начинается великая борьба между міромъ германо-романскимъ и міромъ греко-славянскимъ. Противоположность между ними еще болѣе усилилась со времени отпаденія западной церкви отъ единенія съ восточною и особенно, когда во главѣ германо-романскаго міра сталъ папа. Западныя европейскія націи составили единое свѣтско-духовное государство, подъ верховнымъ главенствомъ не императоровъ и королей, а именно римскихъ папъ. „*Весь Западъ* считаетъ насъ за земного бога!“ — горделиво заявляетъ одинъ изъ нихъ. Подъ руководствомъ папъ и ихъ именемъ западныя націи, какъ единый народъ, разливаются всюду огромными колоніями и стремятся покорить весь міръ— во имя чего?—Во имя христіанскаго Бога— на словахъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію порабощенія всѣхъ другихъ народовъ.

Особенно же папы стремились поработить восточныхъ христіанъ, не признававшихъ ихъ главенства надъ вселенскою церковью. Стремленія папъ совпали съ дикими хищническими наклонностями германцевъ—и вотъ мы видимъ, какъ вся Западная Европа въ XII и XIII вѣкахъ превращается въ огромный вооруженный лагерь, высылающій на православный Востокъ многочисленныя арміи.

То была эпоха всеобщаго энтузіазма! О чемъ пѣли пѣвцы въ древнихъ пѣсняхъ? Что было предметомъ старинныхъ сказаній?

Не то ли, какъ Сигфридъ убилъ ядовитаго дракона, какъ Дитрихъ умертвилъ великана, какъ Гагенъ раздавилъ язычниковъ-гунновъ? О чемъ говорили земледѣлецъ у пылающаго очага, ремесленникъ въ своей мастерской? Не о томъ ли, какъ удалымъ военнымъ подвигомъ можно достать несмѣтныя богатства, золотые клады? Теперь же Самъ Богъ, вѣщалъ папа, вмѣсто покаянія и истинно-христіанскихъ подвиговъ, звалъ будто бы на бой, Самъ Великій Царь небесный требовалъ трудовъ, которые болѣе всего по сердцу германцевъ, — требовалъ сильныхъ ударовъ, земного геройства и битвъ, и сердца народовъ радостно забились отъ восхищенія, отъ восторга. Это былъ непреодолимый зовъ для многихъ тысячъ людей. Воинственное одушевленіе, подобно молніи, разомъ охватило цѣлыя націи. Мало смущались тѣмъ, что христіанство неминуемо должно было принять языческій характеръ, когда христіанскій Богъ, въ глазахъ западныхъ христіанъ, сдѣлался богомъ брани, какъ нѣкогда языческій богъ германцевъ... Не было недостатка въ разнаго рода знаменіяхъ, указывавшихъ будто бы на небесное призваніе. На небѣ видѣли кометы; съ востока и запада подымались огненныя облака и сражались между собою; цѣлыя полчища двигались въ небесныхъ высяхъ; во тьмѣ ночной носились пылающіе факелы

и освѣщали легіоны рыцарей, сражавшихся въ воздухѣ, на сѣверѣ блестѣло сіяніе; огромный мечъ подымался отъ земли до неба; на площадяхъ и улицахъ городовъ, въ деревняхъ подъ сѣнью вѣтвистыхъ дубовъ и липъ являлись люди и указывали на знакъ креста, будто бы чудесно напечатлѣвшійся у нихъ на лбу или на платьѣ. А клирики спѣшили воспользоваться возбужденіемъ народныхъ массъ, раздавали и освящали мечи, посохи и сумки пилигримовъ, папы спѣшили возвѣстить отпущеніе грѣховъ всѣмъ, возложившимъ на себя крестъ...

Правда, первоначально крестоносцы направились противъ невѣрныхъ — противъ арабовъ и турокъ съ цѣлію освобожденія Святой земли и Іерусалима. Этой цѣли они не достигли. Святая земля и Іерусалимъ, лишь не надолго освобожденные отъ ига невѣрныхъ, скоро обратно были завоеваны турками. Въ сущности движеніе крестоносцевъ направлялось противъ православнаго Востока. Восточные христіане скоро почувствовали, что власть латинянъ для нихъ несравненно болѣе тягостна, чѣмъ иго турецкое. Распространяя свою власть въ православныхъ странахъ востока, крестоносцы старались всюду утвердить владычество папы и прибѣгали къ кровавымъ мѣрамъ тамъ, гдѣ встрѣчали сопротивленіе. Достаточно припомнить, какъ, напримѣръ, на

островѣ Кипрѣ латинскій клиръ жегъ на кострахъ и распиналъ на крестахъ православныхъ христіанъ и особенно священниковъ, не хотѣвшихъ подчиниться папѣ.

Утвердивъ власть папы въ Сиріи и Палестинѣ, крестоносцы, наконецъ, въ самомъ началѣ XIII столѣтія покорили и тогдашнюю Византію. Ужасны были неистовства латинянъ при взятіи въ 1204 году Константинополя! Православныхъ грековъ избивали безпощадно, не разбирая ни званія, ни пола, ни возраста. Благородныя женщины, монахини, дѣвы подверглись безчестію. Имущество гражданъ было разграблено. Въ храмахъ разыгрывались неистовыя оргіи. Въ Софійскомъ соборѣ крестоносцы пировали и кощунствовали съ распутными женщинами, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, плясали въ священныхъ одеждахъ, ругались надъ св. Тайнами. Великія святыни Царьграда и мощи святыхъ были отправлены въ Римъ въ даръ папѣ или западнымъ государямъ. Не было пощады и памятникамъ наукъ и искусствъ: дорогія рукописи, книги, художественныя произведенія подверглись порчѣ и уничтоженію. Таково было первое проявленіе открытой братоубійственной вражды Запада къ Востоку! Между тѣмъ папа, внѣшне порицая крестоносцевъ за совершенныя ими неистовства, въ то же время внутренно радовался, что Богъ руками вѣр-

ныхъ чадъ его смирилъ упрямство грековъ и привелъ ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Латинскіе епископы по строгому наказу изъ Рима должны были немедленно занять греческія церкви и водворить всюду латинскіе обряды...

За покореніемъ Византіи, та же участь готовилась и нашему отечеству. Здѣсь на помощь папѣ, кромѣ инстинктовъ хищничества и религіознаго фанатизма, присоединилась вѣковая племенная вражда германскаго племени къ славянскому. Эта вражда—одно изъ тѣхъ всемірно-историческихъ явленій, начало которыхъ мало доступно историческому изслѣдованію, скрываясь въ глубокомъ мракѣ до-историческихъ временъ. Изъ сѣдой старины доносятся до насъ отголоски борьбы и утѣсненія славянскихъ племенъ германцами. Съ IX вѣка, со временъ Карла Великаго, какъ сказано выше, мы наблюдаемъ уже непрерывное многовѣковое преслѣдованіе славянъ германцами, которые тѣснятъ ихъ къ Востоку, неуклонно двигаясь за ними и порабощая ихъ. Прежде всего подпали игу великой франкской монархіи иллирійскіе славяне, обитатели восточныхъ склоновъ Альпъ и сѣвернаго Адріатическаго побережья. Съ ожесточеннмъ упорствомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ идетъ борьба на сѣверѣ, по берегамъ Балтійскаго моря. Зато эта борьба и окончи-

вается не только подчиненіемъ игу германцевъ, но полнымъ истребленіемъ и онѣмеченіемъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ—Полабскихъ и Поморскихъ. Въ срединѣ нѣкоторое время мужественно отстаиваетъ независимость славянства Святополкъ моравскій и проницательно противопоставляетъ вооруженному латинству духовное оружіе, которое приносится ему славянскими первоучителями изъ православной Византіи. Нѣмцы призываютъ мадьяръ и при помощи ихъ сокрушаютъ могущество славянскаго государя. Чехи за своими горами успѣшнѣе защищаются отъ напора нѣмцевъ, но въ концѣ концовъ и они подчиняются Германской имперіи и латинству. Поляки безъ борьбы принимаютъ католицизмъ и являются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ папъ. Такимъ образомъ на всемъ обширномъ пространствѣ отъ Адріатики до береговъ Балтійскаго моря разгорѣлась борьба германскаго и славянскаго міра, православія и латинства. Въ началѣ XIII вѣка эта борьба принимаетъ особенно рѣшительный характеръ. Никогда папство не было болѣе могущественно, никогда не располагало болѣе грозными и болѣе сосредоточенными средствами. Папою былъ въ то время знаменитый Иннокентій III. Распоряжаясь по своему произволу царскими вѣнцами почти во всей Европѣ, онъ съ пол-

нымъ правомъ могъ считать себя верховнымъ владыкою Запада. Утвердивъ послѣ паденія Константинополя свою власть на православномъ Востокѣ, онъ могъ надѣяться, что теперь Самарія, какъ они называли всю греческую церковь, обратится къ Господу, т.-е. подчинится папѣ, и имя Господне будетъ призываться одинаково въ Данѣ и Веѳилѣ, т. е. на Востокѣ и Западѣ.

Въ самый годъ взятія и разграбленія Константинополя латинянами, Иннокентій спѣшитъ отправить въ Россію посольство къ знаменитѣйшему изъ тогдашнихъ русскихъ князей Роману галицкому, при чемъ въ награду за вѣроотступничество предлагаетъ ему королевскій вѣнецъ и матеріальную помощь противъ враговъ. Посольство это не имѣло никакого успѣха. Чрезъ три года, все еще обольщенный сокрушеніемъ православной Византіи, папа отправляетъ новое торжественное посольство ко всѣмъ русскимъ архипастырямъ, клиру и народу.

„Вотъ теперь, писалъ папа, Греческая имперія и церковь почти вся покорилась апостольскому сѣдалищу и униженно пріемлетъ отъ него повелѣнія,—ужели жъ не будетъ несообразнымъ, если часть (то-есть церковь русская) не станетъ сообразоваться съ своимъ цѣлымъ и не послѣдуетъ ему?.. Посему, любезнѣйшіе братья и чада, желая вамъ избѣжать временныхъ и вѣчныхъ бѣдъ,

посылаемъ къ вамъ возлюбленнаго сына нашего кардинала-пресвитера Виталиса, мужа благороднаго и просвѣщеннаго, да возвратитъ онъ дщерь къ матери, и убѣждаемъ васъ принять его, какъ посла апостольскаго сѣдалища, даже какъ насъ самихъ, и безпрекословно повиноваться его спасительнымъ совѣтамъ и наставленіямъ“.

Однако всѣ посольства и увѣщанія оставались тщетными. Тогда по мановенію владыки Запада являются многочисленныя полчища монаховъ и рыцарей, готовыхъ ревностно подвизаться за власть папы. Въ то же время русскую землю постигаетъ страшное несчастіе — нашествіе татаръ, и для папской политики открываются новые виды на Востокѣ...

Не знаменательно ли такое совпаденіе событій, какъ одновременный грозный натискъ на наше отечество съ Востока и съ Запада! Притомъ — какое сходство въ конечныхъ цѣляхъ!

— Міромъ обладаетъ одинъ Богъ, на небѣ сіяетъ одно солнце, на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ. Всѣ сопротивляющіеся ему оскорбляютъ небо и должны быть истреблены!—говоритъ восточный деспотъ.

— На небѣ Господь, на землѣ—Его намѣстникъ! Одно солнце озаряетъ вселенную и сообщаетъ свой свѣтъ другимъ свѣтиламъ, одинъ верховный властелинъ долженъ

быть на землѣ! — восклицалъ въ то же время владыла Запада.

— Все, что не крещено, избито! — говорили съ похвальбой его служители.

Теряясь въ безконечно-разнообразныхъ и сложныхъ явленіяхъ всемірной исторіи, нашъ разумъ стремится въ многообразіи отыскать единство, въ частностяхъ—общіе законы, сгремится найти руководящую нить при объясненіи событій, открыть производящія ихъ причины. Въ самомъ дѣлѣ, какая сила возбудила алтайскихъ дикарей въ XII вѣкѣ и двинула ихъ изъ глубины Азіи на наше отечество въ то самое время, когда и Западъ, собравшись съ силами и придвинувшись къ нашимъ границамъ, грозно ополчился на насъ съ свѣтскимъ и духовнымъ оружіемъ? „Причины синхронистической связи столь разнородныхъ событій, скажемъ словами знаменитаго писателя, нельзя, конечно, отыскать ближе, чѣмъ въ томъ самомъ планѣ міродержавнаго Промысла, по которому развивается историческая жизнь человѣчества“. Въ грозномъ могуществѣ монголовъ не противопоставилъ ли Онъ твердый оплотъ противъ разлива западнаго могущества? Монгольскимъ игомъ не отдѣлилъ ли Онъ насъ надолго отъ всякихъ сношеній съ Западомъ, не приковалъ ли насъ надолго къ Востоку съ цѣлію охранить нашу народную самобытность, нашу

духовную самостоятельность въ такое время когда мы еще не въ силахъ были сами успѣшно защитить ее?

Вѣчная похвала князю, который съ изумительной, истинно-геніальной проницательностью во-время разгадалъ страшную опасность, угрожавшую намъ съ Запада, предпочелъ татарскую неволю, всевозможныя униженія и тяжелыя матеріальныя жертвы, но въ то же время мужественно сталъ на стражѣ русской народности.

VI.

Положеніе Новгорода послѣ татарскаго нашествія.—Нападеніе шведовъ.—Ярлъ Биргеръ.—Походъ 1240 года.—Образъ дѣйствій Александра.—Небесная помощь.—Невская побѣда и ея значеніе.

Радуйся, доблественный въ защиту вѣры и церкве воителю!
Радуйся, мира безпомощныхъ сильный оградителю!
Радуйся, воинства свейскаго на брегахъ Невскихъ славный побѣдителю!
Радуйся, велехвальнаго краля побѣдивый пособіемъ Божіимъ!

Тяжело было положеніе молодого новгородскаго князя послѣ погромовъ Батыя. Хотя Новгородъ и уцѣлѣлъ, но зато онъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ и средствамъ въ борьбѣ съ многочисленными врагами, безъ всякой надежды на помощь изъ другихъ областей. Въ прежніе годы Ярославъ Всеволодовичъ, защищая Новгородъ, приводилъ съ собою суздальскіе полки; слѣдовательно, новгородцы сражались не одни. Теперь Ярославу Всево-

лодовичу было не до Новгорода... Враги новгородцевъ—шведы, ливонскіе нѣмцы и литовцы, спѣшили воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами. Покорность русскихъ князей татарамъ, какъ ни была унизительна и горька сама по себѣ, однако, не приносила безчестья: русскій народъ на себѣ испыталъ страшную силу татаръ и ясно видѣлъ всю безполезность какого бы то ни было сопротивленія. Можно ли было укорять князей за то, что они подчинялись неотразимой необходимости? Но какъ оправдать покорность предъ врагами, которыхъ неоднократно побѣждали русскіе раньше? Отступить предъ шведами, нѣмцами и литовцами, покориться имъ—не значило ли это навсегда опозорить себя? Да и въ одномъ ли безславіи заключалась бѣда? Можно ли было забыть, что за этими ближайшими врагами двигалась страшная сила всего Запада, возбуждаемаго непрестанными буллами и энергическими посланіями римскаго папы? Оставалось одно—положиться на Бога и взяться за оружіе. Александръ Ярославичъ во всемъ объемѣ сознавалъ всю опасность, всю отвѣтственность своего положенія. Онъ зналъ, что онъ долженъ быть щитомъ, прикрывающимъ родину, уже обезсиленную татарами, отъ другихъ болѣе опасныхъ враговъ. Прежніе князья, не имѣя недостатка въ военной силѣ, грудью отражали

враговъ. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ, при малочисленности наличныхъ силъ одного Новгорода, пришлось подумать о другого рода защитѣ. И вотъ новгородскій князь, едва окончивъ свадебное торжество, спѣшитъ постройкой укрѣпленій на западныхъ границахъ новгородской земли съ цѣлію оградить себя отъ внезапныхъ нападеній. Въ то же время, подобно древнему Святославу, Александръ Ярославичъ старается набрать дружину отважныхъ бойцовъ, людей беззавѣтной удали, которыхъ среди новгородцевъ можно было найти скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. „У князя Александра бѣ множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя; бяху бо сердца ихъ аки сердца львовъ". Про него также можно было сказать: каковъ самъ, такова и дружина. Не долго пришлось ему оставаться безъ дѣла...

Въ 1240 году въ Новгородѣ было получено извѣстіе, что на Невѣ появились шведы.

У новгородцевъ и прежде не разъ были столкновенія со шведами изъ-за Финляндіи. Распространяя свое владычество и католическую вѣру въ Финляндіи, шведы становились все болѣе и болѣе опасными для Новгорода. Царствовавшій въ то время въ Швеціи король Эрихъ Эрихсонъ мало занимался дѣлами, и все управленіе страной находилось въ рукахъ знаменитаго Бир-

гера. Онъ происходилъ изъ древней могущественной фамиліи Фольконунговъ. Близкое родство съ царствующими домами Швеціи и Норвегіи давало этой фамиліи огромное вліяніе и несмѣтныя богатства. Высшія должности въ государствѣ—ярла, лагмана и др. принадлежали исключительно роду Фольконунговъ. Ненасытное честолюбіе и жадность были главными чертами этой фамиліи. Биргеръ былъ женатъ на сестрѣ короля и за его бездѣтностью самъ разсчитывалъ занять престолъ. Его выдающіяся способности позволяли ему питать столь гордыя надежды. Современемъ ему дѣйствительно удалось оказать своему отечеству безсмертныя заслуги. Онъ обезпечилъ спокойствіе въ странѣ, сокрушивъ силу рода Фольконунговъ, производившихъ междоусобія и отразивъ внѣшнихъ враговъ, главнымъ образомъ пиратовъ. Съ необыкновенною предусмотрительностью угадалъ онъ мѣсто для столицы и основалъ Стокгольмъ на островѣ, лежавшемъ при входѣ въ Меларское озеро, улучшилъ законы, исправилъ судопроизводство, не оставивъ безъ вниманія даже нравы и домашній бытъ шведовъ. Отличаясь желѣзною волей, не отступавшей предъ злодѣяніемъ и коварствомъ, онъ сокрушалъ всѣ препятствія на пути своихъ реформъ. Ненасытный честолюбецъ, великій герой и мудрый законодатель, онъ входилъ рѣши-

тельно во все и былъ во многихъ отношеніяхъ истиннымъ благодѣтелемъ и преобразователемъ своего отечества. Но то былъ вѣкъ, когда слава и популярность пріобрѣтались главнымъ образомъ громкими военными подвигами. Биргеръ получилъ руку Ингерды за боевыя услуги противъ сильнаго и честолюбиваго Фольконунга Кнута Іогансона Долгаго, похитившаго было престолъ. За другой болѣе славный подвигъ, доставившій его отечеству большія торговыя выгоды—за освобожденіе Любека отъ нападеній датскаго короля онъ былъ облеченъ высокимъ званіемъ ярла и получилъ бразды правленія. Но для достиженія конечной цѣли его честолюбивыхъ стремленій ему нужно было прославиться какимъ-нибудь выдающимся предпріятіемъ. То былъ, какъ сказано выше, вѣкъ крестовыхъ походовъ. Совершить славный крестовый походъ, пріобрѣсть славу героя вѣры и въ то же время расширить предѣлы государства сдѣлалось мечтою ярла. На восточныхъ границахъ Финляндіи происходили смуты по случаю насильственныхъ поступковъ абоскаго епископа Томаса. Назначенный главою новообращенныхъ финновъ, родомъ англичанинъ, онъ довелъ финскій народъ до крайней степени озлобленія своей алчностью и жестокостью. Подстрекаемые новгородцами финны-язычники вступили въ

истребительную борьбу противъ епископа и совершали страшныя неистовства. Они хватали миссіонеровъ, выкалывали имъ глаза, забивали въ голову гвозди, заливали горло растопленнымъ свинцомъ, бросали въ пропасти и на съѣденье звѣрей. Тогда папа повелѣлъ архіепископу упсальскому буллою отъ 9 декабря 1237 года возвѣстить крестовый походъ противъ язычниковъ-финновъ и русскихъ. Закипѣли сборы въ давно желанный походъ. Папа Григорій IX именемъ Всевышняго обѣщалъ прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода, а падшимъ въ бою—вѣчное блаженство. Приготовленія продолжались слишкомъ два года. Въ храмахъ раздавались горячія проповѣди, призывавшія къ участію въ походѣ. Священники указывали народу на яркую комету, явившуюся на востокѣ отъ Швеціи, какъ на указаніе свыше. „Туда спѣшите, братья! Вотъ вамъ небесная путеводительница къ славѣ, къ вѣчному блаженству!“ Призывъ не пропалъ даромъ. Собралось многочисленное ополченіе, къ которому присоединилось множество искателей приключеній и добычи. Шведы захватили съ собою норвежцевъ и подчинившихся имъ финновъ. Войско сопровождали „честные бискупы“, множество духовенства, а во главѣ ополченія, „пыхая духомъ ратнымъ“, сталъ самъ знаменитый ярлъ. Точно на турокъ во Святую землю, съ пѣ-

ніемъ священныхъ гимновъ, съ крестомъ впереди, ополченіе взошло на корабли. Переѣздъ чрезъ Балтійское море до Або и отъ Або къ устью Невы совершился вполнѣ благополучно. Нева стояла полною въ своихъ зеленыхъ берегахъ, благодаря весеннимъ дождямъ, и непріятельскій флотъ гордо вступилъ въ ея воды. Надѣясь на многочисленность войска, Биргеръ разсчитывалъ прежде всего напасть на Ладогу и, ставши здѣсь твердой ногой, ударить на Новгородъ. Покореніе новгородской земли и обращеніе русскихъ въ латинство было конечною цѣлію похода. Остановившись при устьѣ Ижоры *), Биргеръ, „загордѣвся", послалъ сказать Александру: „Выходи противъ меня, если можешь сопротивляться! Я уже здѣсь и плѣню твою землю"... Но этотъ надменный вызовъ не смутилъ юнаго героя. Богатырскія силы проснулись въ немъ. Онъ „разгорѣлся сердцемъ". Вотъ онъ — великій подвигъ, на который зоветъ его священный долгъ. Враги идутъ терзать дорогую родину и искоренять вѣру. Ихъ много, но они — грабители, лишь прикрывающіе

*) Ижора—небольшая рѣчка Петербургской губ., беретъ начало изъ Гатчинскихъ озеръ. Берега ея круты, теченіе извилисто. Вѣроятно встарину при устьѣ ея было большое селеніе. Ганзейскіе корабли, приходя съ моря, здѣсь, по всей вѣроятности, останавливались для перегрузки товаровъ, чтобы чрезъ Ладожское озеро идти далѣе въ Волховъ, къ Новгороду.

свою алчность священнымъ знаменемъ служенія Богу. Многіе изъ нихъ сами не вѣрятъ въ правоту своего дѣла, а нечистая совѣсть—плохой союзникъ. Своихъ новгородцевъ онъ позоветъ на защиту родины и святой вѣры. Это дастъ имъ необоримое мужество, это вызоветъ единодушный порывъ на святую брань. Александръ Ярославичъ быстро сообразилъ все это и не долго предавался скорби по случаю малочисленности своей дружины. Внезапному нападенію слѣдовало противопоставить внезапность отпора и хорошо разсчитанную быстроту дѣйствій. Медлить было не время. Враги не за горами, всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Новгорода. Все равно— ждать помощи не откуда. Съ горстью отборныхъ воиновъ онъ ударитъ на врага и, уповая на Св. Троицу, сокрушитъ его...

„Жалостно и слышати, пишетъ лѣтописецъ, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичъ не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго“.

Отдавъ необходимыя приказанія наличнымъ силамъ быть готовыми къ походу, Александръ поспѣшилъ въ соборный храмъ св. Софіи. Тамъ святитель, окруженный смятеннымъ и плачущимъ народамъ, умолялъ Бога даровать помошь правому дѣлу. Упавъ на колѣни предъ алтаремъ, Александръ излилъ свою душу въ горячей молитвѣ.

„Боже хвальный и праведный! Боже великій и крѣпкій! Боже превѣчный! сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языкомъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужія части... И нынѣ Владыко прещедрый! слыши словеса гордаго варвара сего, похваляющась разорити святую вѣру православную и пролити хотяща кровь христіанскую, призри съ небесе и виждь и посѣти насъ винограда своего и суди обидящихъ мя, и возбрани борющимся со мною, и пріими оружіе и щитъ и стани въ помощь мнѣ, да не рекутъ врази наши, гдѣ есть Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ и на Тя уповаемъ!“

Принеся теплую молитву Всевышнему, Александръ Ярославичъ принялъ благословеніе отъ владыки Спиридона и, утирая слезы, но съ одушевленнымъ и бодрымъ видомъ, вышелъ къ своей дружинѣ. Кратко, но исполнено силы и вѣры было слово, съ которымъ юный герой обратился къ дружинѣ.

„Братья! Не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ! Вспомнимъ слова псалмопѣвца: сіи во оружіи, и сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ... Не убоимся множества ратныхъ, яко съ нами Богъ!“

Настроеніе всѣхъ быстро измѣнилось. Святое одушевленіе князя передалось народу и войску. У всѣхъ явилась увѣренность въ торжествѣ праваго дѣла. Богъ не оставитъ

Своей помощью благочестиваго князя, возложившаго на Него все упованіе. Горькое разочарованіе постигнетъ дерзкихъ враговъ, всуе будетъ ихъ трудъ!

Между тѣмъ непріятели, не ожидая близкаго отпора, бросили якори у устья Ижоры и предались отдыху послѣ плаванія. О нападеніи со стороны Александра они, очевидно, менѣе всего помышляли, какъ вдругъ 15 іюля 1240 года въ день памяти св. князя Владиміра, просвѣтившаго русскую землю св. крещеніемъ, Александръ Ярославичъ явился близъ мѣста стоянки непріятелей.

Не забудемъ упомянуть, что князь съ своей стороны принялъ всѣ мѣры предосторожности. По его распоряженію за врагами наблюдалъ вѣрный слуга Новгорода, начальникъ приморской стражи, ижорскій старшина Пелгусій, названный во св. крещеніи Филиппомъ. Это былъ человѣкъ, со всѣмъ усердіемъ принявшій христіанскую вѣру. Живя среди своихъ соплеменниковъ, грубыхъ язычниковъ (ижоры—народъ чудскаго племени), онъ свято исполнялъ завѣты своей новой вѣры. Ему удалось высмотрѣть все расположеніе непріятельскаго войска и во-время сообщить свои свѣдѣнія Александру. Но Пелгусій имѣлъ открыть князю нѣчто, еще болѣе важное...

„Всю ночь провелъ я безъ сна, наблюдая за врагами,—такъ говорилъ Пелгусій, удалив-

шись нѣсколько въ сторону съ Александромъ. —На восходѣ солнца я услыхалъ на водѣ „шумъ страшенъ“ и одинъ насадъ съ гребцами. Посреди насада стояли, положивъ на рамена другъ другу руки, святые мученики Борисъ и Глѣбъ, а гребцы, сидѣвшіе въ насадѣ, были „яко мьглою одѣяни“. И рече Борисъ: „брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ сроднику своему в. кн. Александру Ярославичу“. Увидавъ дивное видѣніе и услыхавъ свв. мучениковъ, я стоялъ „трепетомъ въ ужасѣ“, пока насадъ ушелъ „отъ очію“.

Радостно забилось сердце героя при этомъ разсказѣ. Въ глубокомъ умиленіи проникаясь увѣренностью въ Божіей помощи, Александръ тихо проговорилъ Пелгусію: „Не говори никому объ, этомъ, пока не увидимъ славы Божія“.

Это было утромъ 15 іюля. Туманъ, съ восходомъ солнца, понемногу разсѣялся, и наступилъ день яркій и знойный. Враги ничего не подозрѣвали... Ихъ шнеки лѣниво покачивались на волнахъ, привязанные бичевами къ берегу. По всему побережью ярко бѣлѣли многочисленные шатры, и среди всѣхъ высоко подымался златоверхій шатеръ самого Биргера. Прежде чѣмъ враги успѣли опомниться, русскіе дружнымъ натискомъ ударили на нихъ. Какъ Божія гроза, впереди всѣхъ пронесся въ средину

враговъ юный князь и... увидалъ своего страшнаго врага. Съ неукротимой отвагой бросившись на Биргера, онъ нанесъ ему тажелый ударъ по лицу,—„возложилъ ему печать на лицо“, по выраженію лѣтописи. Русская дружина прошла, избивая смятенныхъ непріятелей, черезъ весь станъ. Вражеское полчище бросилось къ берегу и спѣшило укрыться на корабли. Однако, лучшая часть ополченія успѣла оправится отъ внезапнаго удара, и въ разныхъ концахъ обширнаго лагеря закипѣлъ упорный бой, продолжавшійся до ночи. Но дѣло враговъ было уже проиграно безвозвратно. Новгородцы овладѣли боемъ. Искусно распоряжался молодой вождь, среди увлеченія боемъ умѣвшій сохранить ясность соображенія, направляя отряды своей дружины; звучно раздавался его голосъ, наводя ужасъ на враговъ. Храбрѣйшіе изъ нихъ были избиты. Оставшіеся въ живыхъ съ наступленіемъ ночи поспѣшили убрать съ поля битвы наиболѣе знаменитыхъ павшихъ и, наполнивши ими три корабля, съ разсвѣтомъ бѣжали. На другой день на мѣстѣ побоища виднѣлись разорванные шатры, разбосанные трупы и наскоро вырытыя ямы, наполненныя убитыми, которыхъ, очевидно, пытались предать погребенію.

Побѣда русскихъ была столь неожиданна и рѣшительна, что они, въ чувствѣ сми-

ренія, не осмѣливались приписать ее своей храбрости и были увѣрены, что вмѣстѣ съ ними ангелы Божіи поражали непріятелей. Съ удивленіемъ видѣли они на другой день множество непріятельскихъ труповъ на противоположномъ берегу Ижоры.

— Кто жъ избилъ ихъ тамъ?—съ недоумѣніемъ спрашивали новгородцы. — Насъ тамъ не было...

При возвращеніи въ Новгородъ Александръ Ярославичъ радостно встрѣченъ былъ ликующимъ народомъ, но онъ прежде всего спѣшилъ во храмъ воздать горячую благодарность Богу.

„Благодарю Тебя, Владыко преблагій, славлю пресвятое Имя Твое, яко не оставилъ мя еси раба Твоего, и отъ враговъ нашихъ избавилъ ны еси. Тіи спяти быша и падоша, мы возстахомъ и исправихомся!“...

Какъ истинный христіанинъ, Александръ Ярославичъ скромно умалчивалъ о своихъ подвигахъ, но, какъ вождь, онъ спѣшилъ вознаградить своихъ подвижниковъ. Ничто не ускользнуло отъ его зоркаго взгляда. Лично распоряжаясь боемъ, онъ имѣлъ возможность видѣть подвиги каждаго, и самъ охотно разсказывалъ объ нихъ, чтобы добрая слава его богатырей не умерла въ потомствѣ. Лѣтописецъ, разсказавши все ему извѣстное о ходѣ сраженія, прибавляетъ: „вся слышахъ отъ господина своего

в. кн. Александра и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи". „Уважая память Александра и желая почтить память его сподвижниковъ, которыхъ онъ самъ призналъ достойными этой памяти, — справедливо говоритъ историкъ,—мы считаемъ непремѣнною обязанностію привесть этотъ разсказъ тѣми почти словами, какими онъ переданъ въ лѣтописи, и тѣмъ болѣе находимъ это необходимымъ, что разсказъ сей, заключающій въ себѣ частію разговоръ Александра, частію свидѣтельство другихъ участниковъ Невскаго боя, превосходно характеризуетъ духъ того времени. „Здѣсь явились въ полку Великаго Князя Александра Ярославича шесть мужей храбрыхъ, которые крѣпко мужествовали съ Княземъ. Первый былъ именемъ Гаврило Олексичъ, онъ наѣхалъ на шнеку, и видя, что несутъ королевича подъ руки, взъѣхалъ до самаго корабля по той же доскѣ, по которой несли королевича, и когда, оттолкнувши лодку, сбросили его въ море вмѣстѣ съ конемъ, то онъ снова бросился къ кораблю и вступилъ въ бой съ самимъ воеводою и такъ крѣпко бился, что убилъ и воеводу и бискупа. Другой былъ новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ; этотъ много разъ въѣзжалъ въ самыя густыя полчища непріятеля съ однимъ только топоромъ, и такъ безстрашно разсѣкалъ толпы противниковъ, что всѣ

дивились его силѣ и храбрости. Третій Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, съ своимъ мечемъ одинъ ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ князь похвалилъ его. Четвертый новгородецъ, именемъ Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій бросился въ море и погубилъ три корабля шведовъ. Пятый былъ нѣкто изъ младшихъ воиновъ, по имени Сава, онъ наѣхалъ на большой златоверхній шатеръ королевъ и уронилъ его, подсѣкши столпъ, и тѣмъ возвѣстилъ побѣду полкамъ Александровымъ, которые, видя паденіе шатра непріятельскаго, возрадовались. Шестый мужественный воитель былъ слуга Александровъ Ратмиръ, сей пѣшій бился и погибъ отъ ранъ, врубившись въ толпу шведовъ".

Потери новгородцевъ были весьма незначительны, всего съ ладожанами двадцать человѣкъ. Такъ недорого обошлась славная побѣда! Намъ невѣроятными представляются эти извѣстія, „да и не мудрено,—замѣчаетъ историкъ:—имъ дивились современники и даже очевидцы". Но чего не можетъ совершить беззавѣтная удаль и самоотверженная любовь къ родинѣ, одушевленная надеждой на небесную помощь! Успѣхъ русскихъ много зависѣлъ отъ быстроты, неожиданности нападенія. Въ страшномъ замѣшательствѣ и переполохѣ разноплемен-

ные враги, обманувшись въ своей надеждѣ на богатую добычу и раздраженные неудачей, можетъ быть, бросились избивать другъ друга и продолжали кровопролитный бой между собою и на другомъ берегу Ижоры. Но болѣе всего, безъ сомнѣнія, побѣда зависѣла отъ личныхъ достоинствъ вождя, который, „бѣ побѣждая вездѣ, а непобѣдимъ николиже“. Не даромъ современники и потомство дали Александру Ярославичу славное имя Невскаго. Его орлиный взглядъ, его мудрая сообразительность, его юный энтузіазмъ и распорядительность во время боя, его геройская отвага и разумно принятыя мѣры предосторожности, а главное —небесное содѣйствіе ему всего вѣрнѣе обезпечили успѣхъ дѣла. Онъ сумѣлъ воодушевить войско и народъ. Самая личность его производила чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ. Незадолго до славной Невской побѣды, въ Новгородъ приходилъ магистръ ливонскій Андрей Вельвенъ, „хотя видѣти мужество и дивный возрастъ блаженнаго Александра, якоже древле царица южская пріиде къ Соломону видѣти премудрость его. Подобно тому и сей Андріяшъ, яко узрѣ святяго великаго князя Александра, зѣло удивился красотѣ лица его и чудному возрасту, наипаче же видя Богомъ дарованную ему премудрость и непремѣнный разумъ, и не вѣдяше како нарещи

его и въ велицѣ недоумѣніи бысть. Егда же возвратился отъ него, и пріиде во-свояси, и начатъ о немъ повѣдати со удивленіемъ. Прошедъ, рече, многи страны и языки, и видѣхъ много цари и князи, и нигдѣ же такова красотою и мужествомъ не обрѣтохъ ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, яко же великій князь Александръ". Для объясненія тайны этого обаянія недостаточно указанія только на отвагу и предусмотрительность. Одновременно съ этими качествами въ немъ было нѣчто высшее, что неотразимо влекло къ нему: на челѣ его сіяла печать генія. Какъ яркій свѣтильникъ, горѣлъ въ немъ явно для всѣхъ даръ Божій. Этимъ-то даромъ Божіимъ всѣ любовались въ немъ. Прибавимъ къ этому его искреннее благочестіе. Подобно слову Божію о Немвродѣ, онъ также былъ воинъ „предъ Господомъ". Вдохновенный вождь, онъ умѣлъ вдохновлять народъ и войско. Всего ярче отражается свѣтлый образъ невскаго героя въ лѣтописяхъ, писанныхъ большею частію современниками. Какимъ теплымъ чувствомъ, какимъ, можно сказать, благоговѣніемъ дышатъ ихъ безыскусственные разсказы! „Какъ дерзну я, худой, недостойный и многогрѣшный, написать повѣсть объ умномъ, кроткомъ, смысленномъ и храбромъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ!" — восклицаютъ они. Изобра-

жая его подвиги, они сравниваютъ его съ Александромъ Великимъ, съ Ахилломъ, съ Веспасіаномъ—царемъ, плѣнившимъ землю іудейскую, съ Сампсономъ, съ Давидомъ, по мудрости съ Соломономъ. Это — не риторическая прикраса. Все это подсказано глубоко искреннимъ чувствомъ. Подавленный страшнымъ нашествіемъ татаръ, русскій народъ инстинктивно искалъ утѣшенія, отрады, жаждалъ того, что хотя нѣсколько могло бы поднять и ободрить упавшій духъ, оживить надежды, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси... И онъ нашелъ все это въ лицѣ Александра Ярославича. Со времени Невской побѣды онъ сдѣлался свѣтлой путеводной звѣздой, на которой съ горячей любовью и упованіемъ, сосредоточилъ свои взоры русскій народъ. Онъ сталъ его славой, его надеждой, его утѣхой и гордостью. Притомъ онъ былъ еще такъ молодъ, такъ много предстояло ему еще впереди.

Римляне побѣждены и посрамлены!—радостно восклицали новгородцы, — не свея, мурмане, сумь и емь—*римляне!!*.. Въ этомъ выраженіи, въ этомъ названіи побѣжденныхъ враговъ римлянами народный инстинктъ вѣрно угадалъ смыслъ нашествія. Народъ прозрѣвалъ здѣсь посягательство Запада на русскую народность и вѣру. Здѣсь, на бере-

гахъ Невы, со стороны русскихъ данъ былъ *первый* славный отпоръ грозному движенію германства и латинства на православный Востокъ, на святую Русь.

VII.

Утвержденіе нѣмецкаго владычества въ Ливоніи.—Война нѣмцевъ съ русскими. — Паденіе Пскова. — Удаленіе Александра изъ Новгорода.—Возвращеніе его въ Новгородъ и война съ нѣмцами.—Освобожденіе Пскова. — Ледовое побоище.—Небесная помощь. — Религіозный характеръ борьбы.—Миръ съ нѣмцами. Значеніе Чудской побѣды.

Радуйся, злыхъ козней иновѣрія,
подвигшихъ чуждую рать на землю
нашу, разрушителю!
Радуйся Пскова, отечества святыя Ольги, свободителю!
Радуйся, ненавидѣвшихъ міръ оумирителю!

Немедленно побѣды надъ шведами Александру Ярославичу пришлось бороться съ другими еще болѣе опасными врагами—нѣмцами.

На восточномъ побережьи Балтійскаго моря, тамъ, гдѣ теперь Лифляндская и Эстляндская губерніи, съ незапамятныхъ временъ жили финскія и латышскія племена. Этотъ край, извѣстный подъ общимъ названіемъ Ливоніи, находился въ зависимости отъ русскихъ,—отъ Новгорода и полоц-

кихъ князей. Тамъ находились издавна русскія владѣнія. Ярославъ Мудрый построилъ здѣсь городъ Юрьевъ. По берегамъ Двины полоцкимъ князьямъ принадлежали двѣ волости съ городами Кукейносъ и Герсикъ. Благодаря сношеніямъ съ русскими, туземцы постепенно знакомились съ ихъ вѣрой и обычаями. Можно было надѣяться, что весь край понемногу сдѣлается русскимъ православнымъ. Но вотъ въ XIII столѣтіи здѣсь впервые появились нѣмцы и стали силой принуждать ливонцевъ креститься. Папа объявилъ противъ нихъ крестовый походъ, обѣщая отпущеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода. Второй нѣмецкій епископъ Бартольдъ прибылъ въ Ливонію съ значительнымъ отрядомъ.

— Отпусти войско домой!—говорили ему туземцы.—Убѣждай словами, а не палками!

Но нѣмцы не послушались ливонцевъ. На мѣсто убитаго въ бою Бартольда, явился также во главѣ крестоноснаго ополченія новый епископъ Альбертъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ отличался желѣзной волей и необыкновенно-проницательнымъ и хитрымъ умомъ. Его энергія поистинѣ изумительна. Вполнѣ справедливо считаютъ его главнымъ основателемъ нѣмецкаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ. Въ 1200 году Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу и населилъ его вызванными изъ Германіи жи-

телями, но скоро онъ придумалъ другое, болѣе вѣрное и быстрое средство овладѣть краемъ—основаніе ордена воинствующихъ братій. То были иноки, дававшіе Богу, между прочимъ, обѣтъ распространять оружіемъ католичество. Такихъ военно-монашескихъ обществъ было уже нѣсколько въ распоряженіи папъ. Иннокентій III благословилъ предпріятіе Альберта, и въ 1202 году основанъ былъ орденъ меченосцевъ. Иноки-воины должны были носить бѣлый плащъ съ краснымъ мечомъ и крестомъ. Первымъ магистромъ ордена былъ Винно фонъ-Рорбахъ.

Съ того времени загорѣлась безпощадная кровавая борьба между непрошенными пришельцами и ливонцами. Рыцари оружіемъ обращали туземцевъ въ католицизмъ, захватывали ихъ земли, ихъ самихъ обращали въ рабство, упрочивая свое владычество крѣпкими замками. Ливонцы ожесточились и не разъ поднимали возстанія, при чемъ жестоко расправлялись съ рыцарями, попадавшими имъ въ руки. Ненависть къ нѣмцамъ они перенесли на самое христіанство: они бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя крещеніе которое казалось имъ символомъ рабства. Но изъ Германіи безпрестанно прибывали новые отряды закованныхъ въ желѣзо рыцарей и усмиряли туземцевъ. Ужасны были эти войны! Нерѣдко нѣмцы истребляли все мужское населеніе, забирая въ плѣнъ

женщинъ и дѣвицъ, жилища выжигали дотла, а скотъ уводили съ собой. На пепелищѣ сожженныхъ селеній свирѣпые крестоносцы, при вопляхъ плѣнныхъ, устраивали шумныя и отвратительныя пиршества, съ музыкой и плясками, при чемъ вино лилось рѣкой... Не даромъ папы сзывали въ походъ даже поджигателей и другихъ преступниковъ, отпуская имъ всѣ грѣхи, лишь бы приняли крестъ. Несчастные ливонцы стали покидать свои жилища и селиться въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ или въ подземельяхъ. Но не всегда и здѣсь имъ удавалось укрыться отъ враговъ. Однажды нѣмецкій отрядъ замѣтилъ одно изъ такихъ подземелій. Немедленно при входѣ въ него разложены были костры, и до 1.000 человѣкъ туземцевъ было задушено дымомъ. Ливонцы преслѣдовались, какъ дикіе звѣри, гонимые изъ одной берлоги въ другую. Среди безпрерывной рѣзни не было времени для погребенія труповъ, которые валялись всюду и, разлагаясь, заражали воздухъ. Иногда туземцы, доведенные до отчаянія, пытались просить мира но всякій разъ получали безпощадный отвѣтъ: крещенье или смерть!.. Глубоко затаивъ въ сердце ненависть къ своимъ поработителямъ, ливонцы утѣшали себя надеждами на лучшую будущность за гробомъ. „Ступай, несчастный, изъ этого міра, гдѣ надъ тобою господствовали нѣмцы, въ лучшій міръ, гдѣ

уже не они надъ тобою, но ты будешь господствовать надъ ними!“ Такимъ напутствіемъ провожали туземцы своихъ покойниковъ въ загробный міръ.

Папы всѣми силами старались ускорить завоеваніе Ливоніи. Въ промежутокъ между 1216—1240 гг. можно насчитать до 40 папскихъ посланій, выражающихъ большую заботливость папъ о тѣхъ, которые шли на помощь „святой землѣ, вновь пріобрѣтенной въ Ливоніи“. Но конечной цѣлью всѣхъ стремленій папъ было порабощеніе русской церкви. Завоеваніе Ливоніи было лишь первымъ шагомъ на этомъ пути. Въ своихъ посланіяхъ папы называютъ русскихъ нарушителями католической вѣры, повелѣваютъ отнюдь не слагать оружія и не заключать мира съ язычниками и русскими, требуютъ, чтобы русскіе въ Ливоніи принуждаемы были къ латинству, наконецъ, объявляютъ всю русскую землю на вѣчныя времена собственностью св. Петра и грозно предписываютъ рыцарямъ искоренять „проклятый греческій законъ и присоединять Русь къ римской церкви“.

Съ утвержденіемъ нѣмецкаго владычества въ Ливоніи мы встрѣчаемъ въ ней въ миніатюрѣ всѣ черты, которыя отличали тогдашній западно-европейскій бытъ; мы видимъ здѣсь и стремленія папъ, желавшихъ господствовать надъ совѣстью всѣхъ народовъ, и

„культуру“ нѣмцевъ съ ихъ стремленіемъ къ владычеству надъ всѣмъ міромъ и надъ всѣми народами, и феодализмъ съ рабствомъ и угнетеніемъ простого народа, и пресловутое рыцарство со всѣми его уродливыми проявленіями, и кулачное право, и бюргерство и т. д. Словомъ, полное экономическое и духовное порабощеніе! Вотъ что приносилось къ финнамъ и латышамъ, а затѣмъ и къ русскимъ подъ священнымъ знаменіемъ вѣры!..

Какъ же поступали русскіе въ виду надвигавшейся грозы? Задача отразить пришельцевъ на первыхъ же порахъ выпадала на долю новгородцамъ и полоцкимъ князьямъ. Но двѣ причины мѣшали успѣшнымъ дѣйствіямъ русскихъ: своеволіе и рознь. Новгородцы заняты были своими нескончаемыми внутренними распрями, происками и борьбою различныхъ партій. Съ другой стороны полоцкіе князья никогда не были въ близкомъ единеніи съ другими русскими князьями, вели между собою усобицы, боролись съ своими же гражданами. Тѣмъ не менѣе съ 1206 года начинается непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ между русскими и нѣмцами, при чемъ ливонцы обыкновенно помогали русскимъ, надѣясь съ ихъ помощью вернуть свою свободу. Изъ русскихъ владѣній въ Ливоніи предъ „желѣзными людьми“ первымъ палъ Кукейносъ.

Узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ нѣмцевъ, русскіе, забравъ свое добро, сами зажгли городъ и ушли далѣе на востокъ, а окрестные туземцы разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ, спасаясь отъ свирѣпости крестоносцевъ. Затѣмъ очередь дошла до Герсика. Княземъ этой области въ то время былъ Всеволодъ, страшный врагъ латинянъ. Епископъ Альбертъ составилъ коварный планъ внезапнаго нападенія на Герсикъ. Это ему вполнѣ удалось. Князь едва успѣлъ бѣжать въ лодкахъ, но его жена и вся домашняя прислуга попалась въ плѣнъ. Городъ былъ преданъ разграбленію. Не довольствуясь награбленнымъ въ большомъ числѣ имуществомъ, „добрый и вѣрный пастырь“ Альбертъ приказалъ разрушить православные храмы и обобрать св. иконы, украшенія и колокола. Цѣлый день продолжались неистовства. На другой день, уходя съ награбленнымъ добромъ и плѣнными, нѣмцы зажгли городъ. Всеволодъ находился на другомъ берегу Двины. Увидавъ пожаръ, онъ жалостно вскрикнулъ: „Герсикъ, Герсикъ! Любимый городъ, дорогая моя отчина! Довелось увидать мнѣ, несчастному, пожаръ твой и гибель моихъ людей!“ Епископъ и рыцари, подѣливъ добычу, съ княгиней и плѣнными возвратились въ Ригу. Всеволодъ долженъ былъ явиться къ Альберту и униженно молить объ освобожденіи своей супруги и рус-

скихъ плѣнниковъ. Его просьбу исполнили подъ условіемъ уступки своей волости „въ даръ Св. Богородицы“, т.-е. во власть самихъ нѣмцевъ... Впослѣдствіи Всеволодъ погибъ при вторичномъ нападеніи враговъ. Наконецъ палъ и Юрьевъ, первое и самое крѣпкое поселеніе русскихъ въ Ливоніи. Тамъ княжилъ Вячко или Вячеславъ, изгнанный нѣмцами изъ Кукейноса. Онъ также былъ непримиримымъ врагомъ латинства. Нѣмцы платили ему равною ненавистью и рѣшились жестоко покарать его. Огромное ополченіе рыцарей ордена, слугъ римской церкви, пришлыхъ крестоносцевъ и нѣмецкихъ поселенцевъ края окружили городъ 15 августа 1224 года, въ тотъ роковой 1224 годъ, когда русскіе впервые увидали татаръ. Защита была упорная; нѣмцы собрали военный совѣтъ: „Не станемъ терять времени и сдѣлаемъ рѣшительный приступъ. Взявъ городъ, проучимъ жителей--въ примѣръ другимъ! До сихъ поръ мы поступали слишкомъ милостиво, оттого другимъ не задано надлежащаго страха. Первый, кто взойдетъ на стѣну, будетъ превознесенъ почестями, получитъ лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая князя. Ему не будетъ пощады! Мы повѣсимъ его на самомъ высокомъ деревѣ!..“ На слѣдующее утро начался приступъ. Русскіе отчаянно боролись. Среди общей схватки братъ епископа Іоганнъ

фонъ-Аппельдернъ съ огнемъ въ рукѣ первый началъ взбираться на валъ, за нимъ бросались другіе, стремясь взойти на стѣны раньше товарищей. Началась ужасная рѣзня. Пощады никому не было. Русскіе были всѣ перебиты. Нѣмцы окружили городъ со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ преградили путь къ бѣгству. Изъ всѣхъ мужчинъ оставили въ живыхъ только одного. Его посадили на лошадь и отправили извѣстить новгородцевъ о судьбѣ Юрьева. Новгородскому лѣтописцу пришлось записать грустное событіе: „Того же лѣта убиша князя Вячка нѣмцы въ Гюргевѣ и городъ взяша"...

Причины успѣховъ нѣмцевъ зависѣли главнымъ образомъ отъ образа дѣйствій самихъ русскихъ: они дѣйствовали, по обыкновенію, не дружно. Въ самыя рѣшительныя минуты то одни, то другіе оставляли поле сраженія и даже вступали въ союзъ съ нѣмцами. Въ 1228 году князь Ярославъ Всеволодовичъ собрался было въ походъ противъ нѣмцевъ и привелъ съ собою свои переяславскіе полки. Естественно, что онъ желалъ соединить силы Новгорода и Пскова для дружнаго отпора врагамъ. Но псковичи наотрѣзъ отказались идти въ походъ и поспѣшили заключить отдѣльный миръ съ нѣмцами, давши имъ и заложниковъ съ тѣмъ, чтобы нѣмцы помогли имъ, въ случаѣ разрыва съ Ярославомъ и новгородцами.

— Идите со мною въ походъ!—звалъ Ярославъ псковичей.—Я зла на васъ не думалъ, выдайте мнѣ тѣхъ, кто оговорилъ меня передъ вами.

— Кланяемся тебѣ, князь, и вамъ, братья-новгородцы, но въ походъ не пойдемъ. Съ рижанами мы заключили миръ. Своей братьи не выдадимъ... Нѣмцевъ вы только дразните, а намъ приходится отвѣчать за это...

Безъ своей братьи псковичей и мы нейдемъ!—закричали новгородцы на вѣчѣ.—А тебѣ, князь, кланяемся...

Ярославу ничего болѣе не оставалось, какъ отпустить домой свои переяславскіе полки.

— Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ нѣмцами!—справедливо восклицаетъ историкъ.

Новгородцы и псковичи жестоко ошибались, если полагали, что могутъ ужиться въ мирѣ съ нѣмцами. Они не могли, конечно, ясно сознавать, что ихъ вражда съ опасными сосѣдями—одно изъ проявленій великой вѣковой борьбы, которая не съ ними началась, не съ ними и кончится, но они должны были бы хорошо помнить, что православныхъ русскихъ нѣмцы считали такими же язычниками, какъ и ливонцевъ. Можно было предвидѣть, что послѣ покоренія Ливоніи нѣмцы устремятся далѣе на Востокъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Папа неотложно требовалъ дальнѣйшаго распространенія его

власти надъ русскими. Дерптскій епископъ Германъ первый началъ составлять ополченіе. Собралось множество рыцарей. Безъ объявленія войны нѣмцы бросились на Изборскъ и взяли его приступомъ. „Изъ русскихъ никто не былъ оставленъ въ покоѣ. Убивали или забирали въ плѣнъ всѣхъ, кто только осмѣливался защищаться. Вопль и стоны раздавались по всей землѣ!"—говоритъ съ торжествомъ современный нѣмецкій лѣтописецъ. Въ самую годовщину Невской побѣды псковичи поспѣшили было выступить противъ непріятелей, но потерпѣли пораженіе. Русскіе, по словамъ нѣмецкаго историка, бѣжали, „отчаянно пришпоривая и прихлестывая своихъ лошадей, и лѣсъ оглашался стонами и проклятіями". По пятамъ бѣжавшихъ нѣмцы, не теряя времени, устремились къ Пскову. Измученные псковичи, не имѣя времени перевести духъ послѣ пораженія, не могли защищаться. Съ ужасомъ смотрѣли они на лагерь непріятелей. Кругомъ горѣли неукрѣпленныя мѣстности, селенія и храмы Божіи. Наконецъ псковичи, послѣ недѣльной осады, сдались нѣмцамъ, которые и вступили въ обладаніе всѣми землями, принадлежавшими псковичамъ. То былъ громкій успѣхъ! Вѣсть о немъ быстро распространялась, и новыя толпы текли изъ западной Европы для продолженія столь успѣшно начатыхъ завоеваній.

Въ то время какъ многіе изъ несчастныхъ псковичей бѣжали изъ родного города съ своими семействами и появились въ Новгородѣ, прося крова и защиты, новгородцы съ ужасомъ узнали, что нѣмцы напали уже на новгородскія области. Намѣреніе враговъ овладѣть Новгородомъ было очевидно. Забирая новгородскія земли, нѣмцы въ то же время жестоко опустошали ихъ. Поселяне съ жалобами сбѣгались въ городъ. „Не на чемъ орать по селамъ". Успѣхи нѣмцевъ были быстры и рѣшительны. Овладѣвши новгородскими пригородами, непріятели показались въ мѣстности, непосредственно прилегающей къ Новгороду, не далѣе 30 верстъ, и хватали новгородскихъ и пріѣзжихъ торговцевъ.

Что же знаменитый невскій герой, князь новгородскій?! Отчего онъ допустилъ враговъ причинить такъ много зла его землямъ? Увы, его въ это время не было въ Новгородѣ. Несмотря на всѣ его высокія и благородныя качества, несмотря на укоренившуюся къ нему любовь народа, несмотря на славу, покрывшую его послѣ Невской побѣды, неблагодарные новгородцы не могли ужиться съ нимъ въ мирѣ. Даже въ виду страшной опасности отъ враговъ, они не могли отстать отъ своей привычки къ мятежамъ и волненіямъ. Скоро они замѣтили, что ихъ молодой князь, начавъ править

самостоятельно, обнаруживаетъ не одни только блестящія качества полководца, но твердую волю и сильный умъ правителя: усвоивъ себѣ взгляды отца, дѣда и прадѣда, онъ, очевидно, началъ выказывать стремленіе положить конецъ внутреннимъ смутамъ и безтолковому кричанію на вѣчахъ, производящему лишь „разньствіе въ братіи“. Мы не знаемъ достовѣрно, въ чемъ заключалась сущность распри, возникшей между княземъ и новгородцами. Извѣстно только, что новгородцы „распрѣніе нѣкое показаша, возропташа на св. великаго князя Александра Невскаго, крамоляще, молву составляюще въ людехъ“ — явленіе обычное въ Новгородѣ, но вовсе не подходившее къ тяжелымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось жить на Руси съ начала XIII столѣтія! Въ справедливомъ гнѣвѣ на неблагодарный городъ, Александръ Ярославичъ, по примѣру отца, съ матерью, супругой и со всѣмъ дворомъ отъѣхалъ въ суздальскую землю—въ Переяславль. Это было зимою 1240 года. Тамъ онъ спѣшилъ прежде всего исполнить, вѣроятно, давнее желаніе своего сердца—основать Александровскій монастырь съ храмомъ во имя св. мученика Александра пермскаго. Очевидно, среди благочестивыхъ трудовъ, подобно своимъ предкамъ, онъ жаждалъ найти отдыхъ отъ бранныхъ тревогъ и заботъ правительственныхъ. Но

не долго пришлось ему пробыть на родинѣ. Новгородцы скоро увидали все свое неразуміе: близость враговъ напомнила имъ объ Александрѣ. Чувствуя свою вину предъ нимъ, они не посмѣли обратиться прямо къ нему. Посольство изъ Новгорода явилось къ Ярославу Всеволодовичу съ просьбою дать Новгороду князя. Вѣроятно новгородцы надѣялись, что Ярославъ Всеволодовичъ догадается прислать имъ старшаго сына. Но они ошиблись. Ярославъ прислалъ имъ другого своего сына — Андрея. Но не Андрей нуженъ былъ новгородцамъ,—имъ нуженъ былъ Александръ. Новое посольство изъ лучшихъ людей Новгорода, съ самимъ архіепископомъ во главѣ, отправилось къ Ярославу съ порученіемъ усердно просить о возвращеніи Александра. Дѣло шло не объ одномъ Новгородѣ, а касалось всей Русской земли—и Александръ рѣшился явиться на помощь новгородцамъ. Честь и слава великой душѣ, забывающей оскорбленія въ виду священнаго долга! Вѣроятно, пользуясь обстоятельствами, Александръ постарался какими-нибудь обязательствами ограничить своеволіе новгородцевъ, чтобы имѣть болѣе свободы дѣйствій на будущее время. Съ прибытіемъ князя все ожило въ Новгородѣ. Народъ встрѣтилъ его съ неподдѣльною радостью. Немедленно вокругъ доблестнаго вождя собралось ополченіе. Александръ

быстро двинулся къ Копорью, гдѣ укрѣпились нѣмцы, и взялъ его. Много непріятелей пало отъ оружія новгородцевъ, много попало въ плѣнъ. Александръ Ярославичъ строго покаралъ измѣнившихъ русскимъ ливонцевъ и новгородскихъ измѣнниковъ. Очевидно крамолы и измѣны особенно ненавистны были прямодушному герою, потому что съ другой стороны съ плѣнными нѣмцами онъ поступилъ совсѣмъ иначе: только нѣкоторыхъ изъ нихъ привелъ съ собою въ Новгородъ, а остальнымъ возвратилъ свободу. Милостивъ былъ „паче мѣры!"—какъ бы съ легкимъ укоромъ замѣчаетъ лѣтописецъ.

Но для освобожденія Пскова однихъ новгородскихъ силъ было недостаточно. Поэтому Александръ отправился къ отцу въ суздальскую землю просить подкрѣпленій. Ярославъ Всеволодовичъ согласился отпустить свои полки, и Александръ съ свѣжими силами и съ братомъ Андреемъ возвратился въ Новгородъ. По своему всегдашнему обыкновенію, благочестивый князь прежде всего явился во храмъ св. Софіи и въ горячей молитвѣ со слезами просилъ у Господа силъ благословенія на новый подвигъ. Здѣсь же онъ возвѣстилъ походъ на нѣмцевъ, похвалявшихся „укорить словеньскій языкъ, и, не теряя времени въ ожиданіи, пока соберется новгородская рать, поспѣшилъ занять

всѣ дороги, ведущія къ Пскову. Нѣмцы еще не успѣли узнать о предполагаемомъ походѣ, какъ Александръ уже находился подъ стѣнами Пскова. Городъ безъ особеннаго труда былъ освобожденъ. Нѣмецкіе намѣстники были закованы въ цѣпи и отправлены въ Новгородъ. Псковъ былъ объявленъ свободнымъ. Немедленно послѣ того Александръ устремился на нѣмецкія земли. По приказу князя, новгородцы опустошили ихъ на большое пространство, при чемъ погибло много непріятелей, не ожидавшихъ такой быстроты нападенія.

Страшная вѣсть объ освобожденіи Пскова, подобно громовому удару, поразила ливонскихъ нѣмцевъ. Вся Ливонія пришла въ движеніе. Быстро собиралось громадное нѣмецкое ополченіе. Нѣмцы рѣшили покончить съ новгородскимъ княземъ, подобно Вячеславу. Первый магистръ ордена и „честные бискупы“ были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. „Пойдемъ, погубимъ великаго князя русскаго, возьмемъ Александра живымъ въ плѣнъ!“ хвастливо говорили рыцари. Эти гордыя надежды имѣли свое основаніе: всѣ, кто видѣлъ многочисленность непріятельскаго войска, со страхомъ говорили о „силѣ нѣмецкой“. Но, надѣясь на помощь Божію, невскій герой не палъ духомъ. „Воинъ предъ Господомъ“, выступая на рѣшительный бой, онъ и въ Псковѣ еще разъ спѣшитъ под-

крѣпить свой духъ молитвою. Надъ стѣнами кремля, „Дѣтинца“, величественно возвышается соборный храмъ Св. Троицы,—святыня, столь же дорогая народному сердцу Пскова, какъ св. Софія Кіеву и Новгороду. Псковичи считали своихъ враговъ врагами Св. Троицы; за Св. Троицу они всегда готовы были положить свои головы. Первоначальное основаніе храма приписывается св. Ольгѣ. Впослѣдствіи храмъ былъ построенъ изъ камня св. княземъ Всеволодомъ-Гавріиломъ. Въ главномъ храмѣ, по лѣвой сторонѣ, между колоннами—серебряная рака съ мощами благодѣтеля и защитника Пскова св. благовѣрнаго князя Всеволода-Гавріила и икона его супруги, весьма древняя и близкая къ подлиннику. Здѣсь-то и пролилъ слезы, вознося теплыя молитвы, Александръ Ярославичъ. Безъ сомнѣнія, онъ призывалъ на помощь св. заступника Пскова, прося его ходатайства предъ Богомъ за свой городъ. Вмѣстѣ съ княземъ усердно помолились и его сподвижники и граждане Пскова. Принявъ благословеніе отъ пастырей церкви, князь выступилъ навстрѣчу врагамъ. Время было зимнее. Пользуясь удобными путями, передовые полки Александра должны были выслѣдить движеніе непріятелей. Къ несчастію, легкіе отряды наткнулись на главныя силы враговъ. Нѣмцы съ яростью бросились на русскихъ и разбили ихъ. Часть

войска попалась въ плѣнъ, другіе бѣжали къ Александру съ печальнымъ извѣстіемъ о постигшей неудачѣ. Однако, успѣхъ непріятелей, повидимому, принесъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы. Нѣмцы приняли передовой отрядъ за главныя силы русскихъ и съ большою самоувѣренностью двинулись впередъ. Они шли по направленію къ Пскову по льду Чудскаго озера [1]). Передовые русскіе полки отступали предъ непріятелями. Между тѣмъ къ Александру постоянно подходили новые отряды новгородцевъ, вполнѣ готовые къ бою. Главныя силы русскихъ сосредоточивались у скалы „Вороній камень", получившей свое названіе отъ множества кружившихся тамъ вороновъ, на Узмени, при поворотѣ изъ Чудскаго озера въ Псковское. Съ высоты уступа Александръ внимательно слѣдилъ за движеніями непріятельскаго войска. Предъ нимъ на далекое пространство разстилалось къ сѣверу Чудское озеро съ низменными, поросшими лѣсомъ, берегами, и по льду его, сверкая издали доспѣхами, двигалось стройное рыцарское ополченіе.

Что передумалъ, что перечувствовалъ въ

---

[1]) Чудское озеро—въ Псковской губерніи. Другое его названіе—Пейпусъ. Оно соединяется проливомъ или такъназываемымъ Теплымъ озеромъ съ Малымъ Пейпусомъ или Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90, ширина 47 верстъ. Длина озеръ Теплаго и Псковскаго 50 верстъ; ширина Теплаго—9, Псковскаго—20 верстъ.

эти мгновенія невскій герой!? Глубокое сознаніе собственной правоты, невозможность какой-либо уступки врагамъ, покушавшимся на свободу родины, на вѣру, на все, что дорого человѣку на землѣ, мысль о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя враги уже причинили русскому народу, объ ихъ гордыхъ притязаніяхъ—все это съ быстротою молніи пронеслось у него въ умѣ, и изъ глубины души вырвалось у него восклицаніе, потрясшее сердца русскихъ.

— Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!—громко произнесъ онъ, воздѣвъ руки къ небу.—Помоги мнѣ, Господи, какъ нѣкогда прадѣду моему Ярославу противъ Святополка Окаяннаго.

Громкія восклицанія окружавшихъ его полковъ раздались въ отвѣтъ на эти слова:

— О, дорогой и честный нашъ княже! Пришло время! Мы всѣ положимъ за тебя свои головы!

Одно чувство общаго одушевленія проникало сердца русскихъ. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Для страха не было мѣста.

Была суббота, день 5 апрѣля 1242 г., на восходѣ солнца, когда предъ русскими открылся клинообразный строй нѣмецкаго войска, который русскіе называли *свиньею*. Этотъ строй страшенъ для слабаго войска, которое онъ разсѣкаетъ надвое и дробитъ

на мелкіе отряды, подобно скалѣ, разбивающей морскія волны. Разсѣянные непріятели, теряя между собою связь и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе духа, разбѣгаются въ разныя стороны. Но не таковы были полки Александра. Несокрушимой стѣной двигались впередъ „желѣзные люди“, стремясь пройти какъ можно дальше сквозь густые полки русскихъ. Они и прошли. Но дорого стоилъ имъ этотъ путь. Русскіе не смутились смѣлымъ натискомъ непріятелей и мужественно поражали ихъ съ разныхъ сторонъ. Множество рыцарей пало подъ ударами топоровъ и мечей русскихъ. Нѣмцы озираются кругомъ и вмѣсто ожидаемаго разстройства и разсѣянія враговъ съ ужасомъ видятъ, какъ ряды русскихъ плотно смыкаются живою стѣной. Грозные взоры русскихъ, ихъ сверкающее оружіе, дымящееся непріятельской кровью, ихъ готовность броситься на враговъ смутили нѣмцевъ. Александръ Ярославичъ только и ждалъ этого „психологическаго“ момента боя. Подобно вихрю, налетѣлъ онъ на оторопѣлыхъ враговъ, совершивъ искусное обходное движеніе, и ударилъ на нихъ съ отборными полками съ той стороны, откуда они вовсе не ожидали нападенія. Военная хитрость Александра вполнѣ удалась. Весь боевой планъ нѣмцевъ разстроился. Тогда началась ужасная сѣча. Поднялся невообразимый шумъ отъ частыхъ

ударовъ мечей по щитамъ и шлемамъ, отъ треска ломавшихся копій, отъ разрывовъ льда, отъ воплей сраженныхъ и утопавшихъ. Казалось, все озеро всколыхнулось и тяжко застонало... Ледъ побагровѣлъ отъ крови... Правильнаго боя уже не было,—началось избіеніе враговъ, упорно боровшихся до поздняго вечера. Зато и потери ихъ были громадны. Многіе пытались спастись бѣгствомъ, но русскіе настигали ихъ. Озеро на протяженіи семи верстъ покрылось трупами, вплоть до Суболичскаго берега. Много славныхъ рыцарей пало въ бою и попалось въ плѣнъ. Войско, недавно еще столь грозное и блестящее, болѣе не существовало.

Безъ сомнѣнія, то былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней въ исторіи Пскова, когда побѣдоносный вождь съ торжествомъ возвращался въ городъ. Весь народъ въ праздничныхъ нарядахъ вышелъ встрѣчать побѣдителя. Впереди шло духовенство—игумены и священники съ св. иконами и крестами, въ свѣтлыхъ ризахъ. Вотъ онъ, освободитель, герой, защитникъ вѣры и родины, впереди своихъ славныхъ полковъ. Близъ его коня—50 знатнѣйшихъ плѣнныхъ. Какой печальный видъ у нихъ, у этихъ недавно столь гордыхъ завоевателей Пскова! Позади войска—множество простыхъ плѣнныхъ... Несмолкаемый гулъ радостныхъ восклицаній раздался

въ воздухѣ. Всѣ славили Бога и вѣрнаго раба Его Александра Ярославича.

— Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи городъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великаго князя Александра Ярославича!

— Прославилъ Богъ великаго князя Александра Ярославича передъ всѣми полками, яко Іисуса Навина у Ерихона! Вотъ говорили нѣмцы: возьмемъ великаго князя Александра руками... Но Богъ предалъ ихъ въ руки его, и не нашлось ему противника въ брани!

Общій восторгъ смѣнился слезами умиленія, когда благочестивый герой, сойдя съ коня, поклонившись, съ благоговѣніемъ приложился къ святынѣ и принялъ благословеніе. Не гордость побѣдителя — чувство благодарности къ Богу озаряло его прекрасное одушевленное лицо. Вступивъ въ городъ, Александръ Ярославичъ прежде всего поспѣшилъ во храмъ Св. Троицы излить свою душу въ благодарной молитвѣ. Свѣтлое торжество, безъ сомнѣнія, продолжалось нѣсколько дней. Псковичи радушно угощали побѣдителей. Общее одушевленіе сказывается въ словахъ лѣтописца: „О невѣгласи Псковичи!—восклицаетъ онъ, какъ бы разсердившись при одномъ предположеніи неблагодарности со стороны пско-

вичей,—аще забудете великаго князя Александра Ярославича, или отступите отъ него или отъ дѣтей его, или отъ всего роду его, уподобитесь жидомь, ихъ же препита Господь въ пустыни крестелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы Египетскія Моисеомъ, се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не примете его, или не почтите его, наречетеся вторая жидова".

Отраднѣе всего замѣчать, что предки наши, далекіе отъ ропота на Бога въ несчастіяхъ, смиренно признавая ихъ за справедливое наказаніе Божіе за грѣхи, не превозносились суетною гордостью среди торжества побѣды. Всѣ успѣхи свои они приписывали помощи Божіей. Глубоко-религіознымъ, почти библейскимъ духомъ вѣетъ во всѣхъ разсказахъ, дошедшихъ до насъ. Да и немудрено: охраняя свой вертоградъ, десница Божія видимо помогала въ этой борьбѣ, гдѣ прежде всего стоялъ вопросъ о чистотѣ вѣры. Самъ виновникъ побѣды подвигся на брань, потому что „вельми оскорбѣ за кровь христіанскую". Онъ поспѣшилъ, забывъ обиды, въ Новгородъ, „разгорѣвся духомъ и своею ревностію по Св. Троицѣ и по Святѣй Софіи". Не увѣренность въ человѣческихъ силахъ руководила имъ на-

противъ, выступая изъ Новгорода, онъ „поклонился святѣй Софіи съ молбою и плачемъ“. Въ рѣшительный моментъ боя онъ „въздѣвъ руцѣ на небо“, призываетъ Бога. Онъ разгромилъ враговъ, „побѣдивъ силою Божіею и святыя Софіи и святаго мученика Бориса и Глѣба“. „Се же слышахъ отъ самовидца,—говоритъ лѣтописецъ,—рече ми: яко видѣхъ полки Божія на вздусѣ, пришедше на помощь великому князю Александру Ярославичу“. Не забываетъ лѣтописецъ замѣтить, что самый бой произошолъ 5 апрѣля „на Похвалу Святыя Богородица“.

Какъ бы въ ознаменованіе непрекращающагося покровительства Божія, Псковъ вскорѣ обрадованъ былъ дивнымъ проявленіемъ благодати Божіей. „Господи, слава Тебѣ!—вослицаетъ по этому поводу лѣтописецъ.—Давый намъ, недостойнымъ рабомъ Своимъ, такое благословеніе, и на Тя уповаемъ, Господи Вседержителю, яко призираеши на насъ убогихъ Своею милостью, Человѣколюбче!“

Раздѣливъ радость торжества съ псковичами, Александръ поспѣшилъ въ Новгородъ. Безъ сомнѣнія, новгородцы не отстали отъ псковичей въ выраженіи сердечной бладарности Богу и восторга по случаю славной побѣды, о которой память хранилась у нихъ очень долгое время. Даже въ концѣ XVI столѣтія въ храмахъ возносились молитвы

объ упокоеніи братій, павшихъ на льду Чудскаго озера, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ синодики новгородскіе.

Скромный герой не превозносился своими славными побѣдами, но его „прослави Богъ“: со времени Ледоваго побоища, по словамъ лѣтописца, „нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверійскыя, и до горъ Араратьскихъ, объ ону страну моря Варяжскаго, и горъ Аравитьскихъ, даже и до Рима великого: распространи бо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами“.

Между тѣмъ какъ на Руси радовались по случаю побѣды, по Ливоніи разносилась потрясающая вѣсть о разгромѣ нѣмецкаго ополченія и исполняла всѣхъ ужасомъ. Нѣмцы со дня на день ожидали Александра подъ стѣнами Риги. Магистръ ордена немедленно отправилъ посольство къ датскому королю просить неотложной помощи противъ *невѣрныхъ*. Судя по себѣ, наши враги не могли предполагать, что ихъ благородный побѣдитель считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ жить „не преступая въ чужая части“. Для него довольно было и того, что онъ навелъ страхъ на враговъ, отъ котораго они долгое время не могли придти въ себя, и заставилъ ихъ уважать русское имя. Пробывъ не мало

времени въ тревожномъ ожиданіи, нѣмцы понемногу успокоились и спѣшили заключить съ новгородцами миръ. Послы ихъ явились въ Новгородъ съ дарами и поклонами. Александра въ это время не было въ Новгородѣ, и новгородцы „безъ князя“ самостоятельно вели переговоры. Нѣмцы отказывались отъ всѣхъ своихъ послѣднихъ завоеваній и уступали значительную часть своихъ земель. Заключенный миръ былъ свято исполненъ.

„Такъ печально окончилось предпріятіе ордена противъ русскихъ! — съ грустью восклицаетъ нѣмецкій историкъ.—Храбрый Александръ (der tapfere Alexander) принудилъ рыцарей къ миру“. Для русскихъ побѣда на льду Чудскаго озера имѣетъ огромное значеніе: здѣсь указанъ предѣлъ распространенію нѣмецкаго владычества, здѣсь Самъ Богъ разсудилъ вѣковой споръ германцевъ и славянъ, оградивъ навсегда наше отечество отъ опасныхъ иноземцевъ. Что было бы съ нашей сѣверо-восточной окраиной, съ Новгородомъ, съ Псковомъ, съ прилегающими къ нимъ землями, если бы успѣхъ остался за врагами? Примѣръ несчастной Ливоніи даетъ намъ ясный отвѣтъ на это. Кто знаетъ, можетъ быть намъ никогда впослѣдствіи не пришлось бы и думать о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря, о тѣхъ славныхъ задачахъ, которыя одушевляли Петра Великаго!..

VIII.

Литовцы и тевтонскій орденъ.—Набѣги литовцевъ на русскую землю.—Семь побѣдъ.—Кончина великой княгини Ѳеодосіи.—Продолженіе борьбы съ Литвою.—Характеръ войнъ св. Александра Невскаго.

Радуйся, буйства неустроенныя въ тыя дни Литвы укротителю!
Радуйся, своея земли мужественный защитителю!

По восточному побережью Балтійскаго моря, отъ устьевъ Вислы до Западной Двины, разстилается равнина, на которой съ незапамятныхъ временъ поселилось литовское племя, близко родственное по языку и происхожденію съ племенами славянскими. Невеселый, глухой и бѣдный край! Песчано-глинистая почва, множество рѣкъ, озеръ, болотъ, непроходимыя лѣсныя чащи, гдѣ преобладаютъ дубъ и сосна, съ множествомъ звѣрей, изрѣдка встрѣчающіеся холмы и пригорки — такова природа страны, среди которой, подъ надежной защитой лѣсовъ и болотъ, долгое время, какъ бы всѣми забытыя, жили бѣдныя литовскія племена, пока

сосѣдніе съ ними полоцкіе и волынскіе князья не начали мало-по-малу подчинять ихъ своей власти. Но что было взять у бѣдныхъ литовцевъ! Скотъ, звѣриныя шкуры, лыки и вѣники—вотъ въ чемъ состояла вся добыча русскихъ... Въ свою очередь литовскіе князья дѣлали набѣги на сосѣднія русскія области, созвавъ своихъ дикарей звукомъ трубы „на четыре стороны".

Встрѣча русскихъ съ литовцами какъ бы заранѣе предрѣшала судьбу этого племени. Ихъ язычество должно было пасть предъ свѣтомъ истинной вѣры. Русскіе превосходили ихъ своею гражданственностью. При большемъ знакомствѣ литовцевъ съ русскими между обоими народами мало-по-малу начинала устанавливаться близкая связь. Кроткій, невоинственный характеръ литовцевъ позволялъ надѣяться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на мирное сожительство, если не на полное сліяніе, двухъ родственныхъ народовъ. „Для литовскихъ князей союзъ съ русскими былъ необходимостью, которая обусловливалась всей исторіею полоцкой и литовской земли; Литву тянула къ Руси сама исторія, сама жизнь; въ теченіе вѣковъ Литва такъ сроднилась и срослась съ Русью, что не могла безъ нея жить. Войны и разбойническіе набѣги, какъ они ни были часты, не могли разорвать этой связи, сложившейся вѣками".

Но вотъ и къ литовцамъ явились непрошенные гости — нѣмцы, подъ знаменемъ креста и цивилизаціи попиравшіе все священное и драгоцѣнное человѣку. Въ 1231 г. на берегахъ Вислы впервые увидали суровыхъ крестоносцевъ. То были иноки-рыцари тевтонскаго ордена, прибывшіе сюда изъ Палестины. Только нѣмцы и притомъ дворянскаго рода могли быть членами этого общества. Черная туника и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ отличали ихъ отъ другихъ воинствующихъ братій. Литовское племя—пруссы, обитавшіе по нижнему теченію Вислы, съ негодованіемъ увидали, какъ незнакомые пришельцы, высадившись близъ вѣковаго священнаго дуба, начали воздвигать свое укрѣпленіе. Какъ въ Ливоніи, такъ и здѣсь загорѣлась кровавая истребительная война. Вооруженные дубинами, каменными топорами и стрѣлами, пруссы не могли успѣшно бороться съ завоевателями. За пораженіемъ, конечно, слѣдовало насильственное крещеніе, рабство, тяжкія работы, всякаго рода угнетеніе. Верховный владыка ордена — папа спѣшилъ оказать свое содѣйствіе рыцарямъ, настоятельно призывая крестоносцевъ на дальнѣйшую борьбу съ язычниками и щедро раздавая полное отпущеніе грѣховъ. Наконецъ въ 1237 году въ своей резиденціи, въ Витербо, папа Григорій IX благословилъ соединеніе двухъ

орденовъ, ливонскаго и тевтонскаго, для болѣе успѣшныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ — литовцевъ и русскихъ, чѣмъ значительно увеличилъ силы нѣмцевъ. Тогда литовцы оказались какъ бы сдавленными желѣзнымъ кольцомъ. Будучи охвачены съ противоположныхъ сторонъ владѣніями двухъ соединенныхъ орденовъ, они встрепенулись. Спавшій дотолѣ въ своей берлогѣ звѣрь былъ встревоженъ и поднялся на ноги. Въ виду грозы, надвигавшейся съ береговъ Вислы и изъ-за Двины, литовцы быстро превратились изъ кроткаго и мирнаго племени въ дикихъ озлобленныхъ хищниковъ и сдѣлались сами грозою своихъ сосѣдей. Отбиваясь отъ нѣмцевъ, они начали рядъ опустошительныхъ набѣговъ на сосѣднія русскія земли.

Такимъ образомъ, въ то время, когда наше отечество, истерзанное татарами, можно сказать, едва дышало, свирѣпые хищники, отличавшіеся другъ отъ друга происхожденіемъ, языкомъ и религіею, какъ бы условившись между собою, собрались почти въ одно время докончить дѣло восточныхъ варваровъ. Едва прошелъ годъ послѣ нашествія шведовъ, нѣмцы овладѣваютъ Псковомъ. Непосредственно за повѣствованіемъ о мирѣ новгородцевъ съ нѣмцами, заключенномъ послѣ Ледоваго побоища, лѣтописцу приходится говорить о новыхъ врагахъ: „въ то время

(1242 г.) умножишася языка литовскаго, и начаша пакостити въ области великаго князя Александра". Съ каждымъ годомъ возрастаютъ затрудненія, но не ослабѣваетъ изумительная энергія доблестнаго защитника отечества Александра Ярославича. Онъ всюду поспѣваетъ. Едва окончивъ одну борьбу, онъ уже громитъ новыхъ опасныхъ враговъ. Великій человѣкъ не падаетъ духомъ подъ ударами судьбы, напротивъ, его сильная воля еще болѣе закаляется среди опасностей, которыя смутили бы слабаго.

Лѣтомъ 1242 года, съ полученіемъ первыхъ извѣстій о набѣгахъ литовцевъ, Александръ съ немногочисленнымъ войскомъ выступилъ навстрѣчу врагамъ. Недостаточность силъ онъ восполнялъ искусствомъ и необыкновенною быстротою: за одинъ походъ ему удалось разсѣять до семи непріятельскихъ отрядовъ, при чемъ много литовскихъ князей было избито или взято въ плѣнъ. Раздраженные опустошеніями, новгородцы не щадили плѣнныхъ: привязавши ихъ къ хвостамъ своихъ лошадей, они гнали за собой нестройныя толпы непріятелей. Походъ Александра достигъ цѣли, хотя и не надолго: съ этого времени литовцы „начаша блюстися имени его".

Около двухъ лѣтъ послѣ того Александръ Ярославичъ прожилъ спокойно въ Новгородѣ. Но за это время пришлось ему поне-

сти тяжелую семейную утрату: въ 1244 году въ Новгородѣ скончалась его мать, „блаженная и чудная“ великая княгиня Θеодосія. Александръ, отличавшійся нѣжностью родственныхъ чувствъ, горько оплакивалъ кончину матери, но его скорбь смягчалась отраднымъ упованіемъ, что дорогое его сердцу существо переселилось въ лучшій міръ. Украшенная христіанскими добродѣтелями, великая княгиня незадолго до кончины приняла иночество, съ именемъ Евфросиніи.

Въ слѣдующемъ 1245 году, оправившись отъ понесенныхъ пораженій, литовцы вновь сдѣлали набѣгъ на русскія земли. Жестоко опустошивъ окрестности городовъ Торжка и Бѣжецка, они сбирались уже съ захваченной добычей возвратиться на родину, но подъ стѣнами Торопца были настигнуты соединенными силами новоторжцевъ, тверичей и дмитровцевъ. Потерпѣвъ пораженіе въ открытомъ полѣ, литовцы засѣли въ Торопцѣ. На утро слѣдующаго дня съ неожиданной быстротой явился съ своей дружиной и новгородцами грозный Александръ. Появленіе его произвело великое одушевленіе и радость среди русскихъ. Торопецъ въ тотъ же день былъ взятъ. Литовцы въ ужасѣ бросились бѣжать изъ города, надѣясь на быстроту своихъ коней, но большею частію были изсѣчены русскими. Восемь князей

ихъ пало въ битвѣ. Вся добыча и плѣнные достались побѣдителямъ. Довольные побѣдой, новгородцы не захотѣли продолжать борьбы, но дальновидный князь ихъ на этотъ разъ рѣшилъ иначе: съ дикарями нельзя заключать мирныхъ договоровъ—они нарушаютъ ихъ при первой возможности. Только страхъ предъ силой, только тяжесть руки, наносящей сокрушительные удары, могутъ удерживать ихъ отъ новыхъ набѣговъ. Какъ бы предвидя, что скоро нужды отечества надолго отвлекутъ вниманіе отъ западныхъ враговъ, Александръ рѣшился на этотъ разъ дать литовцамъ урокъ, который остался бы у нихъ въ памяти. Поэтому, не желая терять времени на убѣжденія близорукихъ новгородцевъ, съ одной своей дружиною, „со своимъ дворомъ“ Александръ погнался за врагами, которые успѣли спастись бѣгствомъ. Недолго пришлось ему отыскивать непріятелей. Бѣжавши безъ оглядки послѣ торопецкаго погрома, литовцы остановилась было передохнуть близь озера Жизца, въ той же торопецкой области, какъ вдругъ нагрянулъ на нихъ страшный новгородскій князь и истребилъ всѣхъ до послѣдняго человѣка, до послѣдняго князя. Но этимъ дѣло не кончилось. Александръ Ярославичъ прибылъ въ Витебскъ, гдѣ въ то время княжилъ тесть его Брячиславъ. Тамъ у дѣда гостилъ его сынъ. Послѣ кратковременнаго отдыха въ

Витебскѣ, взявъ съ собою сына, Александръ выступилъ въ походъ и встрѣтился съ новыми полчищами непріятелей близъ Усвята (мѣстечко въ Витебской губерніи, Суражскаго уѣзда, при озерѣ того же имени). Неожиданное нападеніе Александра привело непріятелей въ смятеніе: несмотря на свою многочисленность, они бросились бѣжать. Но Александръ, не давши имъ опомниться, спѣшилъ нанесть имъ рѣшительное пораженіе.

Не чувство мести, не увлеченіе военной славой были причиной настойчивости Александра: имъ руководилъ вѣрный разсчетъ, внушенный заботой о благѣ родины. Дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали его образъ дѣйствій: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ литовцы не осмѣливались нападать на его владѣнія. А можетъ быть, проницательный геній Александра и въ этихъ нападеніяхъ новаго врага уже предугадывалъ проявленіе той же враждебной намъ политики, которая толкала противъ насъ силы Запада...

Отмѣтимъ еще одну замѣчательную черту въ этой борьбѣ Александра съ западными врагами. Неутомимо сражаясь съ ними, онъ въ сущности всякій разъ ведетъ оборонительную войну и не стремится къ захватамъ чужихъ владѣній, являясь въ этомъ отношеніи вполнѣ представителемъ своего народа. Его заставляетъ прибѣгать къ ору-

жію необходимость самозащиты. Мы не видимъ въ немъ ни одной черты, которая обличала бы славолюбіе или жажду добычи. Безкорыстный и великодушный, милостивый „паче мѣры“, онъ безъ сомнѣнія охотно отказался бы отъ военныхъ лавровъ, если бы враги не вызывали его. Но, разъ взявшись за мечъ, онъ уже не останавливается на полдорогѣ, не довольствуется какимъ-нибудь частнымъ успѣхомъ, достаточнымъ для удовлетворенія самолюбія вождя, но стремится достигнуть болѣе или менѣе прочныхъ результатовъ, насколько было возможно для него при тѣхъ незначительныхъ силахъ, которыми онъ располагалъ. Своими побѣдами онъ доказалъ западнымъ врагамъ, что даже обезсиленная, лишенная политической самостоятельности, св. Русь сумѣетъ постоять за себя...

IX.

Внутреннее состоянiе Россiи въ половинѣ XIII вѣка.—Невозможность борьбы съ татарами. — Погребенiе Ярослава Всеволодовича. — Безпорядки во Владимiрѣ. — Грозный прiѣздъ Александра.—Отправленiе въ Орду.

Радуйся, яко не убоялся еси, призвавъ Бога, прiити къ Батыеви, исполняя его веленiе!
Радуйся, злобы невѣрныхъ не устрашивыйся!
Радуйся, твари паче Создавшаго не послуживый!
Радуйся, солнцу и огню въ станѣ безбожныхъ не поклонивыйся!
Радуйся, вѣры Христовой непобѣдимый исповѣдниче!

Несмотря на то, что Новгородъ не былъ завоеванъ татарами, доблестному новгородскому князю, которому „не обрѣтеся противникъ во брани никогда же“, благодаря которому „королю части римскыя отъ полунощныя страны“ не удалось обратить „въ работу себѣ славянскихъ людей“, пришлось

наравнѣ съ другими князьями испить горькую чашу униженія отъ свирѣпыхъ завоевателей и принять отъ нихъ честь, которая показалась Даніилу Галицкому „злѣе зла".

„Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: *ты ли одинъ* не хочешь покориться державѣ моей?" Въ такихъ выраженіяхъ Батый прислалъ ему приказъ явиться въ Орду. „Если хочешь сохранить за собою свою землю, прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего".

Естественно недоумѣніе: если въ самую печальную эпоху монгольскаго ига могли же удаваться намъ рѣшительныя побѣды, да къ тому же надъ врагами вовсе не дюжинными, что же помѣшало намъ, русскимъ, имѣя во главѣ такого героя, сбросить позорное иго? Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли звучитъ послѣ одушевленнаго разсказа лѣтописца о знаменитыхъ побоищахъ Невскомъ и Чудскомъ призывъ—приказъ „царя отъ восточныя страны": „аще мыслеши соблюсти землю твою невредиму, то потщися немедленно пріити ко мнѣ", т.-е. прійти съ поклонами?! И доблестный князь, краса и утѣшеніе своей земли, спѣшитъ исполнить волю варвара...

Разсмотрѣніе обстоятельствъ того времени дастъ намъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе этого факта.

На Западѣ мы имѣли дѣло съ народами осѣдлыми, культурными, которые, имѣя свои

собственныя территорiи, высылали противъ насъ избытокъ своихъ силъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ колонiй или крестоносныхъ дружинъ. Это не было въ строгомъ смыслѣ слова движенiе *народовъ*. Съ такими врагами Александръ могъ перевѣдаться тѣми силами, которыми онъ располагалъ, силами земли новгородской. Не то — восточные варвары. Благодаря кочевому быту, они имѣли возможность переселяться цѣлыми ордами въ видѣ громадныхъ массъ. Это была стихiйная, страшная сила, которую можно было побороть также лишь съ напряженiемъ всѣхъ силъ народныхъ, при дружномъ участiи всей Руси. Но вотъ этого-то условiя и недоставало: у насъ не было государственной централизацiи.

Мы знаемъ, что въ суздальской области князья, ближайшiе предки Александра Невскаго, сознали всю неудовлетворительность старыхъ порядковъ, когда на Руси владѣло множество князей-родичей, едва признававшихъ надъ собою власть старшаго въ родѣ, великаго князя. Безспорно, наши князья и ихъ дружины были храбры, мужественно боролись съ врагами и, по выраженiю лѣтописца, расплодили русскую землю. Таково, по свидѣтельству историка, было назначенiе старой Руси: расплодить, распространить русскую землю, намѣтить границы. Но нужно было подумать и о томъ, чтобы закрѣпить

пріобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство. Иначе — какая могла быть польза въ томъ, что была намѣчена обширнѣйшая торриторія, когда, при отсутствіи государственной централизаціи, русской землѣ неминуемо грозило распаденіе? Много ли пользы могла принесть блестящая храбрость при отсутствіи единой воли, которая направляла бы ее на благо родины, когда изъ-за пустяковъ всегда готова была возгорѣться ссора между князьями? Какой урокъ могъ быть краснорѣчивѣе нашей первой встрѣчи съ татарами на берегахъ Калки? Русь выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей-героевъ, но эти князья затѣяли распрю и погубили рать... Занятые своими междуусобіями, переходя постоянно изъ одной волости въ другую, князья не смогли и точнѣе опредѣлить своихъ отношеній къ подвластному народонаселенію, не могли заняться установленіемъ твердаго порядка. Отдѣльныя области имѣли также мало связи между собою. Когда нагрянули татары, граждане городовъ не снеслись между собою, не представляя даже возможности соединенія своихъ силъ для дружнаго отпора и поодиночкѣ погибли на развалинахъ. Сельское населеніе представляло еще большую картину разбросанности, чему не мало способствовали самая обширность страны, безпредѣльный просторъ, безпрепятственность пе-

редвиженія. Не привыкло и оно къ соединенію силъ для преодолѣнія затрудненій, предпочитая уходъ, средство самое легкое при простотѣ быта. Такъ—князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, сельское народонаселеніе само по себѣ...

Печальными чертами изображаютъ наши историки внутреннее устройство удѣльно-вѣчевой Руси. По словамъ одного, оно представляло „только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ",—discordia semina rerum.

„Безпрерывное перехожденіе съ мѣста на мѣсто князей, бояръ, воевъ и отчасти самыхъ поселянъ—и нигдѣ никакого установленнаго твердо порядка, котораго вотще, видно, искали Словене за моремъ, жалуется другой. Совершенно полная свобода, подвижность, измѣняемость господствовала во всѣхъ учрежденіяхъ—въ преемствѣ князей и въ ихъ отношеніи къ людямъ, между собою, въ собраніи вѣчъ, въ избраніи духовныхъ сановниковъ; какая-то недовѣрчивость или отвращеніе отъ всякаго положительнаго опредѣленія; привычка, сдѣлавшаяся второй природой, рѣшать всѣ дѣла внѣ правилъ, смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ времени, какъ въ ту или другую минуту представлялось нужнымъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ.

„Сколько источниковъ и поводовъ для замѣшательствъ всякаго рода!

„А нравственный, духовный уровень въ передовыхъ дѣятеляхъ стоялъ между тѣмъ высоко, поднимался безпрестанно, — и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ слояхъ общества являлись люди глубоко просвѣщенные о единомъ, еже есть на потребу,—исключительный предметъ древней русской любознательности и просвѣщенія,—но голоса ихъ были голосами вопіющихъ въ пустынѣ.

„Народъ принималъ всѣ бѣдствія, какъ естественныя, такъ и гражданскія, справедливымъ наказаніемъ за грѣхи и приносилъ покаяніе устами своихъ лѣтописей, но помочь злу онъ былъ не въ силахъ и не въ понятіяхъ.

„Что же грозило государству, до такой степени распущенному, далѣе,—при естественномъ умноженіи князей!

„Мелкопомѣстность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

„Вотъ въ какомъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи находилось отечество въ половинѣ XIII столѣтія!

„Враги сильные, грозные, многочисленные, одни другихъ лютѣе, съ востока, юга, запада, сѣвера и моря, какъ хищные звѣри съ зіяющею пастью, стали надъ нимъ и грозили порабощеніемъ. Татары, литовцы, поляки, венгерцы, нѣмцы, датчане окружили святую

Русь какъ бы облавою, напирали на нее, грозили разнять ее по составамъ, готовясь подѣлить ризы ея по себѣ и объ одеждѣ метати жребій.

„Была ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странѣ, изнуренной двухсотлѣтними междуусобіями, лишенной теперь почти всего своего военнаго сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ, отъ одного конца до другого?

„Казалось, погибель ея неизбѣжна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему,—пропадетъ святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

„Такую горькую, тяжелую думу думалъ, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ кіевскихъ или черниговскихъ, смиренный лѣтописатель, заносившій въ лѣтопись не чернилами, а слезами и кровію, описаніе страшныхъ событій—думалъ и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой отчизны,—Господи, помилуй!

„Помилуетъ ли Онъ?

„Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огне-кровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою и славою: аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

„Кто же спасетъ святую Русь?

„Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носившій въ глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

„Спасетъ ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

„Спасетъ ее языкъ творческій, сильный, многосмысленый, обильный, благозвучный.

„Спасетъ ее вѣра православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы".

Но если во всемъ этомъ,—въ основныхъ чертахъ нашей народности, въ нашей народной святынѣ заключалось спасеніе Руси, *Александръ Невскій является предъ нами въ то страшное время поистинѣ ангеломъ-хранителемъ этихъ драгоцѣнныхъ залоговъ.*

Эта истина станетъ вполнѣ очевидною изъ дальнѣйшаго изложенія событій.

30 сентября 1246 года, какъ извѣстно, скончался въ далекой Монголіи „нужною", т. е. насильственною, смертью великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Бояре привезли тѣло его во Владиміръ. Узнавъ объ этомъ, Александръ поспѣшилъ немедленно изъ Новгорода туда же, чтобы воздать послѣдній долгъ почившему. Горькія, тяжелыя думы внушала страдальческая кончина Ярослава... Спутники его, безъ сомнѣнія, подробно раз-

сказывали обо всемъ его сыновьямъ. Какой-то Ѳедоръ Яруновичъ оговорилъ его предъ татарами. Въ клеветахъ этого обвинителя можно было предполагать козни князей-родственниковъ, имѣвшихъ почему-либо причины желать скорой смерти Ярослава...

Погребеніе совершилось конечно со всѣми подобающими почестями. При выносѣ за гробомъ слѣдовали князья, дружина и народъ, несли стягъ (знамя) умершаго князя и вели его коня. Всѣ были въ „скорбныхъ“, т.-е. траурныхъ, платьяхъ, „въ черныхъ мятлихъ“.

Окружая гробъ отца, дѣти безъ сомнѣнія вспоминали съ чувствомъ сердечной скорби послѣднія слова почившаго, переданныя имъ его спутниками:

„Вельми изнемогая“, вспомнилъ онъ васъ, „любезная своя чада“. Обращаясь къ вамъ, какъ будто вы находились предъ его глазами, онъ говорилъ: „О возлюбленніи мои! плодъ чрева моего, *храбрый и мудрый* Александре, и *поспѣшный* Андрею, и Константине удалый, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле! Будите благочестію истинныи поборницы, и величествію державы русскія настольницы... Не презрите двоихъ ми дщерій, Евдокій и Ульяніи... Для нихъ настоящее время горче желчи и полыни“.

Горячо молилась осиротѣлая семья, да „причтетъ его Богъ къ Своему избранному стаду“.

Печальный обрядъ завершился обычнымъ поминовеніемъ, а „монастыремъ и нищимъ роздана была щедрая милостыня.

Посѣщая святыни Владиміра, каждый русскій безъ сомнѣнія найдетъ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ, могилу Ярослава Всеволодовича и съ благоговѣніемъ поклонится праху этого князя, много истомленія подъявшаго и душу свою положившаго за землю русскую“.

Между тѣмъ оставшійся старшимъ въ родѣ братъ покойнаго, Святославъ Всеволодовичъ занялъ владимірскій великокняжескій столъ и роздалъ удѣлы своимъ племянникамъ, при чемъ Александръ, удерживая Новгородъ, получилъ Переяславль. Такъ слѣдовало по старинѣ. Старшій въ родѣ наслѣдовалъ и великое княженіе. Но и встарину бывали примѣры, когда великому князю наслѣдовалъ не братъ, не старшій въ родѣ, но сынъ. Такъ было, напримѣръ, при кончинѣ великаго князя Всеволода Ярославича, послѣ котораго великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Владиміръ Мономахъ. Онъ не былъ старшимъ въ родѣ, но его высокія личныя качества, его заслуги предъ русской землей устраняли въ глазахъ современниковъ всякое соперничество. То же самое могло произойти и послѣ смерти Ярослава. Старшій сынъ его Александръ, слава котораго гремѣла далеко за предѣлами Россіи, такъ же

высоко стоялъ среди современныхъ ему князей, какъ въ свое время Владимiръ Мономахъ. Объ немъ можно сказать то же самое, что говорили о его славномъ прадѣдѣ: „Не было земли на Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила бы его“. Соперничество съ доблестнымъ племянникомъ было бы не подъ силу Святославу Всеволодовичу. Можетъ быть, сознавая это, Святославъ немедленно по полученiи извѣстiя о кончинѣ Ярослава, поспѣшилъ въ Орду, чтобы противопоставить заслугамъ племянника рѣшенiе хана. Туда же отправился и племянникъ его Андрей, младшiй братъ Александра. Если Святославъ дѣйствительно опасался своего великаго племянника, то это опасенiе во всякомъ случаѣ было неосновательно: невскiй герой не искалъ корысти. Если же Святославъ думалъ упрочить свое положенiе, заискавши въ Ордѣ, то жестоко ошибался, мало того—онъ другимъ указывалъ путь, какимъ образомъ всего легче можно было добиться великаго княженiя, даже не имѣя на то никакихъ правъ. Стоило только отправиться въ Орду и, вытерпѣвъ всевозможныя униженiя, задарить хана и его приближенныхъ. И дѣйствительно многiе князья устремились въ Орду, гдѣ они „идяху сквозѣ огонь, и кланяхуся кусту и идоламъ, славы ради свѣта сего, и прошаху койждо себѣ власти; они же безъ възбра-

ненія даяхуть имъ, да прельстять я славою свѣта сего“. Для татаръ такое поведеніе князей представляло прямую выгоду: они обирали всѣхъ, раздавая волости сегодня одному, завтра другому — кто дороже заплатитъ. Помимо денежныхъ выгодъ, соперничество русскихъ князей обезпечивало татарамъ владычество надъ Русью. Они скоро поняли, какъ много пользы можно извлечь изъ застарѣлой наклонности князей къ междоусобіямъ. „Обычай бо поганыхъ вмещуще вражду межу братіи, князей русьскыхъ, и на себя болшая дары взимаху“. Но самое главное—по весьма вѣрному замѣчанію лѣтописца, татары старались о томъ „да прельстятъ я славою свѣта сего“. Запутавшись въ своекорыстныхъ стремленіяхъ, князья всего скорѣе могли забыть объ интересахъ угнетенной родины, о возвращеніи ей независимости. Такъ поступали многіе князья, но не такъ поступалъ Александръ! Его стремленія далеко расходились съ стремленіями его ближайшихъ родственниковъ. Почти одинокій съ своей серьезной думой, мало понимаемый, онъ идетъ своимъ особымъ путемъ,—не спѣшитъ въ Орду склонить свою благородную голову предъ варваромъ. Отдавъ послѣдній долгъ родителю, Александръ возвращается въ Новгородъ, не заявивъ ничѣмъ своего неудовольствія на раздѣлъ земель, произведенный его дядею.

Тамъ онъ получаетъ грозный укоръ хана за свою медлительность и, покоряясь необходимости, спѣшитъ принести новую жертву для блага родины. Дорогою онъ заѣзжаетъ во Владиміръ. Но на этотъ разъ „великій князь Александръ приде въ Володимерь въ силѣ тяжцѣ и бысть грозенъ пріѣздъ его“... Очевидно, недостойное поведеніе его ближайшихъ родственниковъ, скорое обнаруженіе ими себялюбивыхъ стремленій, высказавшаяся наклонность продолжать прежнее соперничество изъ-за преобладанія одного надъ другимъ—возмутили духъ его. Ему стало ясно, что немногіе изъ его братіи-князей сознаютъ всю опасность положенія отечества, что для большинства потрясающія событія эпохи и тяжкія испытанія не послужили полезными уроками. Самъ же онъ, до сихъ поръ съ напряженіемъ всѣхъ силъ боровшійся съ наступавшими отовсюду врагами, отлично понималъ, что времена измѣнились, что отнынѣ жизнь князя, народнаго вождя, должна быть самоотверженнымъ служеніемъ родинѣ, непрестаннымъ подвигомъ. Безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ кто-либо, онъ сознавалъ цѣну истинной славы, пріобрѣтаемой доблестными заслугами—могли ли въ его глазахъ имѣть какое-либо значеніе честолюбивыя притязанія, преимущества и почести, пріобрѣтенныя позорной цѣною всевозможныхъ униженій въ Ордѣ? Тѣмъ менѣе могли

занимать его душу праздныя развлеченія и забавы: съ юныхъ лѣтъ привыкши видѣть и понимать народное горе, могъ ли онъ помышлять о суетныхъ удовольствіяхъ міра, объ утѣхахъ жизни, когда кругомъ народъ стоналъ подъ тяжкимъ игомъ? Вотъ почему грозенъ былъ пріѣздъ его во Владиміръ въ силѣ тяжцѣ. Не будучи великимъ княземъ, онъ тѣмъ не менѣе давалъ понять, чтобы князья-родичи не забывали его правъ, основанныхъ на великихъ заслугахъ. Всѣ должны были знать, что хотя онъ не вмѣшивается въ соперничество изъ-за первенства, напротивъ, осуждаетъ его, однако, не дозволитъ и другимъ продолжать образъ дѣйствій, явно вредный для родины. Для этого у него найдется достаточно силы. Правда, подобно другимъ, онъ также отправляется въ Орду, но никто не долженъ забывать, что онъ могъ бы и не дѣлать этого. Князь области, не покоренной татарами, сумѣвшій уже побороть опасныхъ враговъ, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, могъ бы отважиться на попытку борьбы съ татарами. Его подчиненіе скорѣе всего можно назвать добровольнымъ. Если онъ поклонится Батыю, то не изъ-за того, чтобы взять верхъ надъ роственниками, но единственно въ интересахъ горячо любимой родины. Не смотря на то, что онъ не спѣшитъ, какъ другіе, добиваться великаго княженія, которое татары могутъ отдать „без-

възбраненія“ всякому, кто дороже заплатитъ, всѣ должны были почувствовать, что настоящимъ хозяиномъ положенія, главнымъ руководителемъ дѣлъ на Руси можетъ быть не кто иной, какъ именно славный новгородскій князь. Не одно заискиваніе передъ татарами — надлежащій авторитетъ главѣ государства должны доставлять силы нравственныя и матеріальныя, а подавляющій перевѣсъ ихъ безспорно на сторонѣ доблестнаго побѣдителя шведовъ и нѣмцевъ. Таковъ, повидимому, смыслъ грознаго пріѣзда Александра во Владиміръ.

Между тѣмъ надлежало поспѣшить исполненіемъ ханской воли. Подкрѣпивъ себя молитвой и принявъ благословеніе епископа Кирилла, Александръ простился съ народомъ и отправился въ путь. Мы ничего не знаемъ, но можемъ догадываться о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали душу Александра на пути къ мѣстопребыванію Батыя. Для блага родины онъ шелъ на униженіе, жертвовалъ своимъ покоемъ, семейными радостями, но такія жертвы приносили и другіе. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ему особенно теперь не разъ приходили на память его славныя побѣды. Высоко поднялъ онъ русское имя предъ западными врагами, не склонилъ своей головы ни предъ шведами, ни предъ нѣмцами. И вотъ теперь ему, ни разу не побѣжденному въ бою, приходится

изъявлять унизительную покорность предъ азіатскими варварами. Душевная буря, безъ сомнѣнія, не разъ поднималась въ немъ и всякій разъ заглушаема была голосомъ разума, указывавшаго на неизбѣжность предстоявшаго шага. Но ограничится ли дѣло однимъ униженіемъ? Не предстоитъ ли ему опасность лишиться жизни? Кто скажетъ, съ какою цѣлью ханъ вызываетъ его къ себѣ? Можетъ быть, онъ дѣйствительно желаетъ насладиться видомъ славнаго русскаго князя, простирающагося у подножія его трона, желаетъ поразить его блескомъ своего могущества, но возможно и другое предположеніе, на которое могла наводить Александра страдальческая кончина его отца. Не желаютъ ли татары избавиться отъ храбрейшаго русскаго князя, который одинъ изъ всѣхъ князей могъ съ нѣкоторымъ основаніемъ надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ ними или, по крайней мѣрѣ, не чувствовать себя въ совершенной зависимости отъ хана? Въ предлогѣ для его убіенія у татаръ недостатка не будетъ. Около этого же времени звѣрски умерщвлены были въ Ордѣ князь Михаилъ черниговскій и бояринъ его Өеодоръ за отказъ выполнить языческіе обряды. Если татары вздумаютъ и Александра принуждать къ тому же, можетъ ли онъ колебаться въ выборѣ между смертью и отступничествомъ? Среди подобныхъ опасеній и душевныхъ

тревогъ благочестивый князь, безъ сомнѣнія, искалъ утѣшенія и пордкрѣпленія въ вѣрѣ. Прибѣгая съ молитвою къ Богу, онъ по своему обыкновенію изливалъ свою душу въ словахъ псалмопѣвца, которыя такъ хорошо подходили къ его положенію.

Избави меня отъ враговъ моихъ, Боже мой!
Защити меня отъ возстающихъ на меня
Избавь меня отъ дѣлающихъ беззаконіе,
Спаси отъ кровожадныхъ!
Ибо вотъ они подстерегаютъ душу мою;
Собираются на меня сильные,—
Не за преступленіе мое и не за грѣхъ мой, Господи,
Безъ вины моей сбѣгаются и вооружаются;
Подвигнись на помощь мнѣ и воззри.
Сила у нихъ, но я къ Тебѣ прибѣгаю,
Ибо Богъ заступникъ мой! (Пс. 58.)

***

Господи, Боже мой! На Тебя я уповаю;
Спаси меня отъ всѣхъ гонителей моихъ,
И избавь меня;
Да не исторгнетъ онъ подобно льву души моей,
Терзая, когда нѣтъ избавляющаго. (Пс. 7.)

***

Боже! Ты отринулъ насъ, Ты сокрушилъ насъ,
Ты прогнѣвался: обратись къ намъ!
Ты потрясъ землю, разбилъ ее:

Исцѣли поврежденія ея, ибо она колеблется.
Ты далъ испытать народу Твоему жестокое,
Напоилъ насъ виномъ изумленія.
Даруй боящимся Тебя знамя,
Чтобы они подняли его ради истины,
Чтобы избавились возлюбленные Твои.
Спаси десницею твоею и услышь меня!
(Пс. 59.)

По мѣрѣ углубленія въ степи Александру Ярославичу все чаще приходилось встрѣчать многочисленныя стада, подъ присмотромъ лихихъ татарскихъ наѣздниковъ и наѣздницъ, непрерывно упражнявшихся въ стрѣльбѣ, селенія изъ круглыхъ юртъ, сплетенныхъ изъ хворосту и крытыхъ войлокомъ. Впрочемъ, постоянныхъ поселеній на Волгѣ у татаръ еще не было. Обыкновенно ханъ или значительный мурза указывалъ мѣсто для поселенія, и немедленно выросталъ подвижной городъ изъ безчисленнаго множества кибитокъ, перевозимыхъ на телѣгахъ съ мѣста на мѣсто. По прошествіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени— новый приказъ сниматься и укладываться. Огромный обозъ въ нѣсколько сотъ и тысячъ телѣгъ, запряженныхъ лошадьми и волами, двигался въ другое мѣсто, въ сопровожденіи безчисленныхъ стадъ и конскихъ табуновъ. Въ такихъ поселеніяхъ Александру и его спутникамъ, разумѣется, не разъ приходилось останавливаться во время пути.

Громкая слава предшествовала ему. Татары съ невольнымъ чувствомъ уваженія смотрѣли на доблестнаго русскаго князя, поражавшаго ихъ своимъ величественнымъ видомъ.

— Молчите! — говорили, унимая плакавшихъ дѣтей, „жены моавитскія". — Вотъ идетъ великій князь Александръ!

Приходилось Александру Ярославичу встрѣчать у татаръ и своихъ соотечественниковъ, томившихся въ рабствѣ. Сострадательное сердце его наполнялось жалостью, но помочь имъ онъ былъ не въ силахъ...

Наконецъ, показалась въ виду и ставка самаго хана. „Самъ Батый, пишетъ Плано Карпини, живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ и 600.000 воиновъ, 160.000 татаръ и 450.000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями для того, какъ говорили татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ, его братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ, другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому; никто не

смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ. Онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лицо красноватое; ласковъ въ обхожденіи со своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ и славится опытностію". Русскій лѣтописецъ дополняетъ картину пріемовъ у хана. У Батыя былъ такой обычай: пріѣзжавшихъ на поклоненіе не сразу допускали къ хану, но отправляли къ волхвамъ, которые заставляли ихъ проходить „сквозѣ огнь и поклонитися кусту и огневи и идоломъ ихъ". Александру Ярославичу также предстояло исполнить эти обряды. Благочестивый князь наотрѣзъ отказался подчиниться требованіямъ, противнымъ его христіанской совѣсти. Въ виду мучительной смерти, онъ безтрепетно отвѣтилъ татарскимъ властямъ: „Я—христіанинъ и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Богу единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и вся, „яже въ нихъ суть". Спокойное мужество князя поразило придворныхъ хана. „Смерть, смерть ему!" завопили волхвы и, полные дикой ярости, уже готовились къ новому звѣрскому убійству. Приближенные отправились къ Батыю извѣстить

его о поступкѣ Александра. Безъ сомнѣнія, всѣ были увѣрены, что Батый пришлетъ объявить ему то же самое, что и князю Михаилу: „выбирай одно изъ двухъ—жизнь или смерть! Если не поклонишься кусту, солнцу и идоламъ, умрешь злою смертью!“ Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія... Наконецъ, явились ханскіе слуги и, къ общему удивленію, принесли приказъ хана не принуждать Александра къ исполненію обрядовъ... Сгоралъ ли Батый нетерпѣніемъ поскорѣе увидать славнаго князя, о которомъ такъ много приходилось ему слышать, чувствовалъ ли онъ, самъ мужественный воинъ, особое уваженіе къ невскому герою или, можетъ быть, разсудилъ, что новая жертва возбудитъ слишкомъ сильное озлобленіе въ русскомъ народѣ — не можемъ рѣшить, какое предположеніе въ данномъ случаѣ наиболѣе вѣроятно. Злобно сверкнули глаза волхвовъ при видѣ ускользавшей изъ рукъ ихъ жертвы. Александръ предсталъ предъ лицо Батыя. Величественный видъ его поразилъ хана. Батый сразу сообразилъ, что предъ нимъ—князь, далеко превосходившій другихъ князей своимъ умомъ и достоинствами. Самодовольная улыбка проскользнула по лицу его, когда Александръ Ярославичъ склонилъ предъ нимъ свою голову.

— Царь, я поклонюсь тебѣ, потому что

Богъ почтилъ тебя царствомъ, но твари не стану кланяться... Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь,—мужественно произнесъ Александръ.

Батый нѣсколько времени любовался героемъ, наконецъ произнесъ, обратясь къ окружавшимъ: „Правду говорили мнѣ: нѣтъ князя, равнаго этому"...

X.

Путешествіе св. Александра на поклоненіе верховному хану.—Семья Чингизидовъ.—Кара-Корумъ.—Церемонія возведенія на престолъ.—Представленіе св. Александра хану Менгу.—Распредѣленіе областей между Ярославичами.—Великодушіе св. Александра.—Событія на Руси.—Михаилъ „Хоробритъ".—Возвращеніе св. Александра.—Прибытіе въ Новгородъ.—Болѣзнь.—Посольство къ Гакону.

Радуйся, яко многажды ради блага людей своихъ путешествовалъ еси къ безбожнымъ, ни во чтоже вмѣняя яже отъ нихъ испытанія!

Радуйся, терпѣнію Христову подражавый!

Радуйся, всѣмъ намъ образе вѣрнаго Богу служенія!

Батый не былъ самостоятельнымъ властелиномъ: онъ считался намѣстникомъ верховнаго хана; поэтому наши князья, поклонившись Батыю, должны были по требованію послѣдняго отправиться въ главную Орду на поклонъ великому хану. „Не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевѣ и Кановѣ, не поклонившеся има", говорили татары рус-

скимъ князьямъ. Александру Ярославичу, такъ же какъ и его родителю, пришлось совершить далекое путешествіе къ истокамъ Амура. Вмѣстѣ съ нимъ отправлялся и братъ его Андрей, который гораздо раньше Александра, можетъ быть одновременно съ дядею Святославомъ, прибылъ къ Батыю.

Верховный ханъ жилъ въ Кара Корумѣ, на родинѣ Чингизидовъ. То была горная окраина страшной азіатской пустыни Гоби, лежащая за Байкаломъ. Русскимъ князьямъ, во время ихъ путешествій на поклоненіе верховному монгольскому властелину, приходилось проѣзжать черезъ обширныя степи и пустыни Средней Азіи. Плано Карпини пишетъ, что, отправившись по повелѣнію Батыя къ истокамъ Амура, послы папы за Ураломъ вступили въ совершенно безводную и пустынную страну кангитовъ (нынѣ Киргизскую). „Въ этой печальной пустынѣ погибли отъ жажды бояре Ярослава, русскаго князя, посланные въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена монголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, подобно половцомъ не знаютъ земледѣлія и занимаются однимъ скотоводствомъ“. Далѣе путь лежалъ черезъ земли „бисерменовъ“ (хивинцевъ), Кара-Китай, Монголію. Оставивъ въ лѣвой сторонѣ Байкалъ, путники послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ пути достигали цѣли своего путешествія. Другой

путешественникъ того времени Рубруквисъ, отправленный Людовикомъ IX, королемъ французскимъ, посломъ къ верховному хану, разсказываетъ о страшныхъ трудностяхъ, которыми сопровождались эти дальнія поѣздки. Приходилось терпѣть голодъ, жажду, невыносимый жаръ и страшную стужу. Послѣ погромовъ монгольскихъ степи и пустыни казались еще безлюднѣе: развалины и груды костей на мѣстахъ нѣкогда богатыхъ поселеній краснорѣчиво говорили о свирѣпости завоевателей. Среди этого царства смерти самимъ татарамъ, привычнымъ къ кочеванью по пустынямъ, становилось страшно...

Современные путешественикн могутъ дать намъ еще болѣе ясное представленіе о страшныхъ трудностяхъ путешествій по средне-азіатскимъ пустынямъ, тѣмъ болѣе, что условія быта остались тамъ неизмѣнными со временъ глубокой древности. Мрачное, тяжелое впечатлѣніе наводятъ на душу путника необозримыя пространства степей, лишенныя всякой растительности. Животныя бѣгутъ изъ такихъ страшныхъ пустынь. Даже ящерицы и насѣкомыя встрѣчаются рѣдко среди мѣстностей, напоминающихъ скорѣе обширныя кладбища: подъ ногами то и дѣло попадаются кости погибшихъ лошадей, муловъ и верблюдовъ. Почва раскаляется отъ невыносимой жары: солнце немилосердно жжетъ отъ восхода до заката.

Неподвижная атмосфера, мутная, точно наполненная дымомъ... Вѣтерокъ не колышетъ воздуха, не даетъ минутной прохлады. Лишь изрѣдка промчится горячій вихрь и погонитъ передъ собой крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ играютъ обманчивые миражи.

Страшныя бури нарушаютъ повременамъ безмолвіе пустыни. Необыкновенно сильный, порывистый вѣтеръ вздымаетъ тучи песку и пыли, помрачающихъ свѣтъ солнца. Атмосфера дѣлается желтою, но скоро наступаетъ тишина, какъ въ сумерки. Соленая пыль засыпаетъ путниковъ и слѣпитъ имъ глаза.

Таковы были трудности, которыя приходилось претерпѣвать царственнымъ братьямъ на пути въ Татарію! Но онѣ возростали еще болѣе вслѣдствіе недостатка въ пищѣ для скота и людей, вслѣдствіе недостатка въ топливѣ, особенно послѣ монгольскихъ погромовъ.

Кто можетъ повѣдать намъ мысли и чувства Александра Ярославича во время долгаго, томительнаго пути по безконечнымъ пространствамъ азіатскихъ степей среди невыносимыхъ лишеній, можно сказать, среди постоянной опасности погибнуть вдали отъ родины и близкихъ! Много нужно было вѣры въ Провидѣніе, много любви къ родинѣ, много нравственнаго мужества, чтобы пере-

нести все это и не потерять искры надежды на лучшую будущность, хотя бы и отдаленную. Мы нерѣдко удивляемся великимъ подвигамъ, трудамъ и добровольнымъ лишеніямъ великихъ историческихъ дѣятелей, удивляемся, напримѣръ, поступку Александра Македонскаго, вылившаго на землю воду изъ шлема среди безводной пустыни для ободренія своихъ сподвижниковъ, но здѣсь мужество героя подкрѣпляла блистательная цѣль, имѣвшаяся въ виду, награда за подвигъ, громкая слава и величіе. Чего могъ ожидать, на что надѣяться Александръ Ярославичъ? Увидѣть мѣсто безвременной кончины отца, униженно склонить голову предъ надменнымъ варваромъ... Возвращеніе на родину... но въ этомъ еще можно было сомнѣваться... Да мало утѣшенія предстояло и въ родной землѣ. Безъ сомнѣнія, русскіе плѣнники не разъ встрѣчались Александру Ярославичу и въ глубинѣ азіатскихъ степей и разсказывали грустную повѣсть о своемъ несчастіи. Эти разсказы живо воскрешали предъ нимъ картину народнаго горя: онъ зналъ, что татары продолжаютъ разорять отечество ежедневно. Татарскіе сборщики дани отнимали дѣтей у родителей, юношей и дѣвъ уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство. Крымскіе и азовскіе города, Малая Азія, Сирія, Египетъ, Сѣверная Африка, Испанія наполнялись русскими рабами. Много

впослѣдствіи переплатилъ въ Орду золота и серебра Александръ Ярославичъ, выручая изъ тяжкаго плѣна своихъ соотечественниковъ. Сострадательное сердце его обливалось кровью при мысли о народномъ бѣдствіи, и заботы о себѣ отступали на второй планъ.

Но вотъ наконецъ и Монголія. Уже миновали Байкалъ. Скоро придется предстать предъ очи верховнаго властелина Азіи.

У Чингизъ-хана было четыре сына: Джучи, Джагатай, Огодай и Тулуй. Джучи умеръ еще при жизни отца. Вскорѣ скончался и самъ Чингизъ-ханъ въ 1227 году. Своимъ преемникомъ, или верховнымъ ханомъ, грозный завоеватель назначилъ самаго способнаго изъ своихъ сыновей, Огодая, Джагатаю отдалъ Бухарію и восточный Туркестанъ, Тулую—Иранъ, или Персію, Батыю, сыну Джучи, достались обширныя земли, простиравшіяся отъ юго-западной Сибири и сѣверныхъ предѣловъ Туркестана къ западу до Карпатскихъ горъ, въ числѣ ихъ и наше отечество. Эти страны покорены были татарами при Огодаѣ. Таврическія и азовскія степи Батый предоставилъ одному изъ своихъ родственниковъ. Братъ его, Шибанъ, съ его соизволенія, господствовалъ въ той части Джучіева удѣла, которая лежала въ юго-западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ. Въ рединѣ, въ обширныхъ поволжскихъ и подонскихъ степяхъ, расположились съ глав-

ными силами самъ Батый и сынъ его Сартакъ. Владѣя такимъ громаднымъ пространствомъ земель, Батый хотя и подчинялся верховному хану, былъ однако сильнѣйшимъ изъ монгольскихъ властителей.

Огодай умеръ въ 1241 году. Верховною властью завладѣла Туракина, самая вліятельная между женами Огодая. Она желала доставить престолъ своему сыну Гаюку, но на это требовалось согласіе курилтая. Такъ называлось собраніе вельможъ, созывавшееся въ важнѣйшихъ случаяхъ. Однако, при достиженіи цѣли Туракинѣ предстояло преодолѣть значительныя трудности: въ семьѣ Чингизъ-хана уже начались раздоры. Члены семействъ Огодая и Джагатая съ своими приверженцами боролись противъ потомства Джучи и Тулуя. Четыре года прошло прежде, чѣмъ Туракинѣ удалось наконецъ утвердить на престолѣ сына своего Гаюка, при помощи торжественнаго избранія на великомъ курилтаѣ въ 1246 году. Ярославъ Всеволодовичъ былъ свидѣтелемъ этого избранія и всѣхъ торжествъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Гаюкъ отличался воинственными наклонностями и уже намѣревался собрать страшныя полчища для покоренія Западной Европы, но внезапная смерть положила конецъ этимъ замысламъ (1247 г.). Тогда Батый рѣшилъ воспользоваться всѣмъ своимъ могуществомъ для возведенія въ достоинство верховнаго

хана близкаго къ нему племянника Менгу, сына Тулуева. По его волѣ, въ Туркестанѣ собрался курилтай, на которомъ и состоялось избраніе Менгу, а вскорѣ затѣмъ—великій курилтай на родинѣ Чингизъ-хана въ Кара Корумѣ подтвердилъ это избраніе. Напрасно пытались помѣшать этому потомки Огодая и Джагатая: одни изъ нихъ были умерщвлены, другіе изгнаны. Утвердившись на престолѣ, Менгу отдалъ Персію своему брату Гулагу, въ Китай назначилъ другого брата Кубилая, за Батыемъ остались его прежнія владѣнія.

Вышеприведенными обстоятельствами всего вѣроятнѣе объясняется продолжительность путешествія Александра Ярославича, пробывшаго въ Азіи около двухъ лѣтъ, такъ какъ верховный ханъ не могъ принять его раньше своего избранія. Вполнѣ возможно и то, что ему, подобно Ярославу, также пришлось присутствовать при церемоніи возведенія хана на престолъ на одномъ изъ курилтаевъ, всего вѣрнѣе на второмъ.

Кара-Корумъ, столица верховнаго хана, былъ громадный городъ, опоясанный глиняною стѣной съ четырьмя воротами. Внутри находились обширныя помѣщенія для ханской свиты, вельможъ, чиновниковъ и прислуги. Населеніе города было самое разнородное: тамъ толпились представители всѣхъ народовъ, порабощенныхъ монголами, встрѣ-

чались и европейцы: французы, нѣмцы и др., которые служили за жалованье. Монголы пользовались ихъ знаніемъ ремеслъ и художествъ. Разноязычный говоръ слышался всюду. Въ разныхъ мѣстахъ столицы виднѣлись христіанскіе храмы католиковъ и православныхъ, въ которыхъ свободно совершалось богослуженіе, мечети, языческія кумирни. Громадный и богато украшенный дворецъ хана находился за городомъ. Тамъ принимались посольства изъ разныхъ странъ и народовъ. Ханъ принималъ пословъ, возсѣдая съ одной изъ своихъ женъ на возвышеніи, украшенномъ массой золота и серебра и множествомъ драгоцѣнныхъ камней. Обиліе всевозможныхъ украшеній можно было видѣть и на вельможахъ, разъѣзжавшихъ на богато убранныхъ коняхъ. Вельможи ежедневно мѣняли одежды: въ одинъ день появлялись въ многоцѣнныхъ бѣлыхъ, на другой день—въ красныхъ, на третій—въ голубыхъ, на четвертый блистали тканями, шитыми золотомъ. У коней узда, нагрудникъ и сѣдло также сіяли золотомъ и драгоцѣнностями. Но несмотря на несмѣтныя богатства, все носило печать крайняго варварства, соединеннаго съ нелѣпою, безвкусною роскошью. Крайне безобразные, попрежнему крайне нечистоплотные, монголы питались такою грязною пищей, одно описаніе которой возбуждаетъ отвращеніе, и въ своихъ

привычкахъ, въ ежедневномъ бытѣ остались прежними дикарями-кочевниками.

Нельзя съ достовѣрностью сказать, точно ли въ Кара-Корумѣ представились хану Александръ и Андрей Ярославичи. Пребываніе на одномъ мѣстѣ не нравилось монголамъ. Ханы только время отъ времени появлялись въ столицѣ. Обыкновенно они съ огромными обозами, нагруженными несмѣтными богатствами, переѣзжали съ мѣста на на мѣсто. На указанной ханомъ мѣстности на необозримое пространство раскидывались шатры. Ханскій шатеръ утверждался на столбахъ, обшитыхъ золотыми листами. Ковры, золото и драгоцѣнности украшали шатеръ внутри и снаружи. Вокругъ обширнаго стана паслись безчисленныя стада лошадей, верблюдовъ, козъ, овецъ и рогатаго скота.

Церемоніалъ возведенія на престолъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день сбираются вельможи и долгое время молятся Богу. Послѣ молитвы ханъ возводится на золотой тронъ. Вельможи и народъ бросаются на колѣна и приносятъ поклоненіе, затѣмъ сановники приближаются къ хану и говорятъ:

— Мы желаемъ и просимъ, чтобы ты повелѣвалъ нами.

Ханъ отвѣчаетъ:

— Желая имѣть меня государемъ, готовы ли вы безпрекословно повиноваться мнѣ,

являться по первому зову и идти, куда велю, предавать смерти всякаго, на кого укажу?

— Готовы!—отвѣчаютъ всѣ присутствующіе.

— Слово мое да будетъ отнынѣ моимъ мечомъ!—восклицаетъ ханъ.

Вельможи сводятъ хана съ престола и сажаютъ на войлокъ.

— Надъ тобою—небо и Всевышній, подъ тобою — земля и войлокъ, — торжественно говорятъ хану.—Если будешь заботиться о нашемъ благополучіи, соблюдать милость и правду и чтить князей и вельможъ по достоинству, то царство твое прославится во всемъ мірѣ, земля будетъ покорена тобой, и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если не оправдаешь ожиданія рабовъ твоихъ, будешь презрѣнъ и такъ обнищаешь, что лишишься и того войлока, на которомъ сидишь!

Послѣ произнесенія этихъ словъ, вельможи, поднявъ хана на рукахъ, торжественно провозглашаютъ его своимъ повелителемъ и подносятъ ему въ даръ множество всякаго рода драгоцѣнностей. Ханъ въ свою очередь даритъ своихъ приближенныхъ. Церемонія оканчивается пиршествомъ, продолжающимся до поздней ночи.

Только послѣ избранія ханъ торжественно принималъ пословъ, въ томъ числѣ и русскихъ князей. Александръ и Андрей Яро-

славичи, павши на колѣна, поднесли богатые дары хану. Менгу сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, имѣвшей лоскъ тюленьей кожи. Онъ былъ средняго роста и казался 40 лѣтъ отъ роду. Наружность его была чисто монгольская: выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ и т. д. Неизвѣстно, происходилъ ли при этомъ какой-нибудь разговоръ и въ чемъ онъ состоялъ. Мы можемъ только предполагать, что Александръ Ярославичъ произвелъ и на хана Менгу столь же благопріятное впечатлѣніе, какъ и на Батыя.

Воздавъ поклоненіе повелителю Азіи, Александръ не спѣшилъ возвращеніемъ на родину. Ему необходимо было хорошо изучить татаръ въ самомъ центрѣ ихъ могущества, чтобы уяснить себѣ способъ дальнѣйшаго обращенія съ ними, чтобы понять, съ какой стороны возможно ужиться съ ними. Прежде всего его должно было поразить строжайшее подчиненіе всѣхъ волѣ одного, доходившее до раболѣпнаго поклоненія, до полнаго уничтоженія самостоятельности личности. Здѣсь крылась тайна той страшной сплоченности силъ, на которой опиралось могущество монголовъ. Ничто такъ не вооружало ихъ, какъ замѣченное въ комъ-либо поползновеніе къ неповиновенію, къ независимости отъ воли хана. Ясно было, что татары, по одному мановенію своего

13*

властелина, готовы были каждую минуту броситься, какъ одинъ человѣкъ, для безпощаднаго истребленія хотя бы цѣлыхъ народовъ и превращенія вселенной въ груду развалинъ для осуществленія плановъ ихъ повелителя. Эта черта должна тѣмъ болѣе броситься въ глаза наблюдателя, что Русь того времени, какъ мы видѣли, представляла совершенно противоположную картину разъединенности и своеволія. Но вмѣстѣ съ этой чертой у татаръ связано было полное равнодушіе къ внутреннему духовному міру человѣка, къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Подчиняйся слѣпо властямъ—и затѣмъ молись Богу, какъ тебѣ угодно, живи, какъ знаешь и какъ находишь для себя удобнѣе. Повелители монголовъ отличались необыкновенной терпимостью по отношенію къ чуждымъ вѣроисповѣданіямъ и даже готовы были покровительствовать имъ: на свой счетъ ханъ содержалъ въ своей ставкѣ священниковъ православной Церкви, которые открыто совершали богослуженіе въ храмѣ, находившемся предъ его большою палаткою. Въ самомъ семействѣ хана были христіане. Передъ ханомъ Менгу совершали службу поочередно христіанскіе несторіанскіе духовные, магометанскіе муллы и языческіе жрецы. Самъ Менгу выражался слѣдующимъ образомъ: „Мы, монголы, вѣруемъ, что есть только одинъ Богъ. Но подобно тому, какъ

рукамъ Онъ далъ много пальцевъ, такъ и людямъ указалъ много путей въ рай". Эта терпимость къ чужимъ вѣрамъ у монголовъ предписывалась даже закономъ—черта чрезвычайно важная для народовъ, имѣвшихъ несчастіе подвергнуться игу! Равнымъ образомъ татары вовсе не были склонны вмѣшиваться во внутренній строй жизни покоренныхъ народовъ, нарушать ихъ нравы и обычаи. Монголы были способны, какъ никто, къ безпощадной разрушительной дѣятельности, но совершенно не годились для созданія болѣе или менѣе прочныхъ основъ, какихъ бы то ни было учрежденій, которыя могли бы обезпечить продолжительность ихъ господства надъ покоренными, словомъ—для политическаго творчества. Требуя безусловной покорности, они полагались лишь на грубую матеріальную силу. Отсюда для внимательнаго наблюдателя могла мелькнуть надежда, что самое иго, наложенное татарами, могло продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока на ихъ сторонѣ находился перевѣсъ матеріальной силы. Но, какъ мы видѣли, уже въ самой семьѣ Чингизидовъ возникли раздоры, обычное явленіе при многоженствѣ, очень опасное для монархій, основанныхъ силою меча.

Другая черта нашихъ поработителей, которая конечно также не могла ускользнуть отъ зоркаго взгляда Александра, заключа-

лась въ томъ, что татары, будучи исполнены свирѣпой вражды ко всѣмъ другимъ народамъ, въ то же время очень ласковы и и обходительны со своими. Естественно, что на русскихъ князей они смотрѣли подозрительно, особенно на князей, выдававшихся среди другихъ умомъ и доблестью. Но съ другой стороны, въ своихъ собственныхъ интересахъ, они могли бы дорожить княземъ, на вѣрность котораго можно было положиться. Безъ сомнѣнія, Александръ Ярославичъ употребилъ всѣ силы своего ума для того, чтобы снискать довѣріе и расположеніе верховнаго хана и его приближенныхъ. Мы очень мало знаемъ о путешествіи Ярославичей ко двору верховнаго хана, но судя по результатамъ, равно какъ и по дальнѣйшему теченію событій, можемъ полагать, что благодаря своимъ блестящимъ качествамъ, такту и умѣнью обращаться съ монголами, Александру дѣйствительно удалось заручиться расположеніемъ хана и его приближенныхъ.

Но въ то же время сколько горькихъ униженій пришлось испытать въ ханской ставкѣ невскому герою! Какъ, должно быть, было тяжело ему скрывать невольное чувство отвращенія, вызываемое всѣмъ бытомъ, всей обстановкой монгольской жизни! Для сниканія себѣ ханской милости русскому князю приходилось дарить богатые подарки

и угождать не только хану, но его женамъ, приближеннымъ и даже слугамъ и близко знакомиться съ ними. Чтобы стать въ глазахъ татаръ своимъ, близкимъ человѣкомъ, необходимо было и самому угощать и принимать угощенія, приходилось пить любимый татарскій напитокъ кумысъ, на который русскіе болѣе, чѣмъ другіе христіане, смотрѣли съ омерзѣніемъ и, вкусивъ его по необходимости, спѣшили взять у священника отпустительныя молитвы. То же самое было и съ остальной пищей: кониной, падалью и животными, убитыми рукою язычника... Сколько пришлось вытерпѣть отъ гордаго, презрительнаго обращенія не только вельможъ, но и простыхъ варваровъ! „Татары болѣе горды, чѣмъ другіе народы, и презираютъ другихъ, не обращая никакого вниманія на знатность тѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло", пишетъ папскій посолъ. Униженія были бы поистинѣ нестерпимы, если бы благочестивый герой не помнилъ непрестанно о Томъ, Кто претерпѣлъ безконечно горшія униженія и позоръ для спасенія рода человѣческаго. Униженіе становилось высокимъ подвигомъ...

Отпуская отъ себя Ярославичей, верховный ханъ распорядился такъ, что старшій— Александръ долженъ былъ получить Кіевъ и „всю землю русскую", удерживая въ то же время за собою Новгородъ и Перея-

славль Залѣсскій, а младшій—Андрей—владимірскій столъ съ остальными областями. Кіевъ—старинный стольный городъ. Исторія удѣльно вѣчевой Руси полна междоусобными войнами изъ-за обладанія Кіевомъ, матерью городовъ русскихъ, колыбелью христіанства на Руси, хранилищемъ святыни. Но Владиміръ, уже во времена Андрея Боголюбскаго возвысился надъ Кіевомъ и сдѣлался на самомъ дѣлѣ средоточіемъ русской земли. Послѣ нашествія Батыя, Кіевъ скорѣе походилъ на деревню, чѣмъ на городъ. Чѣмъ же объяснить, что великое владимірское княженіе досталось не старшему брату, какъ можно было бы ожидать, не Александру, а младшему—Андрею? Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Александръ, пользуясь всѣмъ своимъ вліяніемъ, сумѣлъ бы добиться великаго княженія, если бы это входило въ его планы. Но, чуждый самолюбивыхъ разсчетовъ, онъ и на этотъ разъ не торопитъ событій и подчиняется ханскому распоряженію. Можетъ быть ханъ, отдавая преимущество младшему брату, съ свойственнымъ монголамъ коварствомъ хотѣлъ еще разъ испытать Александра, можетъ быть онъ еще опасался вручить сильнѣйшую русскую область князю, выдававшемуся своими способностями?.. Но были и другія основанія для Александра удовольствоваться данною ему частью. По словамъ Татищева (IV,

22), ханъ сдѣлалъ свои распоряженія относительно братьевъ „по завѣту отца ихъ". Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ на Руси, это вполнѣ вѣроятно. Предусмотрительный политикъ Ярославъ Всеволодовичъ соображалъ, что храбрый Александръ, уже доказавшій свою способность съ успѣхомъ бороться съ западными врагами, сумѣетъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, отстоять противъ ихъ нападеній цѣлость русской земли, ставши на стражѣ ея западной окраины. Въ самомъ дѣлѣ необходимость бдительнаго наблюденія за западными сосѣдями и энергическихъ дѣйствій противъ нихъ становилась все очевиднѣе. Во время путешествія старшихъ Ярославичей доблестный братъ ихъ Михаилъ сложилъ свою голову въ борьбѣ съ литовцами, которые съ каждымъ годомъ, можно сказать, становились опаснѣе для Руси. Въ то же время шведы и нѣмцы, хотя и устрашенные побѣдами Александра, однако вовсе не думали отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскаго народа, выжидая лишь болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ.

Было и еще одно соображеніе, которымъ могъ руководиться Ярославъ при распредѣленіи земель. Онъ самъ разчитывалъ утвердиться въ Кіевѣ въ то время, какъ разразилась гроза монгольскаго нашествія. По извѣстію волынской лѣтописи, онъ не могъ

его удержать за собой и удалился въ суздальскую область. Только Александръ могъ упрочить здѣсь свою власть и удержать Кіевъ за родомъ Ярослава. Далѣе—во время погрома Батыева особенно пострадало Приднѣпровье. Между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь начала оправляться, благодаря скорой и энергической помощи самого Ярослава, приднѣпровскія земли оставались въ запустѣніи. Никто не былъ способнѣе Александра сколько-нибудь привести здѣсь дѣла въ порядокъ и энергической дѣятельностью хотя отчасти загладить слѣды разоренія. Словомъ, гораздо большія трудности, которыя предстояли теперь кіевскому князю, могли побудить Ярослава назначить Андрея во Владиміръ. Можетъ быть, здѣсь отчасти дѣйствовало особенное расположеніе Ярослава къ Андрею, съ которымъ онъ никогда не разставался.

Какъ бы то ни было, Александръ Ярославичъ безъ малѣйшаго неудовольствія принялъ на себя трудную задачу, одушевляемый любовью къ родинѣ. Тѣмъ удивительнѣе встрѣчать у нашихъ историковъ обратное, ни на чемъ не основанное предположеніе о недовольствѣ Александра тѣмъ, что ему достался Кіевъ, а не Владиміръ. Развѣ не также спокойно отнесся и раньше Александръ къ раздѣлу областей, произведенному его дядею непосредственно послѣ

смерти Ярослава? Удивительно и то обстоятельство, что, несмотря на недовольство старшаго брата, однако умѣвшаго съ замѣчательной энергіей достигать своихъ цѣлей, Андрей спокойно княжитъ во Владимірѣ, а Александръ, нисколько не думая о соперничествѣ, собирается въ Кіевъ, не смотря на то, что его горячо отговаривали новгородцы. Между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ утверждать, что „Невскій герой не поѣхалъ туда (въ Кіевъ), а пребывалъ или въ Новгородѣ Великомъ или въ своихъ суздальскихъ волостяхъ (мы могли бы сказать съ большимъ правомъ: гостилъ у брата своего Андрея во Владимірѣ), ожидая удобнаго случаѣ завладѣть стольнымъ Владиміромъ“. Если бы мы могли перенестись въ описываемое время, то увидали бы нѣчто совершенно противоположное словамъ историка, а именно — трогательное зрѣлище всенароднаго горя по случаю тяжкой болѣзни, постигшей невскаго героя, всеобщаго горячаго участія русскихъ людей, съ умиленіемъ услышали бы горячія молитвы всей Руси о томъ, кто служилъ ей лучшимъ утѣшеніемъ въ тѣ скорбные годы...Такъ опасно свои собственныя мысли и соображенія, притомъ построенныя въ разсчетѣ на слабости человѣческія, приписывать дѣятелямъ, отличавшимся возвышеннымъ строемъ мысли и благородствомъ души... Но мы еще разъ вернемся къ этому предмету.

Посмотримъ теперь на то, что происходило на Руси во время продолжительнаго отсутствія старшихъ Ярославичей. Если Александръ, уважая права старшинства, призналъ послѣ смерти отца дядю Святослава великимъ княземъ владимірскимъ,— не такъ взглянулъ на это младшій братъ Михаилъ, князь московскій. Судя по участи отца, постигшей его во время путешествія въ Татарію, Михаилъ, вѣроятно, мало надѣялся на возвращеніе своихъ старшихъ братьевъ и поспѣшилъ поправить, какъ могло ему казаться, непростительную оплошность старшаго брата, не пожелавшаго воспользоваться своимъ вліяніемъ для захвата великокняжескаго престола и удержанія его въ родѣ Ярослава. По прошествіи года, послѣ отъѣзда старшихъ братьевъ, храбрый и предпріимчивый Михаилъ, по прозванію „Хоробритъ“, не имѣя никакихъ правъ, напалъ на своего дядю Святослава и, заставивъ его отказаться отъ великокняжескаго стола, самъ занялъ его. Поступокъ Михаила явно показываетъ, насколько измѣнились прежнія понятія о старшинствѣ.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Михаилъ немедленно собралъ большія военныя силы, и, сумѣвъ привлечь къ участію въ походѣ и другихъ князей, въ 1248 году отправился противъ литовцевъ. Не даромъ, видно, внукъ Удалого и братъ Невскаго носилъ названіе

„Хоробрита“... Походъ былъ удаченъ. Враждебныя рати сошлись на берегахъ рѣки Протвы, въ смоленской землѣ. „Бишася князи рустіи съ Литвою, и одолѣша князи рустіи“. Но предводитель русскаго ополченія доблестный Михаилъ сложилъ въ бою свою голову. Видно, этотъ князь въ короткое время сумѣлъ заслужить общее расположеніе. Всѣ рѣшительно—князья, бояре, духовенство и народъ единодушно горевали о безвременной кончинѣ храбраго и „добротнаго“ князя. Съ береговъ Протвы, по настоянію суздальскаго епископа Кирилла, его тѣло перевезли во Владиміръ и съ великой честью положили въ соборномъ храмѣ. „Плакашеся братья его и бояре надъ нимъ“.

Святославъ снова занялъ великокняжескій столъ, но не надолго. Въ концѣ 1249 или въ самомъ началѣ 1250 года старшіе Ярославичи возвратились изъ своего путешествія, и великимъ княземъ, согласно волѣ верховнаго хана, сдѣлался Андрей Ярославичъ. Александръ нѣкоторое время гостилъ у своего брата во Владимірѣ, куда безъ сомнѣнія собрались всѣ братья и ближайшіе родственники, чтобы привѣтствовать Александра и Андрея и раздѣлить съ ними радость по случаю благополучнаго возвращенія. Но свѣтлая радость омрачилась болѣзнію двоюроднаго брата Ярославичей Владиміра Константиновича и племянника Ва-

силія Всеволодовича. Можно представить себѣ, какъ огорченъ былъ Александръ болѣзнію столь близкихъ родственниковъ, къ которымъ питалъ нѣжную любовь. Несмотря на внимательный уходъ, князья скончались. „Плакася надъ ними Олександръ князь много“...

Между тѣмъ новгородцы не могли дождаться своего любимаго героя и сгорали нетерпѣніемъ видѣть его среди себя. Наконецъ, насталъ давно желанный день. Можно сказать, весь новгородскій народъ и старъ и младъ спѣшилъ навстрѣчу Александру Ярославичу. Восторгъ былъ неописанный. „Вотъ оно, наше солнышко красное!“ раздавалось повсюду. Словомъ, „бысть радость велика въ Новѣгородѣ!“ Прежде всего, разумѣется, Александръ поспѣшилъ въ храмъ принести благодарность Всевышнему за то, что Онъ Своей десницей охранилъ его, подобно Даніилу во рвѣ львиномъ, среди опасностей далекаго путешествія. Новгородцы, казалось, не могли достаточно наглядѣться на своего князя, и когда Александръ вознамѣрился было отправиться въ Кіевъ, горячо умоляли его продолжить свое пребываніе у нихъ. Подобно матери, со страхомъ отпускающей нѣжно-любимаго сына въ дальніе края, новгородцы воображали себѣ опасности, которыя предстояли ихъ князю на югѣ, и не желали подвергаться вновь пере-

житому уже разъ тревожному чувству опасенія за дорогого человѣка. Тронутой этой привязанностью, Александръ склонился на ихъ просьбы. Но не только новгородцы,— вся русская земля радовалась благополучному возвращенію Александра. Митрополитъ кіевскій и всея Руси Кириллъ вмѣстѣ съ ростовскимъ епископомъ, Кирилломъ же, въ началѣ 1251 года пожелали почтить Александра Ярославича своимъ посѣщеніемъ въ Новгородѣ. Велико было въ древней Руси значеніе верховнаго архипастыря, и вполнѣ понятно, что новгородцы приготовились къ торжественной встрѣчѣ дорогихъ гостей. Знаменитѣйшіе граждане города и народъ съ княземъ во главѣ, духовенство съ крестами и иконами вышли за городъ навстрѣчу митрополиту. Во время пребыванія въ Новгородѣ, по просьбѣ гражданъ, митрополитъ поставилъ архіепископомъ 5-го мая 1251 года Далмата на мѣсто Спиридона, скончавшагося въ томъ же 1251 году. Свѣтлыя празднества, безъ сомнѣнія, не разъ происходили въ Новгородѣ во все время пребыванія почетныхъ гостей.

Если новгородцы такъ не желали отпустить отъ себя Александра изъ опасенія предвидимыхъ опасностей, то можно представить себѣ, какъ всѣ были глубоко потрясены, когда, по отъѣздѣ митрополита, по городу разнеслась вѣсть, что князь сильно

разболѣлся, „и бысть болѣзнь его тяжка зѣло“. Забыты были всѣ мелкiе и крупные интересы: всѣ съ тревожнымъ участiемъ слѣдили за ходомъ болѣзни. Иные доходили до мрачнаго отчаянiя... Городъ представлялъ умилительное зрѣлище: храмы съ утра до вечера наполнены были людьми всѣхъ сословiй, горячо молившимися о выздоровленiи князя. Но не въ одномъ Новгородѣ,— всюду, куда только проникала печальная вѣсть, она погружала русскихъ людей въ невыразимую скорбь, и всюду возносились теплыя молитвы ко Всевышнему о томъ, кто былъ надеждою русскаго народа. И Господь не отвергъ молитвъ нородныхъ: Александръ оправился отъ тяжкой болѣзни. Неутомимый труженикъ, самъ едва вставъ съ одра болѣзни, Александръ спѣшилъ оказать помощь своему народу. Всю весну того года шли проливные дожди, точно сама природа плакала, сострадая народному горю. Волховъ разлился и произошло сильное наводненiе, разрушившее мостъ черезъ рѣку, при чемъ погибли сѣно, хлѣбъ и другiе запасы. Раннiй морозъ довершилъ бѣду. Новгороду грозилъ голодъ. Живо представлялась Александру картина народнаго бѣдствiя, хорошо знакомая ему по событiямъ 1230 года. Безъ сомнѣнiя, князь принялъ разумныя и энергическiя мѣры для спасенiя голодавшихъ. Но среди этихъ заботъ его

многосторонній умъ не упускалъ изъ виду и другихъ обстоятельствъ. Въ томъ же году состоялось замѣчательное посольство Александра къ норвежскому королю Гакону въ Дронтгеймъ, внушенное ему заботами о безопасности сѣверной окраины новгородской земли, на которую напали норвежцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ посламъ дано было и другое порученіе: въ случаѣ согласія Гакона прекратить набѣги, послы должны были посватать дочь короля Христину за Александрова сына Василія. Король изъявилъ самыя миролюбивыя намѣренія, не прочь былъ породниться съ славнымъ русскимъ княземъ и въ свою очередь прислалъ пословъ въ Новгородъ для заключенія формальнаго договора. Послы были встрѣчены съ почетомъ и отправлены обратно съ богатыми подарками. Однако этотъ во многихъ отношеніяхъ знаменательный бракъ не могъ состояться. Посольство къ норвежскому королю показываетъ намъ только, что, мужественно оберегая честь и цѣлость родины отъ западныхъ сосѣдей, Александръ, однако, не чуждъ былъ мысли о поддержаніи добрыхъ отношеній съ европейцами, которыя могли бы принести большую пользу русскому народу, но, видно, для этого еще не пришло время...

Страшные безпорядки во Владимірѣ заставили Александра отложить свои личныя

и семейныя дѣла до другого болѣе благопріятнаго времени. Александръ долженъ былъ поспѣшить въ Орду, откуда уже возвратился великимъ княземъ владимірскимъ...

XI.

Великій князь Андрей Ярославичъ, — Гнѣвъ на него хана и Неврюево нашествіе.—Бѣгство Андрея изъ Владиміра.— Александръ Ярославичъ—великій князь.

Радуйся, примѣромъ своимъ паче слова явивыйся стязающихся о наслѣдіи братій своихъ примирителю!

Радуйся, разгнаннаго страхомъ нашествій татарскихъ народа своего собирателю!

Какъ намъ уже извѣстно, по рѣшенію верховнаго хана Менгу, владимірское великое княженіе получилъ Андрей Ярославичъ. Этотъ князь — изъ числа тѣхъ личностей, которыя отличаются хорошими природными дарованіями, благородствомъ характера, отвагой, энергіей при достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Добродушіе нрава соединяется у нихъ съ ласковымъ, любезнымъ обращеніемъ съ другими, они умѣютъ снискать симпатіи и поразить воображеніе современниковъ. Они не прочь совершить громкій подвигъ, въ особенности при сочувствующихъ имъ зри-

теляхъ. Но при всемъ томъ имъ часто не хватаетъ глубины характера, стойкости и выдержанности воли, самоотверженія, вслѣдствіе чего они оказываются неспособными къ непрерывному труду, къ тяжелой, будничной, если можно такъ выразиться, къ черной работѣ, вызываемой глубоко сознаваемымъ чувствомъ долга... Они самонадѣянны и часто дерзки до отваги, когда имъ благопріятствуютъ обстоятельства, когда удача вѣнчаетъ ихъ усилія, но при этомъ малодушны и готовы падать духомъ при первомъ серьезномъ испытаніи. Умъ у нихъ гибкій, находчивый, соображеніе быстрое, они способны создавать смѣлые планы, но имъ недостаетъ вдумчивости, глубины, охоты къ серьезному изученію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, всей наличной дѣйствительности... Карамзинъ такъ характеризуетъ Андрея Ярославича: этотъ князь имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный, неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго. Это значитъ, что онъ не могъ отрѣшиться отъ обычныхъ представленій о чести властителя, отъ обольщенія славою міра, не понималъ, какъ его старшій братъ, что истинное величіе состоитъ въ отданіи всего себя труду, котораго не могутъ понять и оцѣнить современники, значеніе котораго сдѣлается яснымъ развѣ для отдаленнаго потомства.

Мы видимъ, какъ онъ „поспѣшный“, по

выраженію его отца, дѣйствительно спѣшилъ получить великое княженіе, не обращая вниманія на права дяди и старшаго брата. Но, добившись всего, на что онъ только могъ надѣяться при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ счелъ, что трудъ его оконченъ, что ему остается теперь только пользоваться плодами своихъ усилій. Что положеніе его отечества измѣнилось, что его народъ страдаетъ отъ тяжкаго ига, что малѣйшая неосторожность, одинъ невѣрный шагъ можетъ навлечь на Русь еще большія страданія—это мало приходило ему на умъ. О татарахъ въ особенности не хотѣлось ему думать и вспоминать: онъ не любилъ совѣтоваться со старыми боярами и предпочиталъ бесѣду молодыхъ сверстниковъ, не испытавшихъ силы монголовъ. Мрачныя думы, порой посѣщавшія его, онъ спѣшилъ разсѣять удовольствіями и развлеченіями и между прочимъ со страстью предавался охотѣ, любимой забавѣ знатныхъ людей того времени. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ бракъ съ дочерью галицкаго князя Даніила Романовича и блистательно отпраздновалъ свадьбу. Это родство и близкое знакомство съ Даніиломъ имѣло рѣшительное вліяніе на его судьбу.

Даніилъ Романовичъ галицкій представляетъ самый яркій типъ князя того времени, слишкомъ свыкшагося съ прежнимъ строемъ

жизни, чтобы примириться съ новымъ положеніемъ, созданнымъ покореніемъ Руси татарами. Въ числѣ другихъ князей, и онъ изъявилъ покорность Батыю, но злѣе зла показалась честь, оказанная ему татарами, и его задушевною мечтой сдѣлалось освобожденіе отъ позорнаго рабства.

Какъ и всѣмъ русскимъ князьямъ того времени, зависимость отъ татаръ, конечно, не сладка была и Андрею, но онъ переносилъ ее, какъ нѣчто роковое, необходимое и неотвратимое. При ближайшемъ знакомствѣ съ идеалами и стремленіями тестя, симпатичный нравственный обликъ котораго, безъ сомнѣнія, произвелъ сильное впечатлѣніе на Андрея, гнетущее чувство недовольства могло и у него принять болѣе осязательную форму, а именно — породить надежду на возможность избавленія отъ ненавистнаго ига. Онъ сталъ небрежнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ татарамъ, можетъ быть, не сталъ посылать богатыхъ подарковъ въ Орду, не слишкомъ заботился о сборѣ дани. Получивъ великое княженіе по рѣшенію верховнаго хана, онъ очевидно былъ слишкомъ увѣренъ въ прочности своего положенія и не принялъ въ разсчетъ того, что онъ нанесъ страшную обиду дядѣ Святославу, который дважды занималъ великокняжескій столъ и дважды былъ лишаемъ его своими

племянниками. Много горечи накопилось у Святослава... Сами татары, конечно, зорко слѣдили за поведеніемъ князей, но, если бы даже отъ татаръ и укрылось настроеніе великаго князя, все-таки Святославъ, тоже безъ сомнѣнія внимательно слѣдившій за поступками Андрея, могъ раскрыть имъ глаза и истолковать его поведеніе въ смыслѣ измѣны. Уступивъ поневолѣ великое княженіе Андрею, онъ дѣйствительно вмѣстѣ съ сыномъ отправился въ Орду, всего вѣроятнѣе — съ надеждою заискать расположеніе завоевателей и вернуть утраченное. Батый былъ уже старъ, едва передвигалъ ноги и мало занимался дѣлами. Дѣйствительная власть перешла къ сыну его Сартаку. Сартакъ, принялъ Святослава благосклонно: тѣмъ съ большей настойчивостью Святославъ могъ хлопотать о достиженіи главной цѣли своего путешествія и очевидно настолько вооружилъ хана противъ племянника, что тотъ отдалъ приказъ царевичу Неврюю привесть къ нему владимірскаго князя.

Получивъ приказъ привести непокорнаго владимірскаго князя, Неврюй собралъ огромныя полчища, притянувъ къ себѣ силы двухъ царевичей, Котіи и Олабуги „храбраго“. Александръ, получивъ свѣдѣнія о готовившихся событіяхъ, поспѣшилъ въ Орду въ надеждѣ предотвратить ужасы нашествія, но

не имѣлъ достаточно времени, чтобы остановить походъ. Уже „въ канунъ Боришу дню безбожніи татарове подъ Володимиремъ бродиша Клязьму“. Великій князь Андрей Ярославичъ совершенно потерялъ голову: попеременно отъ крайняго малодушія переходя къ заносчивости, онъ то обвинялъ другихъ въ своемъ несчастіи, то гордо заявлялъ, что „лучше бѣжать въ чужую землю, нежели дружитися и служити татарамъ“. Безъ сомнѣнія, у него были благоразумные бояре, которые совѣтовали ему поспѣшить въ Орду съ заявленіемъ полной покорности и щедрыми подарками Неврюю, по крайней мѣрѣ, уменьшить размѣры несчастія, но онъ, вѣроятно, склонился на убѣжденія своихъ „младоумныхъ совѣтниковъ“ и принялъ самое несчастное рѣшеніе—сразиться съ татарами. Встрѣча произошла близь Переяславля, и „сразишася обои полци, и бысть сѣча велика“. Русскіе потерпѣли пораженіе, самъ вел. князь „едва убѣжа“. Пробывъ немного времени въ Новгородѣ, онъ, вѣроятно, по совѣту новгородцевъ, удалился во Псковъ, какъ въ болѣе безопасное мѣсто. Но татары могли настигнуть его и во Псковѣ. Поэтому Андрей увидалъ себя въ необходимости бѣжать за предѣлы Россіи и прибылъ съ молодой своей княгиней къ нѣмцамъ, въ городъ Колывань. Оставивъ здѣсь княгиню, онъ отправился въ Швецію, вѣ-

роятно, чтобы выхлопотать себѣ помощь противъ татаръ. Найдя у шведовъ радушный пріемъ, онъ вызвалъ къ себѣ изъ Колывани супругу. Однако, надежды на шведскую помощь не оправдались, а одна „добродушная ласка шведовъ не могла утѣшить его въ семъ добровольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ“, по выраженію Карамзина. Андрей вернулся на родину, гдѣ, какъ мы видѣли, его съ братской любовью встрѣтилъ его доблестный братъ, употребившій, вѣроятно, немалыя усилія, чтобы выхлопотать ему прощеніе. Андрей скончался весною 1264 года, переживши годомъ старшаго брата, но великое княженіе для него было потеряно безвозвратно. Послѣдніе годы своей жизни онъ княжилъ въ Суздалѣ. Третій изъ участниковъ прискорбнаго эпизода нашей исторіи, Святославъ, по выраженію Бѣляева, „не воспользовался успѣхами Неврюева похода“, да и не могъ воспользоваться: окончательно разстроивъ въ Ордѣ свое здоровье, онъ умеръ 3-го февраля 1252 года и былъ погребенъ въ Юрьевскомъ соборѣ. Много пришлось выстрадать этому князю: не по силамъ ему была борьба съ даровитыми племянниками! Право на великокняжескій столъ теперь уже безспорно переходило къ Александру, и онъ по рѣшенію хана принялъ великое княженіе. Но собственное возвыше-

ніе не радовало Александра: онъ зналъ, что происходитъ на Руси. Татары, разбивъ Андрея, разсѣялись по всей суздальской области и страшно ее опустошили. Родина Александра—Переяславль—испытала общую участь: городъ былъ разрушенъ, воевода убитъ. Застигнувъ здѣсь семью другого брата Александра Ярослава Ярославича, варвары убили его супругу, дѣтей—однихъ избили, другихъ увезли въ плѣнъ. Но отъ Переяславля, неожиданно повернувъ назадъ, съ громадной добычей, со множествомъ плѣнныхъ, „възратишася въ страны своя“. Такое поспѣшное удаленіе объясняется тѣмъ, что Александръ, по выраженію Карамзина, „благоразумными представленіями“ успѣлъ укротить гнѣвъ Сартака и возращался во Владиміръ съ ханской милостью.

Дорогой великій князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ, видѣлъ повсюду печальные слѣды опустошенія: города и селенія разрушены, храмы разграблены, люди разбѣжались по лѣсамъ. Между тѣмъ широко распространявшаяся молва, что Александръ возвращается великимъ княземъ, исполняла сердца всѣхъ живѣйшею радостью. Настроеніе народа Александръ замѣтилъ, безъ сомнѣнія, уже по пути во Владиміръ. Но вотъ и окрестности столицы, изобиловавшія нивами, поемными лугами, рощами и озерами. Сколько воспоминаній связано съ разными мѣст-

ностями! Вотъ при самомъ устьѣ многорыбной Нерли, впадающей въ Клязьму, каменный храмъ Покрова Богородицы, воздвигнутый Андреемъ Боголюбскимъ, далѣе, въ разстояніи съ небольшимъ версты, виднѣются валы Боголюбова, любимаго мѣстопребыванія того же князя, съ знаменитымъ храмомъ Рождества Богородицы. Вотъ и село Красное съ княжескимъ дворомъ. Всего два года тому назадъ гостилъ здѣсь Александръ Ярославичъ—и сколько перемѣнъ! Давно ли кипѣла здѣсь жизнь, со всѣмъ раздольемъ, а теперь кругомъ царитъ запустѣніе... Печальныя мысли о недавнемъ хозяинѣ внушали эти развалины... Зато, по крайней мѣрѣ, съ наружной стороны, совершенно уцѣлѣлъ дивный храмъ, воздвигнутый дѣдомъ Невскаго Всеволодомъ III въ честь Дмитрія Селунскаго. Вотъ, наконецъ, самъ стольный городъ Владиміръ, красиво возвышающійся на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки Клязьмы, весь утопающій въ зелени садовъ и лѣсовъ. Въ центрѣ города—дѣтинецъ, или кремль, раздѣляющій наружный городъ на двѣ части, какъ бы на два отдѣльныхъ города. Съ двухъ сторонъ дѣтинецъ омывается струями Клязьмы и Лыбеди. На берегъ Лыбеди смотрятъ „мѣдныя ворота“ кремля, а на берегъ Клязьмы—„Волжскія“. На концѣ одной части внѣшняго города, близъ устья Лыбеди, находились ворота, называвшіяся „Серебря-

ными“. На противоположномъ концѣ столицы, съ юго-западной стороны, въѣзжали въ другую половину наружнаго города такъ называемыми „золотыми воротами“. Князь Андрей Боголюбскій все это устроилъ, „ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини!“ Внутри кремля, надъ самымъ обрывомъ высится соборный храмъ Успенія Богородицы, съ главной святыней города, чудотворной иконой Владимірской Богоматери, а въ его притворахъ — гробницы князей, предковъ Александра, создавшихъ силу суздальской земли, и епископовъ. Подъѣзжая съ юго-западной стороны, Александръ вступалъ въ столицу золотыми вратами. То былъ свѣтлый, радостный день! Забыты были недавніе ужасы нашествія—съ Александромъ вновь возвращались надежды на лучшіе дни. Народъ во множествѣ спѣшилъ навстрѣчу давно желанному гостю. Не только владимірцы, но и жители другихъ городовъ сошлись для торжественной встрѣчи, потому что „бысть радость велика во Владимірѣ и во всей земли суздальской. У самыхъ золотыхъ воротъ великаго князя встрѣтили митрополитъ Кириллъ, игумены, священники съ крестами. Во главѣ народа встрѣчалъ князя тысяцкій Романъ Михайловичъ, управлявшій дѣлами за отсутствіемъ князя и теперь спѣшившій передать бразды правленія въ могучія руки Невскаго героя. Начались обыч-

ныя привѣтствія, сопровождавшіяся громкими радостными криками народа. Отъ золотыхъ воротъ шествіе направилось въ кремль, въ соборный храмъ Богородицы. Тамъ торжественно совершено посаженіе Александра на престолъ, съ пожалованіемъ царевымъ. Какъ нѣкогда въ Новгородѣ у св. Софіи, такъ и теперь горячо съ своимъ народомъ молился Александръ Ярославичъ о ниспосланіи ему помощи и силъ на новые, еще болѣе трудные подвиги. Тогда онъ былъ почти юношей, а теперь передъ взорами всѣхъ стоялъ мужъ, прославленный побѣдами и извѣдавшій тяжкіе жизненные опыты. Мужественная красота Александра, озаренная глубокой мыслью, свѣтившеюся въ прекрасныхъ, добрыхъ очахъ, производила неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, вселяя любовь и твердую увѣренность, что никто другой, кромѣ этого мощнаго человѣка, не въ силахъ поднять тяжкое бремя правленія въ столь трудную эпоху, что для улучшенія положенія отечества отнынѣ сдѣлано будетъ все, что только возможно въ силахъ человѣческихъ, что у руля сталъ надежный кормчій, который безопасно проведетъ корабль среди бушующихъ волнъ. Тѣмъ пламеннѣе возносились молитвы къ Богу о томъ, чтобы Всевышній „удолжилъ лѣта ему", чтобы на дѣла его ниспослалъ Свое благословеніе.

Первой заботой Александра послѣ того, какъ онъ получилъ „старѣйшинство во всей братьи своей“, было—загладить слѣды Неврюева погрома. Подобно отцу своему Ярославу, устроившему суздальскую область послѣ нашествія Батыя, Александръ спѣшилъ возстановить и украсить храмы, обстроить города и собрать разбѣжавшихся жителей. „Скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ олтарямъ“. Твердая, энергическая рука державнаго хозяина чувствовалась всюду.... „Добре бо рече о таковыхъ Давыдъ пророкъ: во отецъ своихъ мѣсто быша сынове ихъ“, справедливо замѣчаетъ лѣтописецъ, и „добро бяше хрестьяномъ“!

XII.

Великое княженіе Александра Ярославича. — Св. Александръ—правитель.—Отношеніе къ Западу.—Политика относительно татаръ.

Радуйся, крестоносныхъ царей похвало боговѣнчанная!
Радуйся, яко мудрѣ оградилъ еси въ земли своей отеческія доблести и преданія!
Радуйся, во всемъ житіи вѣрнымъ вѣрѣ отцовъ пребывый!

Если бы Андрей Ярославичъ сумѣлъ удержаться великимъ княземъ, установить надлежащимъ образомъ отношенія къ татарамъ и, въ качествѣ правителя, оказаться на высотѣ своего положенія, задача Александра была бы ясна и немногосложна—стоять на стражѣ отечества противъ западныхъ враговъ и оберегать попрежнему цѣлость русской земли отъ неизбѣжныхъ нападеній съ ихъ стороны. Но Провидѣніе рѣшило иначе: Александръ сталъ во главѣ русскаго народа и его задачи сразу усложнились. Однако, многообъемлющій умъ и могучая воля помогли

ему въ разрѣшеніи труднѣйшихъ вопросовъ вѣка. Такъ постепенно развивается передъ нами величіе этого героическаго образа... Въ первую половину своей дѣятельности, въ качествѣ новгородскаго князя, онъ является передъ нами, главнымъ образомъ, какъ *искусный полководецъ*, которому удивляются до сихъ поръ. Но уже за это время его жизни выступаютъ предъ нами главныя черты его характера. Онъ не увлекается личной, рыцарской храбростью, не жаждетъ военной славы; битвы и побѣды составляютъ для него только средства для достиженія высшихъ цѣлей. Онъ не гордится своими успѣхами, приписывая ихъ всецѣло небесной помощи. Проявляя личную храбрость, гдѣ нужно, онъ побѣждаетъ непріятеля главнымъ образомъ стратегическимъ искусствомъ, глубоко обдумывая планъ своихъ дѣйствій и затѣмъ съ ужасающей быстротой приводя его въ исполненіе. Такимъ образомъ, это вовсе не была бурная натура, страстно и неудержимо стремившаяся впередъ и увлекавшая за собою другихъ. Въ вопросѣ о великомъ княженіи онъ обнаруживаетъ удивительную предусмотрительность и осторожность, скромность и самоотверженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе къ правамъ другихъ. Онъ умѣетъ терпѣть, когда другіе спѣшатъ. Сознаніе внутренней нравственной мощи сказывается въ этомъ спокойствіи...

Въ немъ въ удивительномъ согласіи сочетались три величайшія доблести: практическій трезвый взглядъ, гибкій, изобрѣтательный и широкій умъ, способный обнимать разнородные предметы и обстоятельства во всей ихъ сложности и, проникая въ будущее, намѣчать новыя формы жизни, въ соединеніи съ несокрушимой волей и самообладаніемъ. Эти свойства помогли ему проявить болѣе высокую, чѣмъ доблесть полководца, поистинѣ царственную добродѣтель — *правителя*. Изъ дальнѣйшаго изложенія дѣятельности Александра, въ качествѣ великаго князя, мы убѣдимся, что онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ великихъ людей въ исторіи, которые завершаютъ предшествующую эпоху и, сознавъ полную несостоятельность прежнихъ формъ жизни, отдаются на служеніе новымъ началамъ, несмотря на личные страданія и даже униженія. Александръ имѣлъ достаточно силы и самоотреченія, чтобы воплощать въ своей дѣятельности идеалы будущаго и сообразно съ ними устраивать судьбы своего народа тѣмъ способомъ, какой только былъ возможенъ по обстоятельствамъ того времени, благодаря чему новые, намѣченные имъ порядки, несмотря на ошибки его преемниковъ, пустили корни въ народной жизни и получили возможность дальнѣйшаго развитія и примѣненія. И въ этотъ моментъ своей жизни, который долженъ былъ

повлiять на судьбу цѣлыхъ столѣтiй, онъ является передъ нами великимъ правителемъ и героемъ, который жертвуетъ своимъ спокойствiемъ, всѣми выгодами и почестями своего положенiя, всѣми личными интересами для того, чтобы заложить прочныя основы великаго зданiя будущаго, отличаясь въ этомъ отношенiи отъ всѣхъ современныхъ ему князей. Фундаментъ для московскаго государства заложенъ былъ Александромъ. Успѣхи Данiила, Калиты, Донского, Iаонна III были бы невозможны безъ Александра.

Разсматривая многостороннюю дѣятельность Александра Невскаго въ качествѣ главы русскаго народа и стараясь разъяснить ея внутреннiй смыслъ, мы должны признать, что ключемъ для пониманiя его политики служатъ его отношенiя къ монголамъ. Это вполнѣ понятно: завоеванiе Руси варварами и потеря политической самостоятельности—такое обстоятельство, которое, тяготѣя надъ всѣми другими отношенiями, надолго должно было опредѣлять историческiя судьбы русскаго народа. Примириться въ душѣ съ фактомъ подчиненiя христiанскаго народа грубымъ варварамъ, отказавшись отъ надежды на возвращенiе политической независимости, очевидно, было немыслимо, слѣдовательно оставалось избрать

болѣе или менѣе вѣрный путь, который рано или поздно привелъ бы къ освобожденію. Современнымъ руководителямъ судьбами русскаго народа представлялся двоякій исходъ: прежде всего, конечно, приходила въ голову мысль воспользоваться несокрушенными еще силами христріанскаго міра въ лицѣ западноевропейскихъ государствъ и постараться призвать ихъ на помощь противъ варварства, грозившаго затопить весь цивилизованный міръ. Это средство могло казаться наиболѣе легкимъ и осуществимымъ. Но для того, чтобы воспользоваться помощью христіанскаго Запада, необходимо было объединиться съ нимъ въ духовномъ отношеніи, признать власть папы и, какъ роковое слѣдствіе этого, втянуться въ кругъ западноевропейскаго развитія. На этотъ путь и попытался вступить одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ князей того времени, современникъ Александра Невскаго, Даніилъ Романовичъ, король галицкій. Почти вся юго-западная Русь была въ его владѣніи. Самъ онъ отличался выдающимися качествами, вызывающими глубокое сочувствіе историка: всегда отважный, не знавшій страха, великодушный и до крайности добросердечный, онъ въ то же время обладалъ свѣтлымъ, широкимъ взглядомъ на политическія обстоятельства того времени. Волей-неволей пришлось ему побывать въ Ордѣ съ поклономъ

ненавистному Батыю. Татарскій ханъ принялъ его съ честью, но эта честь тяжело отозвалась въ его сердцѣ...

„О, злѣе зла честь татарская!—восклицали тогда:—Даніилъ Романовичъ, князь великій, владѣвшій русской землей — Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, стоитъ на колѣняхъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ боится!..“

Нестерпимымъ показалось такое униженіе Даніилу. Скрѣпя сердце, въ надеждѣ на помощь съ Запада, онъ рѣшился дать клятвенный обѣтъ покорности римской Церкви и принялъ королевскій вѣнецъ, по выраженію лѣтописца, отъ Бога и отъ престола св. Петра, и отъ отца своего папы Иннокентія... Вѣдалъ ли король галицкій, что творилъ, вступая въ столь тѣсную связь съ Западомъ? Безспорно—и дальнѣйшая исторія русскаго народа доказала это—мы не могли бы успѣшно продолжать свое развитіе, окончательно замкнувшись въ себѣ и устранившись отъ Запада, не усвоивши себѣ плодовъ высшей европейской культуры, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени своего развитія могли мы воспринять сѣмена европейской культуры, не страшась потери своей политической и духовной самостоятельности? Если въ XVIII вѣкѣ, уже достаточно сильные своимъ государственнымъ единствомъ и національнымъ

сознаніемъ, вступивъ въ тѣсное культурное общеніе съ Западомъ, мы тѣмъ не менѣе вкусили много, много горькихъ плодовъ этого сближенія—готовы ли мы были къ такому сближенію въ XIII вѣкѣ?.. Къ счастію, всѣ задушевные планы и надежды Даніила на помощь Запада рушились. Западъ обманулъ его, папа не прислалъ ему помощи, и Даніилъ, прервавъ всѣ сношенія съ Римомъ, умеръ сыномъ православной Церкви. Но лучшія силы этого благороднаго князя были потрачены безвозвратно: гоняясь за своей мечтой, онъ не успѣлъ ни освободиться отъ монгольскаго ига, ни позаботиться о томъ, чтобы оставить своему государству прочные залоги развитія на будущее время. „Не прошло ста лѣтъ послѣ Даніила, — говоритъ историкъ, — и въ то время какъ въ Восточной Руси возникали прочныя начала государственнаго единенія, Южная Русь—явившись еще въ XIII вѣкѣ на короткое время въ образѣ государства, подъ властью князя, получившаго титулъ монарха между европейскими государями—не только распалась, но сдѣлалась добычею чужеземцевъ... Восточною частью Южной Руси завладѣли литовцы, Западною—поляки, и, по соединеніи послѣднихъ между собою въ одну державу, Южная Русь на многіе вѣка была оторвана отъ русской семьи, подвергаясь насильственному давленію чуждыхъ

стихій и выбиваясь изъ-подъ ихъ гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усиліями народа".

Иной путь избралъ славный князь Сѣверо-Восточной Руси. Не разсчитывать на чужую помощь, а рости и подниматься собственными усиліями, съ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ, выработать и создать свой собственный центръ могущества, сохранивъ неприкосновенными черты народности, и затѣмъ уже думать о сверженіи ига—таковы смыслъ и значеніе дѣятельности св. Александра Невскаго. Какая могучая вѣра въ свой народъ требовалась для того, чтобы не смутиться обрушившимися надъ Русью бѣдствіями, чтобы надѣяться на то, что рано или поздно, укрѣпившись духовно и собравшись съ матеріальными силами, Россія воскреснетъ, какъ фениксъ изъ пепла, для новой, политически и духовно-самостоятельной жизни!

Западные враги неминуемо грозили не только политической независимости, но самой народности. Зато съ ними можно было бороться, и нашъ національный герой сражается съ ними безъ устали, безъ малѣйшей уступки, до крайняго напряженія силъ. Думать же о сопротивленіи татарамъ, при подавляющемъ, въ виду внутренняго состоянія Россіи, перевѣсѣ матеріальныхъ силъ на ихъ сторонѣ—было немыслимо. Необхо-

димо было покориться имъ и на время пожертвовать политической независимостью. Зато они не представляли большой опасности для народности, для сохраненія безцѣнныхъ залоговъ будущаго величія отечества. Стоило только внѣшними знаками глубокой покорности, обѣщаніемъ богатыхъ даней и подарками отстранять болѣе тѣсное сожительство съ варварами и держать ихъ, по возможности, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Руси. Татары и безъ того по своей дикости и привычкѣ къ кочевому быту совершенно несклонны къ осѣдлой, городской жизни, особенно въ сѣверныхъ болотистыхъ и лѣсныхъ странахъ. Имъ не по вкусу сложное устройство народовъ болѣе образованныхъ и осѣдлыхъ. Не предпочтутъ ли они ограничиться временнымъ пребываніемъ въ Россіи своихъ баскаковъ, оставивъ неприкосновенными религію и нравы и предоставивши попрежнему власть русскимъ князьямъ? Не предпочтутъ ли ханы и мурзы ихъ довольствоваться большими доходами съ покоренной страны, не утруждая себя скучными трудами и заботами суда и управленія? Не останутся ли они въ своихъ столь любезныхъ имъ степяхъ, не проникая въ глубь русской земли?

А между тѣмъ, усыпляя татаръ безусловною покорностью и данью, не слѣдовало упускать изъ вида и заботъ о лучшей органи-

заціи силъ народныхъ, чтобы хотя въ будущемъ, близкомъ или отдаленномъ, можно было вернуть и политическую независимость. *Главная, самая могущественная охрана народности есть государство.* Сила, крѣпость и тяжесть этой народной брони, очевидно, должна соотвѣтствовать силѣ опасностей, которымъ она должна противостоять. Необходимъ былъ поэтому могучій подъемъ государственнаго духа, необходимо было довершить то, что было начато суздальскими князьями. Руси нуженъ былъ единодержавный властелинъ, распоряжающійся силами всей земли и имѣющій полную возможность направлять ихъ къ общему благу. Идеалъ такого властелина предносился свѣтлому уму Андрея Боголюбскаго. Но, всматриваясь глубже въ дѣло, мы едва въ состояніи обнять всѣ трудности задачи. Кто заставитъ князей отказаться отъ своихъ правъ и вмѣсто независимыхъ владѣтелей сдѣлаться подручниками? Кто заставитъ области и города отказаться отъ своей особности и слиться въ одно политическое тѣло? Кто принудитъ населеніе нести тяжкія жертвы во имя мало понятнаго ему блага государственнаго? *Здѣсь намъ помогли отчасти сами татары...* Прежде всего—они объединили всю Русь общимъ союзомъ,—союзомъ общаго горя, плѣна. Надъ Россіей, помимо ея воли, вознеслась единая страшная власть,—власть хана, и необходимость без-

условнаго повиновенія этой власти, послѣ страшныхъ погромовъ, живо сознавалась всѣми отъ князя до послѣдняго смерда. Наши князья, *ставши посредниками между ханомъ и русскимъ народомъ*, заслонивъ собою русскій народъ, оказывая полную покорность татарамъ, предотвращая погромы, могли въ то же время укрѣплять свою власть, вводить болѣе строгія формы зависимости по отношенію къ государству, требовать большаго повиновенія, большихъ жертвъ, не вызывая сильнаго народнаго неудовольствія и противодѣйствія, потому что вся ненавистная сторона зависимости падала на татаръ. Привычку къ своеволію, къ распущенности долженъ былъ сдерживать страхъ суроваго, безпощаднаго возмездія. *Позорное иго предстояло обратить въ школу историческаго воспитанія.* Указывая на грозу нашествія, наши князья могли мало-по-малу совмѣстить въ своихъ рукахъ всю полноту власти, которую завоеваніе вручило татарамъ. По отношенію къ народу, наши князья должны были уподобиться матери семейства, „которая, выражаясь словами знаменитаго писателя, хотя и настаиваетъ на исполненіи воли строгаго отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ отъ его гнѣва, и потому столько же пользуется авторитетомъ, сколько и нѣжною ихъ любовью". За успѣхъ ручалось врожденное русскому на-

роду чувство государственности. Сначала, подчиняясь необходимости и внѣшней силѣ, народъ мало-по-малу сознаетъ благодѣтельность сильной государственной власти и самъ станетъ на стражѣ ея... Что же касается отношенiй князей между собою, то, очевидно, вопросъ о чести, о первенствѣ долженъ былъ отойти на второй планъ. *Надлежало позаботиться о силѣ — нравственной и матерiальной...*

Представлялъ ли себѣ съ полною ясностью современное положенiе дѣлъ, имѣлъ ли точно опредѣленный планъ дѣйствiй нашъ народный герой — мы не знаемъ. Великiе люди правятъ народами, не высказывая заранѣе придуманной программы. Напротивъ, величiе истинно-государственнаго человѣка, практическаго дѣятеля въ томъ и состоитъ, что, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени, онъ умѣетъ извлекать изъ нихъ наибольшую пользу для своего народа. Мы увидимъ, что Александръ Ярославичъ въ своей политикѣ относительно татаръ ясно и твердо намѣчаетъ тотъ путь, на который вступили его ближайшiе потомки, московскiе князья, собиратели земли русской... Изумительна проницательность, едва оцѣнима громадность исторической заслуги!

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, обнимающемъ перiодъ времени великаго княженiя Александра,

постараемся выяснить попорядку: 1) отношеніе его къ Западу; 2) политику относительно татаръ и 3) внутреннюю дѣятельность великаго князя.

XIII.

Посольство папы Иннокентія IV.—Врученіе папскаго посланія св. Александру.—Отвѣтъ папѣ.

Радꙋйсѧ, латинскаѧ ꙋченіѧ презрѣвый и прелесть ихъ въ ничтоже вмѣнивый!
Радꙋйсѧ, отъ лести иновѣріѧ премꙋдро ꙋклонивыйсѧ!
Радꙋйсѧ, лꙋкавство проповѣдниковъ лжевѣріѧ ѧвѣ обличивый!
Радꙋйсѧ, твердымъ защитникомъ правовѣріѧ ѧвивыйсѧ!
Радꙋйсѧ, лжесловесіе враговъ православіѧ словомъ здравымъ препобѣдивый!

Рѣшительныя побѣды Александра Ярославича принудили нашихъ западныхъ враговъ навсегда отказаться отъ мысли о порабощеніи Руси, на подобіе Ливоніи. Ни шведы, ни нѣмцы не могли сокрушить доблестнаго князя. Даже литовцы, проснувшееся мужество которыхъ грозило сдѣлаться опаснымъ даже для соединенныхъ силъ

двухъ орденовъ, приведены въ трепетъ непобѣдимымъ героемъ. Папы увидали, съ какимъ противникомъ они имѣютъ дѣло, и вотъ, вмѣсто грозныхъ буллъ, призывавшихъ къ крестовымъ походамъ противъ русскихъ наравнѣ съ язычниками, папская политика избираетъ другой путь. Оставалось испытать послѣднее средство—уловить Александра въ свои сѣти коварствомъ, хитро разсчитанными рѣчами, пышными обѣщаніями. Въ 1248 году папа Иннокентій IV отправилъ къ Александру посольство и и во главѣ его двухъ хитрѣйшихъ кардиналовъ, Галда и Гемонта, которые должны были вручить ему папское посланіе и употребить всѣ усилія къ тому, чтобы склонить его къ подчиненію Риму. Посланіе было составлено весьма искусно, но, какъ это часто бываетъ, слишкомъ большая хитрость и тонкость пріемовъ, при встрѣчѣ съ свѣтлымъ, возвышеннымъ умомъ, съ правдивостью благородной души, потерпѣли полное крушеніе.

„Святѣйшій отецъ много слышалъ о тебѣ, славномъ и дивномъ князѣ. Поэтому онъ прислалъ насъ изъ числа своихъ кардиналовъ, чтобы ты выслушалъ насъ“, говорили папскіе послы, представляясь князю.

Александръ, безъ сомнѣнія, въ присутствіи православныхъ пастырей, знатнѣйшихъ бояръ и всего своего двора, принялъ отъ по-

словъ папское посланіе. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Иннокентій епископъ, рабъ рабовъ Господа, знаменитому мужу Александру, князю суздальскому".

„Отецъ будущаго вѣка, насадитель непорочнаго совѣта, Искупитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ низвелъ росу Своей благодати на умъ славнаго блаженной памяти князя Ярослава, родителя твоего, которому, подавая вслѣдствіе удивительной щедроты неизреченную милость Своего вѣдѣнія, приготовилъ путь въ мѣсто, чрезъ которое онъ приведенъ былъ къ Господней паствѣ, подобно овцѣ, долгое время блуждавшей по пустынѣ, какъ мы узнали объ этомъ отъ возлюбленнаго сына нашего Іоанна де-Плано Карпини (quia sicut dilecto filio fratre Iohanne de Plano Carpino de Ordine Fratrum Minorum Protonotario nostro gentem Tartaricam destinato referente didicimus). Отецъ твой, желая облечься въ новаго человѣка, смиренно обѣщалъ послушаніе своей матери римской Церкви и былъ освященъ руками того же брата, что онъ открыто и исповѣдалъ бы предъ всѣми людьми, если бы столь внезапно и столь несчастно не похитила его смерть. И такъ какъ онъ завершилъ теченіе настоящей жизни столь счастливымъ концомъ, то надлежитъ благочестиво вѣрить и безъ всякаго сомнѣнія принимать, что онъ, со-

причислившись къ лику праведныхъ, покоится въ вѣчномъ блаженствѣ, гдѣ блистаетъ безпредѣльный свѣтъ, гдѣ разливается благоуханіе, не разсѣеваемое вѣтромъ, и гдѣ сильна полнота любви, которой не уменьшаетъ насыщеніе. Итакъ желая, чтобы и ты, ставшій законнымъ наслѣдникомъ въ отцовскомъ наслѣдіи, сдѣлался причастникомъ столь великаго блаженства, мы, на подобіе жены евангельской, возжегшей свѣтильникъ, чтобы найти потерянную драхму, изыскиваемъ пути, употребляемъ усиліе и прилагаемъ стараніе, чтобы имѣть возможность благоразумно навесть тебя на мысль спасительно послѣдовать по стопамъ твоего отца, съ которыми во всякое время надлежитъ сообразоваться. И какъ онъ отъ чистаго сердца и съ неложнымъ намѣреніемъ обѣщался принять постановленія и ученіе римской Церкви (corde sincero et mente non ficta se ad suscipienda mandata et documenta Romana Ecclesie dedicarat), такъ и ты, оставивши путь погибели, приводящій къ осужденію вѣчной смерти, смиренно вступилъ бы въ единеніе съ той же Церковію, которая безъ всякаго сомнѣнія по прямому пути направляетъ къ спасенію своихъ почитателей".

Плано Карпини въ описаніи своего путешествія въ Татарію ни однимъ словомъ не даетъ предполагать, чтобы Ярославъ Всеволодовичъ при концѣ жизни измѣнилъ вѣрѣ

предковъ. О, какъ краснорѣчиво онъ описалъ бы это событіе, если-бы дѣйствительно произошло что-либо подобное! Но отчего не прибѣгнуть къ обману ad majorem Dei gloriam (для вящей славы Божіей)? Блистательная цѣль, имѣвшаяся въ виду, не очиститъ ли недостойнаго средства? Ярославъ Всеволодовичъ скончался вѣдь такъ далеко отъ родины, отъ близкихъ. Плано Карпини былъ почти свидѣтелемъ его кончины. Кто можетъ возразить противъ того, что, въ виду приближающейся смерти, великій князь не склонился на увѣщанія папскаго посла? А примѣръ отца, память котораго бола священною для сына, не долженъ ли подѣйствовать сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ убѣжденій? Очевидно папа много разсчитывалъ на эту часть своего посланія. Но вышло нѣчто совершенно противоположное. Духъ Александра возмутился при столь наглой клеветѣ на его покойнаго отца. Негодованіемъ блеснулъ его взоръ, и безъ сомнѣнія гнѣвное восклицаніе прервало на нѣсколько минутъ чтеніе грамоты.

„Конечно и ты не долженъ отвергнуть нашей просьбы,—говорилось далѣе въ посланіи,—которая, служа съ нашей стороны исполненіемъ долга, послужитъ въ то же время и твоимъ выгодамъ, потому что, когда мы такимъ образомъ требуемъ, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всею душою, испол-

нялъ Его заповѣди, конечно ты не оказался бы въ здравомъ разумѣ, если бы отказалъ въ повиновенiи намъ и даже Самому Богу, намѣстникомъ Котораго, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ (cujus vices licet immeriti obtinemus in terris). Впрочемъ, вслѣдствiе этого послушанiя честь какого-либо государя отнюдь не уменьшается, но, благодаря ему, всякая власть и временная свобода умножается, потому что достойно правятъ своими народами тѣ, которые, сами стремясь властвовать надъ другими, въ то же время стараются о повиновенiи божественному превосходству. Поэтому мы просимъ твое величество, увѣщеваемъ и прилежно убѣждаемъ, что бы ты снова призналъ своею матерью римскую Церковь и оказалъ послушанiе ея первосвященнику. Постарайся также дѣйствительно (efficaciter) привлечь къ повиновенiю апостольскому престолу и твоихъ подданныхъ, чтобы въ вѣчномъ блаженствѣ наслѣдовать тебѣ за это плодъ, который не гибнетъ во вѣкъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что если ты воспользуешься нашимъ или лучше—Божiимъ благоволенiемъ, мы будемъ считать тебя наилучшимъ между католическими государями и всегда съ особеннымъ усердiемъ будемъ стараться объ увеличенiи твоей славы“.

Въ приведенныхъ строкахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается характеръ папства. По-

смотримъ, однако, въ чемъ могла бы состоять та великая честь и слава, объ умноженіи которой папа обѣщаетъ русскому князю приложить особенное стараніе. Обращаясь къ западно-европейскому политическому устройству въ средніе вѣка, мы видимъ пирамидально-іерархическій строй общества со множествомъ державцевъ разныхъ наименованій. Въ основаніи пирамиды—подавленное духовно и экономически крестьянство. Надъ нимъ—цѣлая іерархическая лѣстница синьоровъ, вассаловъ, подвассаловъ съ разными титулами, герцоговъ, графовъ, ландграфовъ, бургграфовъ, маркграфовъ, вицеграфовъ, бароновъ и т. д. Ступенью выше стояли короли, еще выше—императоръ. На самой вершинѣ пирамиды, какъ бы покрывая ее своею мантіей, возвышается верховный владыка Запада—папа, уже „не просто человѣкъ, но Богъ“, какъ училъ одинъ изъ защитниковъ папства. Самъ императоръ властвуетъ только по желанію и приказанію папы. Папа поставляетъ и судитъ его, но надъ нимъ, папой, есть только судъ Самого Бога... Намъ представляется чудовищною эта гордыня папства, исказившаго духовный характеръ Церкви Божіей, придавшаго ей образъ и подобіе земного царства, но такой взглядъ на свою власть папа рѣшительно высказываетъ и въ посланіи въ Александру. „Правители народовъ, стремясь къ господ-

ству надъ другими, повинуются сами Божественному превосходству. Русскій князь не долженъ отказывать въ повиновеніи папѣ или лучше — Самому Богу, намѣстникомъ Котораго на землѣ является папа". На какой же ступени указанной выше іерархической лѣстницы станетъ русскій князь, признавши власть папы? Предоставитъ ли ему папа титулъ графа, герцога или, можетъ быть, возвеличитъ титуломъ короля? Во всякомъ случаѣ ему придется стать въ рядъ подчиненныхъ властителей, получающихъ повелѣнія съ высоты папскаго престола, подъ опасеніемъ, въ случаѣ малѣйшаго ослушанія, отлученія отъ Церкви, низложенія, разрѣшенія подданныхъ отъ присяги и т. д... И въ виду этого папа приглашаетъ русскаго князя привлечь къ послушанію „апостольскому престолу" и своихъ подданныхъ!.. „Это будетъ служить и твоимъ выгодамъ, это укрѣпитъ и твою власть",—пишетъ папа; другими словами—ты можешь тогда безнаказанно угнетать твоихъ подданныхъ, опираясь на высшій авторитетъ, подобно сонму средневѣковыхъ державцевъ. Подобное представленіе о власти должно было показаться дикимъ и чуждымъ на Руси, гдѣ власть понималась скорѣе какъ служеніе родной землѣ, гдѣ идеаломъ князя былъ *страдалецъ* за землю русскую...

„Такъ какъ опасностей всегда легче избѣгнуть, если вооружиться противъ нихъ

щитомъ предусмотрительности, мы особенно просимъ тебя, чтобы, лишь только узнаешь, что татары направляются противъ христіанъ, ты тотчасъ постарался бы увѣдомить объ этомъ братьевъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, чтобы, получивъ свѣдѣнія объ этомъ отъ тѣхъ же братьевъ, мы могли заблаговременно позаботиться о противодѣйствіи татарамъ съ Божіей помощью".

„Сверхъ сего за то, что ты не захотѣлъ преклонить выи предъ свирѣпостью татаръ, мы прославляемъ твое благоразуміе достойными въ Богѣ похвалами. Дано въ Ліонѣ 8 февраля 1248 года".

Какая трогательная заботливость о русской землѣ! Но давно ли возбуждались крестовые походы противъ русскихъ? Александру Ярославичу великодушно предлагается содѣйствіе братьевъ тевтонскаго ордена и всего Запада къ отраженію татаръ. Но давно ли эти братіи грозно ополчались на русскую землю? Давно ли на льду Чудского озера Александръ съ Божіей помощью разгромилъ на голову этихъ борцовъ папства? Можно ли было хотя на одинъ мигъ повѣрить искренности столь внезапно проявившагося благоволенія къ русской землѣ? Но безъ сомнѣнія болѣе всего оскорбило благочестиваго князя то, что папа дерзнулъ обругать „святая святыхъ" его души—святую православную вѣру, назвавъ ее „путемъ

погибели, приводящимъ къ осужденію вѣчной смерти“. Глубокая личная обида послышалась ему и въ этомъ приглашеніи постараться о привлеченіи къ латинству своего народа... Долго сдерживаемое при чтеніи посланія чувство гнѣва вырвалось наружу и сказалось въ слѣдующемъ сухомъ и грозномъ отвѣтѣ:

„Слышите, посланницы папежстіи и прелестницы преокаянные! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, и отъ Авраамля до пріитія Израилева сквозѣ Чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія Великаго Константина и до перваго собора и до седьмаго собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ“.

Отвѣтъ глубоко знаменательный! Несмотря на его краткость, несмотря на особыя обстоятельства, среди которыхъ произнесены были эти слова, въ минуту гнѣвнаго возбужденія, въ нихъ выражается цѣлое міросозерцаніе, указывающее на то, что побѣдоносный князь носилъ въ душѣ ясно и отчетливо сознанный имъ свѣтлый образъ православія. Точно внезапно блеснувшій лучъ молніи, отвѣтъ Александра ярко озарилъ

внутренній строй его мысли и показалъ намъ, что его свѣтлый умъ глубоко задумывался не надъ одними только практическими вопросами, важными для правителя и полководца. Всмотримся повнимательнѣе въ сущность этого отвѣта.

Послѣ прискорбнѣйшаго событія въ мірѣ— отпаденія западной Церкви отъ вселенскаго единства — учители православной Церкви, какъ и слѣдовало, не разъ указывали на заблужденія латинянъ. При этомъ, однако, обличители латинства останавливались, главнымъ образомъ, на отдѣльныхъ пунктахъ отступленій отъ чистоты православія. Въ XI и XII вѣкахъ такихъ отступленій насчитывали до 38 и болѣе. Святый и благовѣрный князь избираетъ иной, поистинѣ царственный путь: не входя въ обличеніе частностей, онъ взглянулъ на дѣло съ высотъ историческаго разумѣнія. Обращаясь къ скрижалямъ исторіи, онъ въ общихъ чертахъ намѣчаетъ предъ послами величественный планъ Божественнаго домостроительства нашего спасенія, изъ котораго видно, что православная Церковь зиждется на незыблемыхъ вѣковѣчныхъ началахъ и должна пребывать постоянно и неизмѣнно вѣрною этимъ началамъ. Въ раю создана была первая Церковь безгрѣшныхъ прародителей и тамъ же, по грѣхопаденіи, положено было новое основаніе Церкви спасаемыхъ въ обѣтованіи о Спасителѣ. По

исполненіи временъ Господь Іисусъ Христосъ, свершивъ дѣло нашего спасенія, положилъ начало Своей собственно христіанской Церкви. Прошли вѣка гоненій. Со времени Константина Великаго основныя начала христіанскаго вѣроученія и правила жизни раскрываются и утверждаются вселенскими соборами настолько твердо, что православные христіане имѣютъ несомнѣнное мѣрило истины. Итакъ вѣрность Церкви тѣмъ началамъ, которыя положены Самимъ Іисусомъ Христомъ и Его апостолами и затѣмъ утверждены вселенскими соборами, постоянное одушевленіе Церкви этими началами, и жизнь въ духѣ этихъ началъ, непрерывно текущая въ Церкви отъ самаго ея основанія, преемственно и непрерывно переходящая изъ вѣка въ вѣкъ до послѣдняго времени — вотъ въ чемъ состоитъ истина православія! Со времени отпаденія римской Церкви отъ вселенскаго единства, между тѣмъ какъ Западъ устремился на путь многихъ и многихъ перемѣнъ, прибавленій и убавленій въ существенномъ и несущественномъ, для православной Церкви открылось именно особое, исключительное служеніе блюсти въ неприкосновенной цѣлости тотъ священный залогъ, который былъ нѣкогда общимъ достояніемъ Церкви восточной и западной, блюсти истинно, какъ святыню, все то, что изначала было достоя-

ніемъ единой, апостольской и соборной Церкви. Если же православіе есть пребываніе Церкви неизмѣнно вѣрною ея божественнымъ началамъ и жизнь въ духѣ этихъ началъ, то ясно, что начала православія не суть начала внѣшняго авторитета, въ родѣ папской власти, но внутренняго, не временнаго человѣческаго, но вѣчнаго—божественнаго. Таковъ внутренній смыслъ замѣчательнаго отвѣта, даннаго русскимъ княземъ посламъ папы—и какой сокрушительный для латинства смыслъ! Не проронивъ ни одного слова обличенія, своимъ богомудрымъ отвѣтомъ Александръ Ярославичъ поражаетъ латинство, такъ сказать, во главу, въ главномъ его заблужденіи—во вновь придуманномъ католиками догматѣ о папѣ, какъ видимой верховной и непогрѣшимой главѣ Церкви,—какъ новой, человѣческой основѣ для зданія Божія...

Письменный отвѣтъ Александра, врученный посламъ папы, насколько можно судить по дошедшему до насъ пространному изложенію вѣры, приписываемому св. Александру, является необходимымъ дополненіемъ устнаго. Указавъ на то, что существо православія заключается въ неизмѣнной вѣрности божественнымъ и вѣчнымъ основамъ Церкви Божіей,—въ письменномъ изложеніи, „сдумавъ съ мудрецы своими“, Александръ въ существенныхъ чертахъ раскрылъ основные пункты христіанскаго вѣроученія.

Въ папскомъ посланіи говорится, о чести властителей, покоряющихся св. престолу, о матеріальныхъ выгодахъ, которыя послѣдовали бы для русской земли за подчиненіемъ Риму, — словомъ, все посланіе отличается чисто практическимъ духомъ, смѣшеніемъ небеснаго и земного, временнаго и вѣчнаго. Политика, земные разсчеты рѣшительно преобладаютъ надъ интересами религіозными. Ничего этого мы не видимъ въ отвѣтахъ Александра. О, какъ много онъ могъ бы сказать по адресу папъ, которые уже достаточно заявили себя въ качествѣ національнаго врага русскаго народа! Съ какимъ правомъ онъ могъ бы указать на буллы и посланія, на подстрекательства противъ русскихъ! Между тѣмъ въ его словахъ нѣтъ ни одного намека на временныя, земныя отношенія. Вопросъ о вѣрѣ стоитъ для него безконечно выше всѣхъ политическихъ интересовъ. Для него, какъ для православнаго христіанина, вѣра есть святыня, данная свыше, охраняемая Церковію и усвояемая благочестіемъ. Нравственное достоинство принадлежитъ только такой вѣрѣ, предметъ которой не зависитъ отъ человѣческаго произвола, никакого отношенія къ личнымъ вкусамъ и мнѣніямъ, а равно и къ временнымъ политическимъ отношеніямъ не имѣетъ.

Всматриваясь въ личность Александра, насколько она высказалась въ данномъ

случаѣ, мы невольно преклоняемся предъ его величіемъ. Многосторонній духъ его одинаково обнимаетъ великое и малое. Мужественно и искусно отстаивая интересы своего народа, въ то же время онъ какъ бы предъ лицомъ всего свѣта развертываетъ то священное знамя, подъ сѣнію котораго русскому народу суждено было сохранить и отстоять свою духовную и политическую самостоятельность. Его отвѣтъ папству долженъ былъ послужить на всѣ будущія времена образцомъ при дальнѣйшихъ попыткахъ Рима къ подчиненію русской Церкви.

XIV.

Войны съ литовцами и ливонскими нѣмцами. — Походъ 1262 года. Раковорская битва.—Финляндскій походъ.

> Радуйся, безопасности всея сѣверныя земли Россійскія охранителю!
> Радуйся, общаго мира во днехъ своихъ оустроителю!
> Радуйся, подвижниче вѣры!

Послѣ суроваго отвѣта, даннаго Александромъ посламъ папы, въ Римѣ должны были потерять всякую надежду на добровольное подчиненіе русскихъ. Но это не значило еще, что папы оставятъ Россію въ покоѣ. При извѣстной всему міру настойчивости и строгой послѣдовательности римской политики въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, надлежало ожидать, что папы, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ совратить русскихъ путемъ убѣжденія и лести, вернутся снова къ обычному въ то время способу обращенія — посредствомъ оружія. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ знаменитаго посольства

мы видимъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій папства, направленныхъ противъ нашего отечества. Презрительно смѣшивая русскихъ съ татарами, папа Иннокентій IV посылаетъ въ 1253 году епископамъ и духовенству Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи повелѣніе проповѣдывать крестовый походъ противъ татаръ, опустошающихъ Ливонію и Эстонію. Вступившій въ 1255 году на престолъ папа Александръ IV спѣшитъ возобновить борьбу съ православнымъ русскимъ народомъ, если можно такъ выразиться, по всей линіи, поднимая противъ насъ литовцевъ, ливонцевъ и шведовъ. Виды папы хорошо обрисовываются въ его внушеніяхъ, обращенныхъ къ рыцарямъ: всѣ земли, укрѣпленія, мѣстечки и города... даже то, что состоитъ подъ властью безбожныхъ татаръ—все это мы принимаемъ въ полную собственность св. Петра. По обращеніи въ христіанство (то-есть въ католичество), всѣ эти земли, въ силу нашего опредѣленія, должны состоять на вѣчныя времена подъ особымъ покровительствомъ и защитой апостольскаго престола (sub speciali protectione et defensione apostolicae sedis, postquam ad christianum cultum redacta fuerint, perpetuis temporibus permanere sancimus). Наибольшее вниманіе должно быть обращено на русскихъ, держащихся греческой схизмы.

Особенное вниманіе папъ начинаетъ при-

влекать литовскій народъ, среди котораго около половины XIII столѣтія совершалась знаменательная перемѣна. Литовцы долгое время подчинялись многимъ князьямъ. Набѣги ихъ на сосѣднія земли были опустошительны, но при отсутствіи единства власти не имѣли прочнаго, завоевательнаго характера. Въ половинѣ XIII столѣтія, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, среди литовскаго народа обнаруживается стремленіе къ установленію единовластія. Миндовгъ идетъ рѣшительно къ этой цѣли, не разбирая средствъ. Человѣкъ желѣзной воли, необыкновенно хитрый и жестокій, не останавливающійся ни предъ какимъ злодѣяніемъ, онъ представляетъ собою яркій типъ основателя государства въ варварскія времена. Чего не достигалъ силой, того добивался онъ коварствомъ, обманомъ и подкупомъ. Нашъ лѣтописецъ говоритъ объ немъ: „Нача избивать братью свою и сыновцѣ своі, а другия выгна изъ землѣ, и нача княжити одинъ во всей землѣ литовьской“. Кромѣ русскихъ, литовцы враждовали съ нѣмцами, уже успѣвшими покорить ихъ соплеменниковъ пруссовъ. Сознавая невозможность бороться одновременно съ русскими и нѣмцами, Миндовгъ, чтобы обезопасить себя отъ нападеній нѣмцевъ и обезпечить успѣхъ наступательныхъ дѣйствій противъ русскихъ, объявилъ ордену, что готовъ принять като-

личество. Понятно, какую радость должно было произвести это извѣстіе во всемъ католическомъ мірѣ. Новыя, свѣжія силы отдавались въ распоряженіе папства. Литовцы позволяли разсчитывать на себя тѣмъ, что успѣли уже подчинить значительную часть православной Руси. Открывались дальнѣйшіе виды на исполненіе, при помощи ихъ, завѣтнаго желанья папъ — подчинить русскихъ своей власти. Папа былъ въ восторгѣ и, принявъ Миндовга подъ свое покровительство, поспѣшилъ отправить приказаніе къ ливонскому епископу, чтобы никто не смѣлъ оскорблять новаго сына католической Церкви, поручая въ то же время епископу кульмскому вѣнчать Миндовга королевской короной. Далѣе — папа Александръ спѣшитъ уже воспользоваться ревностью новообращеннаго, чтобы направить его противъ русскихъ, и, заранѣе убѣжденный въ успѣхѣ, повелѣваетъ рижскому архіепископу посвятить епископа въ русскія области... Правда, Миндовгъ принялъ католичество притворно, точно такъ же какъ латыши и пруссы принимали его подъ мечами рыцарей. Къ тому же онъ скоро убѣдился, что для нѣмцевъ распространеніе христіанства было лишь предлогомъ и оправданіемъ ихъ завоевательныхъ замысловъ. Вмѣсто помощи противъ русскихъ, нѣмцы подъ знаменемъ креста готовили иго его

народу... Миндовгъ отрекся отъ христіанства и королевскаго титула и снова вступилъ въ борьбу съ нѣмцами. Тѣмъ не менѣе можно было предвидѣть, что разъ намѣченная Римомъ богатая добыча такъ или иначе попадетъ въ сѣти папской политики, что дѣйствительно и произошло столѣтіемъ позже... Для Россіи вражда литовцевъ съ нѣмцами представляла, конечно, большія выгоды, и южно-русскіе князья успѣшно дѣйствовали противъ Миндовга. Далеко не такъ удачно шли дѣла въ землѣ полоцкой. Послѣднимъ полоцкимъ княземъ упоминается въ лѣтописяхъ Брячиславъ, тесть Александра Невскаго, но потомъ мы встрѣчаемъ въ стольномъ Полоцкѣ уже Миндовгова подручника и племянника Тевтивила. За полоцкой землей, повидимому, такая же участь грозила и Смоленску. Въ 1252 году Миндовгъ послалъ своего дядю Выкынга и двоихъ племянниковъ, Тевтивила и Едивида, воевать смоленскую землю, давши имъ такой наказъ: „Что кто возьметъ, то пусть держитъ при себѣ!“ Какъ разъ въ томъ же году Александръ долженъ былъ оставить Новгородъ и спѣшить въ Орду. Отсутствіе грознаго князя придало еще больше смѣлости литовцамъ. Въ 1253 году они сдѣлали совсѣмъ неожиданный набѣгъ уже на новгородскія земли и, разсѣявшись въ разныя стороны, забирали скотъ, пожитки и плѣн-

никовъ. Отъѣзжая изъ Новгорода, Александръ оставилъ тамъ княземъ второго своего сына Василія. Молодой князь, стремясь подражать подвигамъ своего великаго отца, быстро собралъ войско и погнался за литовцами, которые съ большой добычей уже подвигались къ своимъ предѣламъ. У Торопца новгородцы настигли варваровъ и вступили съ ними въ жаркій бой. Василій Александровичъ сражался геройски и своимъ примѣромъ воодушевлялъ другихъ. Отбивъ всю добычу и плѣнниковъ, „новгородцы отмстили за кровь христіанскую“. Этотъ первый опытъ показалъ, что Александръ могъ разсчитывать на своего сына. Черезъ пять лѣтъ литовцы сдѣлали, однако, новый набѣгъ подъ Смоленскъ и „взяша Войщину на щитъ“. Отсюда они направились къ Торжку, жители котораго мужественно выступили было имъ навстрѣчу, однако, варвары, ведя безпрерывныя войны, научились военнымъ хитростямъ и устроили русскимъ засаду, при чемъ „овыхъ избиша, а инѣхъ изымаша, и много зла бысть въ Торжку“. Но вскорѣ затѣмъ Миндовгъ разсорился съ рыцарями, и въ 1262 году литовцы уже вмѣстѣ съ русскими участвуютъ въ походѣ на нѣмцевъ.

Ливонскіе нѣмцы еще болѣе, чѣмъ литовцы, рады были удаленію изъ Новгорода чудскаго побѣдителя. Немедленно по его

отъѣздѣ, собравъ большія силы, они подступили въ 1253 году къ Пскову, который былъ какъ бы передовымъ постомъ русской земли противъ нѣмцевъ. Какъ и въ 1242 году, нѣмцы сожгли и разграбили посадъ. Застигнутые въ расплохъ, псковичи заперлись въ городѣ, но не пали духомъ. Ледовое побоище еще у всѣхъ было свѣжо въ памяти. Собравшись съ силами, они бодро выступили изъ города и бросились на непріятелей. Не даромъ говорили про нихъ нѣмцы: „псковичи—это народъ свирѣпый! У нихъ вооруженіе блестящее, а шлемы сіяютъ какъ стекла“. Между тѣмъ новгородцы, узнавъ о нападеніи, спѣшили съ молодымъ княземъ на помощь. Одинъ слухъ о приближеніи новгородцевъ навелъ страхъ на рыцарей, обратившихся въ поспѣшное бѣгство. Не теряя времени, новгородцы воротились домой и, быстро приготовившись, отправились за Нарову во владѣнія нѣмцевъ, совсѣмъ не ожидавшихъ нападенія съ этой стороны и потому не оказавшихъ отпора, и „створиша волость ихъ пусту“. Въ то же время и псковичи, при видѣ столь быстрой помощи, погнались за отступавшими нѣмцами, по слѣдамъ ихъ вступили въ Ливонію и, принудивъ къ бою, „побѣдишая“. „Оказанніи преступници крестнаго цѣлованія“, отложивъ свою гордость, какъ и въ 1242 году, униженно просили

мира, соглашаясь на всѣ требованія побѣдителей. Миръ былъ заключенъ „на всей волѣ новгородской и псковской“.

Занятый важнѣйшими дѣлами, Александръ теперь, конечно, только издали могъ слѣдить за борьбой съ врагами Россіи на ея западной окраинѣ, являясь съ помощью только въ случаѣ крайней нужды, какъ это было, напримѣръ, въ 1262 году, уже незадолго до его кончины. Побуждаемые посланіями папы Александра и раздраженные измѣною Миндовга, истребившаго въ своей землѣ всѣхъ католиковъ, ливонцы открыли вновь враждебныя дѣйствія противъ Новгорода и Литвы. Александръ получилъ извѣстіе объ этомъ какъ разъ въ такое время, когда ему невозможно было принять личное участіе въ походѣ: ему необходимо было спѣшить въ Орду, чтобы спасти русскій народъ отъ грозившихъ ему въ то время ужасныхъ бѣдствій. Тѣмъ сильнѣе былъ его гнѣвъ на „окаянныхъ преступниковъ правды“, спѣшившихъ воспользоваться труднымъ положеніемъ его и Россіи, и онъ рѣшился расправиться съ ними такъ, чтобы они живо припомнили времена Ледоваго побоища. Какъ ни тяжело положеніе Россіи, но онъ не уступитъ имъ ни пяди родной земли, онъ покажетъ имъ, что рука Россіи еще высока! Святая Русь заслонила собою Западную Европу, принявъ на свою бога-

тырскую грудь всѣ удары варваровъ, а спасенные ею, такъ недавно сами содрогавшіеся свирѣпости неодолимыхъ монголовъ, стремятся воспользоваться положеніемъ многострадальной земли, чтобы безнаказанно оскорблять ее, прилагать раны къ ранамъ! Всевышній не оставитъ такихъ поступковъ безнаказанными!.. Такія чувства, безъ сомнѣнія, одушевляли Александра, когда онъ дѣлалъ распоряженія относительно похода противъ нѣмцевъ въ 1262 году. Для достиженія возможно полнаго успѣха онъ не пренебрегъ даже содѣйствіемъ литовцевъ. Заключенъ былъ союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, жмудскимъ Тройнатомъ и полоцкимъ Тевтивиломъ. Всѣ низовые полки отпускалъ Александръ, ввѣривши начальство надъ ними своему брату Ярославу, князю тверскому, и зятю Константину съ тѣмъ, чтобы они во главѣ съ сыномъ его Димитріемъ, княжившимъ тогда по распоряженію отца вмѣсто Василія въ Новгородѣ, и съ храброй его новгородской дружиной, двинулись въ Ливонію. Между тѣмъ неукротимый Миндовгъ, не дождавшись прихода русскихъ, ворвался въ предѣлы Ливоніи и, внося всюду опустошеніе, явился подъ стѣнами Вендена. „Опустошилъ онъ всю землю, печально говоритъ нѣмецкій писатель, и оставилъ слѣды своего звѣрства, на какое только былъ способенъ этотъ

отступникъ и врагъ христіанскаго имени". Но безъ помощи русскихъ Миндовгъ могъ совершить только опустошительный набѣгъ, а между тѣмъ русскіе замедлили въ походѣ. Поэтому литовскій князь, удовольствовавшись большой добычей и опустошеніемъ непріятельской земли, вернулся домой. Но нѣмцы не успѣли еще успокоиться, какъ появились русскіе съ другой стороны. Цѣлью ихъ похода былъ Юрьевъ, старинное достояніе русской земли. Нѣмцы превратили его въ сильную крѣпость, съ большимъ количествомъ жителей и сильномъ гарнизономъ. Городъ былъ обнесенъ тремя каменными стѣнами, подъ защитою которыхъ враги „пристроили себѣ на городѣ брань крѣпку". Видно, велико было раздраженіе русскихъ противъ неугомонныхъ враговъ: не теряя времени въ правильной осадѣ, вожди рѣшились на немедленный приступъ. Съ неукротимой отвагой бросились русскіе на приступъ и быстро овладѣли посадомъ. Такъ „сила честнаго креста и св. Софіи всегда низлагаетъ неправду имѣющихъ... Ни во что же твердость та бысть!" замѣчаетъ лѣтописецъ. По обычаямъ того суроваго времени, городъ былъ сожженъ, имущество разграблено, набрано много плѣнныхъ. Уронъ русскихъ былъ весьма незначителенъ. Поэтому съ трудомъ вѣрится нѣмецкому историку, утверждающему, что ма-

гистръ ордена Вернеръ, собравъ войско, напалъ на русскихъ и, отбивъ добычу, вслѣдъ за ними ворвался въ новгородскую землю и произвелъ страшное опустошеніе. Русскія лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ. Миръ былъ заключенъ въ томъ же 1262 году. Памятникомъ похода осталась договорная грамота съ нѣмцами, писанная отъ лица Александра и сына его Димитрія.

Распоряженія относительно этого похода были послѣднимъ дѣломъ Александра по отношенію къ ливонскимъ нѣмцамъ. Не разъ и впослѣдствіи возобновлялась вражда съ ними, но заслуга Александра состоитъ въ томъ, что онъ указалъ русскимъ путь къ побѣдамъ и этимъ какъ бы завѣщалъ стоять до конца за русское достояніе. Особенно замѣчательна была война, происшедшая въ 1268 году, пять лѣтъ спустя по кончинѣ Невскаго. Сынъ Александра Димитрій былъ опять въ числѣ главныхъ участниковъ знаменитаго похода, въ которомъ „совкупишася вся княженія русьская въ Новгородъ со множествомъ вой своихъ“, между тѣмъ какъ съ другой стороны также „совкупися вся земля нѣмецкая“. При Раковорѣ произошла страшная битва, напомнившая всѣмъ Ледовое побоище. Такъ же, какъ на льду Чудского озера, Русь, одушевляемая „храбрствомъ великаго князя Дмитрія“, сломила желѣзный строй рыцарей „великіе свиніи“,

такъ же гнала ихъ, устилая землю трупами, на протяженіи семи верстъ, и только темная ночь прекратила побоище. Видно, духъ Александра еще былъ живъ въ новгородцахъ и псковичахъ!...

Во Псковѣ дѣло Александра продолжалъ доблестный Довмонтъ, бывшій литовскій удѣльный князь, бѣжавшій изъ Литвы и нашедшій на Руси вторую родину. Получивъ при св. крещеніи имя Тимоѳея и сдѣлавшись псковскимъ княземъ, Довмонтъ поспѣшилъ породниться съ домомъ Невскаго, память котораго была священною для псковичей, женившись на внучкѣ Александра, дочери Димитрія Александровича. Такъ какъ Довмонтъ со своими псковичами также участвовалъ въ славной раковорской битвѣ и сильно опустошилъ раковорскую область до самаго моря, на другой годъ магистръ ордена Отто-фонъ-Роденштейнъ собралъ ополченіе и, подступивъ къ Пскову, началъ громить городъ стѣнобитными орудіями. Въ 1269 году во Псковѣ какъ бы повторились памятные дни весны 1242 года. Такъ же, какъ тогда, горячо молились граждане въ соборномъ храмѣ Св. Троицы, вмѣстѣ со своимъ княземъ, который, подобно Невскому, не полагаясь на силы человѣческія, смиренно сложилъ свой мечъ у олтаря. По окончаніи богослуженія, игуменъ препоясалъ князя этимъ мечемъ и благословилъ на брань

за вѣру и родину. „Слышалъ я о мужествѣ вашемъ, восклицалъ Довмонтъ, ободряя свою дружину напоминаніемъ о Ледовомъ побоищѣ. Потягнемъ, братья, за Св. Троицу и св. церкви и за свое отечество!“ Одушевленные надеждою на помощь свыше, псковичи сдѣлали геройскую вылазку и причинили большой уронъ непріятелю, а вѣсть о приближеніи новгородцевъ заставила магистра поспѣшить отступленіемъ.

Ничто такъ ясно не говоритъ намъ, сколь „честно и грозно“ было имя Александра у западныхъ сосѣдей Россіи, какъ то обстоятельство, что немедленно послѣ удаленія его изъ Новгорода всѣ они поочереди начинаютъ усиленно нападать на русскія области. Шведы также не захотѣли отстать отъ ливонцевъ и литовцевъ. Не довольствуясь распространеніемъ своей власти и католичества въ Финляндіи, они не переставали думать о захватѣ новгородскихъ владѣній. Въ 1256 году, собравъ большія силы, шведы въ союзѣ съ датчанами, подъ начальствомъ Дитмана, появились на берегахъ Наровы и стали здѣсь чинить крѣпость; новгородцы были поражены дерзостью непріятелей и немедленно отправили посольство къ великому князю съ просьбой о помощи. Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе затруднительно, что у нихъ не было вождя. Княжившій въ Новгородѣ Василій Александровичъ нахо-

дился въ то время во Владимірѣ у отца. Но, извѣстивъ Александра, новгородцы и сами не бездѣйствовали, можетъ быть изъ опасенія, что Александръ, занятый въ то время весьма важными переговорами съ татарами объ исчисленіи русскаго народа съ цѣлію опредѣленія количества дани, или не поспѣетъ прибыть во-время съ полками суздальской земли или и совсѣмъ не будетъ имѣть возможности оказать имъ необходимой помощи. Изъ Новгорода разосланы были гонцы во всѣ волости съ призывомъ къ поголовному ополченію. Призывъ не пропалъ даромъ: быстро собирались отовсюду полки, и силы возрастали. Уже приготовленія новгородцевъ настолько напугали враговъ, что они поспѣшили по добру по здорову убраться за море, оставивъ свою крѣпость недостроенною. Но дерзкая попытка не должна была остаться безнаказанной. Какъ ни занятъ былъ въ то время Александръ, онъ рѣшился проучить старинныхъ враговъ своихъ и добиться во что бы то ни стало прекращенія враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Онъ рѣшился лично явиться на помощь новгородцамъ.

Предпріятіе 1256 года весьма замѣчательно. Что самъ Александръ придавалъ ему серьезное значеніе, видно изъ того, что онъ взялъ съ собою митрополита Кирилла, какъ бы давая понять, что дѣло касается

не одного Новгорода. Далѣе — самыя дѣйствія Александра во время похода, какъ увидимъ, весьма любопытны и знаменательны, обнаруживая его планы, клонившіеся не къ одному только отраженію нападавшихъ враговъ. Въ Новгородъ Александръ прибылъ зимою съ полками суздальскими и присоединилъ къ нимъ дружины новгородскія. Ясно было, что, несмотря на суровое время года, князь отправляется въ походъ, но—куда? Этого никто не зналъ. „Не вѣдяху, гдѣ князь идетъ“... Ходили слухи, можетъ быть и намѣренно распускаемые, что дѣло идетъ о войнѣ съ Чудью, какъ русскіе называли финновъ, но навѣрное никто ничего не могъ сказать. Александръ, видимо, скрывалъ цѣль предпріятія, на что, разумѣется, онъ имѣлъ свои причины. Въ самомъ дѣлѣ, можно было опасаться, что, узнавши о трудностяхъ дальняго похода, новгородцы, несмотря на присутствіе представителя высшей духовной власти, выкажутъ нежеланіе слѣдовать за княземъ и подвергаться всѣмъ предстоявшимъ лишеніямъ. Не менѣе важно было и отъ враговъ скрыть конечныя цѣли похода. Окончивъ приготовленія и по своему всегдашнему обыкновенію помолившись у св. Софіи, Александръ приказалъ войскамъ выступать къ Копорью. Митрополитъ также шелъ съ войскомъ... Въ Копорьѣ князь остановился,

чтобы дать необходимый отдыхъ войску въ виду предстоявшихъ ему трудовъ. Здѣсь только всѣ узнали, что пойдутъ въ Финляндію, что князь вознамѣрился покарать шведовъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Немедленно среди буйныхъ новгородцевъ начались волненія. Многіе изъ нихъ по торговымъ дѣламъ, конечно, посѣщали Финляндію и были знакомы съ этой страной. Зачѣмъ было идти въ эту „страну озеръ“ и чародѣевъ, гдѣ высятся гранитныя скалы, горныя цѣпи, поросшія лѣсами „дремучими“, гдѣ завываютъ вѣтры „буйные“, гдѣ въ безчисленномъ множествѣ затрудняютъ путь болота „стоячія“, и озера „бурныя“, гдѣ рѣки „свирѣпыя“ шумятъ водопадами, гдѣ царствуютъ туманы непроглядные? Что дѣлать въ этой странѣ вѣчнаго мрака въ зимнее время, когда не отличить дня отъ ночи во время короткаго тусклаго просвѣта? Чѣмъ воспользоваться въ этой странѣ съ ея скудной, однообразной растительностью, съ жалкими деревушками, ютящимися въ прогалинахъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, состоящими изъ избъ-землянокъ, похожихъ на шалаши? Правда, шведы, покоряя эту страну, постоянно готовы нападать и на новгородскія земли, но развѣ не миновала опасность? Развѣ одни приготовленія Великаго Новгорода не устрашили дерзкихъ враговъ? Такіе толки раздавались по лагерю,

смущая и суздальскіе полки. Но любовь и довѣріе къ славному вождю превозмогли недовольство. Незначительная часть новгородцевъ, правда, оставила князя, но большая часть войска изъявила полную готовность повиноваться и слѣдовать за своимъ вождемъ, куда ни поведетъ. Александръ не препятствовалъ уходу недовольныхъ, находя, быть можетъ, что удаленіе вредныхъ элементовъ принесетъ даже пользу среди предстоящихъ трудностей.

Въ Копорьѣ митрополитъ благословилъ князя и войско и возвратился въ Новгородъ. Александръ двинулся въ путь.

Финны, населяющіе южную Финляндію, дѣлятся на двѣ семьи: въ юго-западной части живутъ тавасты, „Чудь бѣлоглазая“. Свѣтлокудрые, съ голубыми глазами, широкимъ лицомъ и носомъ, коренастые, широкоплечіе — они представляютъ собою типичныхъ финновъ. Вялые, неповоротливые, угрюмые, злопамятные и подозрительные, вѣчно молчаливые—они слыли за колдуновъ и чародѣевъ. Между тавастами свое вліяніе распространяли шведы. Въ восточной части Финляндіи жили корелы, болѣе стройные, съ правильными чертами лица, съ сѣровато-синими глазами, съ густыми темнорусыми волосами, ниспадавшими локонами на плечи. Въ духовномъ отношеніи корелы гораздо живѣе, общительнѣе, дѣятельнѣе тавастовъ,

добродушны и ласковы. Между ними новгородцы распространяли свое влiянiе и даже окрестили ихъ въ православную вѣру въ началѣ XIII столѣтiя. Корелы не разъ въ союзѣ съ новгородцами боролись противъ шведовъ. Въ 1187 и 1188 годахъ они вторгались даже въ предѣлы Швецiи, проникали въ Меларское озеро, умертвили епископа упсальскаго, сожгли и разорили городъ Сигтуну. Впослѣдствiи такой же участи подверглись городъ Або и другiя шведскiя владѣнiя въ Финляндiи. Корелы враждовали и съ тавастами, владѣнiя которыхъ раньше простирались далѣе на востокъ, между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной. Къ тавастамъ же принадлежало, повидимому, и племя ямь или емь, часто заодно со шведами нападавшее на владѣнiя новгородцевъ.

Потерпѣвъ въ 1240 году пораженiе на берегахъ Невы, Биргеръ далеко не отказался отъ своихъ плановъ и рѣшился достигнуть ихъ болѣе осторожнымъ и обдуманнымъ образомъ дѣйствiй. Такъ, онъ въ 1242 году выстроилъ замокъ Тавастгусъ, въ обезпеченiе шведской власти въ Финляндiи. Въ 1249 году неутомимый ярлъ рѣшилъ окончательно закрѣпить за шведами всю Финляндiю и для этой цѣли вступилъ въ союзъ съ ливонскими нѣмцами. Рижскiй епископъ, по благословенiю папы Александра IV, задумывалъ уже учредить

новую латинскую епископскую каѳедру въ финскихъ земляхъ, находившихся подъ вліяніемъ Новгорода, среди кореловъ и соплеменныхъ имъ ингровъ. Для выполненія этого плана рѣшено было оттѣснить новгородцевъ и для прочности дальнѣйшихъ дѣйствій противъ нихъ основать на рѣкѣ Наровѣ крѣпость. Дѣло шло такимъ образомъ о полномъ подчиненіи всей Финляндіи шведамъ и католицизму и объ устраненіи вліянія русскихъ среди финновъ. Прочно покоренная страна должна была, очевидно, сдѣлаться базисомъ, откуда уже можно было приступить и къ захвату новгородской земли.

Видно, что Александръ Ярославичъ слишкомъ хорошо зналъ о положеніи дѣлъ, что, несмотря на сопротивленіе близорукихъ новгородцевъ, на свои трудныя обстоятельства и на суровое время года, рѣшился предпринять походъ въ Финляндію. Приходилось идти мало знакомой мѣстностью. Къ счастью, между туземцами нашлись проводники, такъ называемые шестники, которые шли съ войскомъ; но и они, не смотря на привычность къ условіямъ мѣстности, гибли въ большомъ количествѣ при страшныхъ переходахъ по пустыннымъ ущельямъ горъ и топкимъ болотамъ. „Бысть золъ путь, говоритъ лѣтописецъ, акы же не видали ни дня ни ночи“. Но могучая воля Александра и самоотвер-

женіе воиновъ преодолѣвали всѣ трудности. Въ сумерки, почти ощупью, терпя недостатокъ во всемъ, войско однако бодро подвигалось впередъ. Великій князь раздѣлялъ съ войсками всѣ лишенія, одушевляя ихъ своимъ примѣромъ. И вотъ, неожиданно явившись въ непріятельской странѣ, Александръ, по выраженію историка, „прошелъ по ней, какъ Божія гроза, изъ края въ край“. Шведы, пораженные ужасомъ, или бѣжали на родину или попрятались въ укрѣпленіяхъ. По крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ объ ихъ дѣйствіяхъ во время похода. Оставленные ими на произволъ русскихъ, туземцы могли оказать только слабое сопротивленіе. Опустошительнымъ ураганомъ пронеслись русскіе по странѣ и по всему поморью и возвратились въ Новгородъ съ большой добычей.

„Мы положительно ничего не знаемъ, что имѣлъ въ виду Александръ Ярославичъ, предпринимая походъ противъ шведовъ, говоритъ одинъ изъ жизнеописателей Александра. Быть можетъ, кромѣ желанія наказать ихъ за нарушеніе правъ народа, онъ имѣлъ еще что-нибудь и другое въ виду; можетъ быть, въ его свѣтлой головѣ зародилась та же мысль, которая черезъ четыре съ половиною столѣтія была осуществлена Петромъ Великимъ“... Во всякомъ случаѣ, походъ въ Финляндію достигъ своей прямой цѣли, разрушивъ всѣ планы нашихъ враговъ, которые

должны были убѣдиться, что ни отдаленность, ни трудности не въ состояніи остановить могучей воли, управлявшей судьбами Россіи... Впечатлѣніе этого похода вѣроятно было весьма сильно. „Славна бысть земля страхомъ и грозою его". Только 37 лѣтъ спустя шведы осмѣлились снова начать враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, но тогда обстоятельства на Руси уже сильно измѣнились... Можно сказать, Новгородъ и его обширная область навсегда были спасены для Россіи, благодаря подвигамъ Александра. Богатырь древней Руси чрезъ рядъ вѣковъ подаетъ руку богатырю новой: Петръ началъ съ того, чѣмъ окончилъ Александръ.

Но отражая враждебныя нападенія, въ то же время Александръ, насколько хватало у него досуга, далеко не прочь былъ способствовать сближенію европейцевъ съ русскими; напротивъ, мы видимъ въ его дѣятельности черты, показывающія, что онъ хорошо понималъ пользу, которую могли европейцы оказать русскимъ своими познаніями, искусствомъ, ремеслами и т. п. Посольство въ Норвегію къ Гакону несомнѣнно обнаруживаетъ попытку завязать дружественныя связи съ европейскими государями. Громкая слава и обходительность Александра не мало иностранцевъ привлекала къ нему на службу; по свидѣтельству лѣтописца, онъ былъ кормитель и своимъ и чужимъ... Не

его вина, что ему пришлось вести болѣе войны, чѣмъ устраивать мирныя связи съ европейцами!

Закончимъ нашъ очеркъ отношенiй Александра къ Западу за время его великаго княженiя словами поэта:

О витязь, дѣлами твоими
Гордится великiй народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтiя всѣ перейдетъ! (А. Толстой).

XV.

Заслуги св. Александра предъ Россіей по отношенію къ монголамъ.—Положеніе монгольской державы.— Первыя попытки обложенія данью.—Указы верховнаго хана.— Великіе труды св. Александра. Значеніе данничества.—Повинности русскаго народа.—Устраненіе вмѣшательства монголовъ въ дѣла внутренняго управленія.

Радуйся, яко оградилъ еси люди твоя отъ зловреднаго съ невѣрными общенія!

Нельзя исчислить всѣхъ благодѣяній оказанныхъ Провидѣніемъ нашему отечеству въ продолженіе его прошедшей жизни. Особенно ясно небесное покровительство проявлялось въ трудныя годины нашей исторіи. Благо намъ, если мы чаще будемъ вспоминать это и, неизмѣнно вѣруя въ высшее руководительство судьбами людей и народовъ, уповать не на одни только человѣческіе успѣхи и усилія! Можемъ ли считать однимъ случайнымъ совпаденіемъ то обстоятельство, что въ самую трудную эпоху монгольскаго ига, въ первое его двадцатилѣтіе, когда характеръ отяготѣвшаго надъ нами иноплеменнаго владычества только что опредѣлял-

ся, когда только что намѣчались наши отношенія къ монголамъ, судьбы Россіи находились въ рукахъ Александра? нѣтъ,

...не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ!

(Майковъ).

Что Александръ заслонилъ и избавилъ наше отечество отъ конечнаго порабощенія, сумѣлъ предотвратить новые страшные погромы и удержать татаръ вдали, не допустивъ ихъ разселиться по русской землѣ и завести свои порядки, что вся наша зависимость выразилась въ видѣ внѣшней покорности и дани, что мы сохранили неприкосновенными свой родной языкъ, свое политическое устройство, свое управленіе и свой судъ, что православная вѣра, какъ была, такъ и осталась главной воспитательной силой русскаго народа, что благодаря всему этому мы сохранили возможность возстановленія своихъ силъ и дальнѣйшаго ихъ развитія—всѣмъ этимъ въ значительной степени мы обязаны дѣятельности Александра, а это такая заслуга, которой Россія не забудетъ никогда, какъ бы ни было велико ея міровое значеніе въ настоящемъ и въ грядущіе вѣка, какъ не забываетъ сынъ своей матери, хранившей его своею любовію въ годы безпомощнаго дѣтства!

Завоевательный пылъ, одушевлявшій монголовъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій

со временъ Чингизъ хана, со второй половины XIII столѣтія уже значительно ослабѣлъ: за все это время монголы со страстью предавались расширинію своего владычества, сопровождая свои походы страшнымъ грабительствомъ и безпощаднымъ истребленіемъ населенія. Наконецъ верховный ханъ Менгу пришелъ къ мысли о томъ, чтобы крѣпче связать отдѣльныя земли своей громадной имперіи, раскинувшейся на необъятномъ пространствѣ отъ береговъ Великаго океана до Карпатскихъ горъ. Но было уже поздно... Монгольской державѣ уже грозила участь, подобная той, которой подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только знаетъ исторія съ отдаленныхъ временъ библейской древности: изнѣженность повелителей, внутреннія междоусобія и кровавыя распри за престолъ всегда быстро вели ихъ къ распаденію. Невозможность сосредочить въ одномъ центрѣ всѣ нити управленія громадными подвластными землями становилась все очевиднѣе, интересы верховнаго хана и хановъ—подручниковъ все болѣе расходились. Стремленія послѣднихъ къ большей самостоятельности совпали съ стремленіями отдѣльныхъ народовъ, покоренныхъ монголами, къ возвращенію себѣ свободы отъ иноземнаго владычества. Страна за страною, едва оправившись отъ послѣдствій страшныхъ погромовъ, какъ и слѣ-

довало ожидать, поднимались противъ завоевателей. Правда, эти попытки вначалѣ были подавляемы съ страшной свирѣпостью. Такъ напримѣръ, Гулагу, братъ Менгу, получилъ въ свое распоряженіе пятую часть монгольскихъ силъ и вновь разгромилъ Персію и Сирію, при чемъ множество городовъ еще разъ были обращены въ развалины. Но, усмиривъ эти страны, Гулагу объявилъ себя независимымъ властителемъ Персіи, принявъ титулъ Ильхана. Въ предѣлахъ Кипчакской орды также показывались признаки разложенія. Ногай, одинъ изъ подручниковъ кипчакскаго хана, властвовавшій надъ ордами, кочевавшими къ сѣверу отъ Чернаго моря, провозгласилъ себя самостоятельнымъ ханомъ и вступилъ въ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, который, изгнавъ латинцевъ изъ Константинополя, возстановилъ Византійскую имперію. Союзъ былъ скрѣпленъ родственными узами: Михаилъ выдалъ свою дочь Евфросинію за Ногая... Отъ проницательнаго взора Александра, безъ сомнѣнія, не укрылись признаки безпорядковъ, грозившихъ гибелью имперіи монголовъ.

Первыя попытки воспользоваться правомъ завоевателей со стороны монголовъ мы видимъ еще въ первые годы княженія Ярослава. „Побѣжденные, говоритъ Плано Карпини, обязаны давать монголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско и слу-

жить орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу своего съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а неплатящіе должны быть рабами монголовъ". Но это первое появленіе ханскаго посла, какого-то мусульманина, для сбора дани скорѣе можно назвать просто грабительскимъ набѣгомъ съ цѣлію нахватать какъ можно больше добычи и плѣнныхъ, чѣмъ серьезной попыткой установленія какихъ-нибудь условій зависимости. Не могло быть рѣчи даже относительно опредѣленія извѣстнаго количества дани, вносимой русскими. Монголы все еще продолжали довольствоваться покорностью завоеванныхъ странъ, неопредѣленнымъ количествомъ дани и подарками, доставляемыми изъ Россіи князьями. Но Менгу, желая ввести большую опредѣленность въ отношенія между побѣдителями и побѣжденными, издалъ нѣсколько клонившихся къ этой цѣли указовъ, напримѣръ, относительно почты, налоговъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ должна быть произведена поголовная перепись всѣхъ жителей. Ни

Батыя, ни сына его Сартака въ живыхъ уже не было. Батый умеръ въ 1253 году, а Сартакъ вскорѣ былъ убитъ своимъ дядею Беркаемъ, который и объявилъ себя ханомъ съ согласія Менгу. Онъ-то и долженъ былъ позаботиться объ исполненіи распоряженій верховнаго хана на Руси, для чего и назначилъ вельможу Улавчія, съ которымъ непосредственно, равно какъ и съ послами верховнаго хана, должны были имѣть дѣло русскіе князья. Наши лѣтописи не говорятъ о томъ, какія требованія къ русскимъ должны были предъявить татары въ силу распоряженій верховнаго хана. Вѣроятно, эти требованія были обширны и клонились ни болѣе, ни менѣе, какъ къ уничтоженію всякаго слѣда независимости русской земли и къ окончательному включенію ея въ разрядъ вполнѣ подвластныхъ земель. Кто знаетъ, можетъ быть, нашему отечеству грозила участь Камской Болгаріи или земли половецкой, безслѣдно затерявшихся среди народностей, нахлынувшихъ изъ Азіи. Останутся ли наши князья на положеніи болѣе или менѣе самостоятельныхъ правителей въ утвержденныхъ за ними удѣлахъ или, устранивъ ихъ, монголы захотятъ сами взять правленіе въ свои руки, поселившись на Руси съ своими полчищами? Но не предполагая даже этого крайняго, однако вовсе не невѣроятнаго, бѣдствія, можно было опасаться, что мон-

голы могутъ сильно стѣснить дѣятельность князей постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла внутренняго управленія, въ гражданскій судъ, въ военное дѣло. Наконецъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ размѣрахъ будутъ установлены повинности русскихъ, не лягутъ ли онѣ слишкомъ тяжелымъ бременемъ на не успѣвшій еще оправиться народъ? Не грозитъ ли ему такое рабство, которое, убивъ въ немъ всѣ высшія стремленія, низведетъ въ положеніе безправныхъ рабовъ, на подобіе райи въ славянскихъ земляхъ, покоренныхъ турками? Подобнаго рода опасенія и тяжелыя думы, безъ сомнѣнія, волновали душу Александра при вѣсти о готовившихся событіяхъ. Что онъ могъ противопоставить съ своей стороны властолюбію и алчности завоевателей? Какъ поладить съ варварами, признающими лишь одинъ аргументъ—силу? Безъ сомнѣнія, не мало слезъ пролилъ въ пламенной молитвѣ предъ Богомъ Александръ Ярославичъ, прося вразумленія, помощи и небеснаго покровительства своему отечеству и православнымъ людямъ. Въ значительной степени онъ могъ разсчитывать на расположеніе къ себѣ монгольскихъ властителей и ихъ вельможъ, на свои связи и знакомство съ вліятельными лицами, которыя онъ постарался пріобрѣсти во время своихъ путешествій въ Кипчакъ и въ Монголію, могъ

еще разъ съ большимъ успѣхомъ, въ качествѣ великаго князя, ходатайствовать за свой народъ. Внимательное изученіе характера и быта монголовъ и пріобрѣтенное опытомъ умѣнье обращаться съ ними также могли давать ему надежду на болѣе или менѣе благопріятное разрѣшеніе предстоявшихъ задачъ. „Здѣсь Александръ долженъ былъ напрячь всѣ силы своего необыкновеннаго ума, чтобы сколько-нибудь отстоять права Руси и не довести народъ до совершеннаго разоренія. Здѣсь онъ долженъ былъ работать какъ для настоящаго облегченія подданныхъ, такъ и для будущей возможности возстановить самостоятельность и независимость государства. Отъ его тогдашнихъ соображеній и умѣнья вести дѣла съ татарами почти рѣшительно зависѣла будущая судьба Россіи“. Не пренебрегъ онъ воспользоваться хорошо ему извѣстною жадностью варваровъ: и онъ самъ, и по его порученію русскіе князья, особенно сыновья Василька Константиновича, Борисъ и Глѣбъ, часто путешествовали съ богатыми дарами то въ Кипчакскую Орду, то въ Великую Монголію къ верховному хану и его министрамъ, то къ Улавчію. Одинъ изъ братьевъ Глѣбъ Васильковичъ даже женился въ Монголіи, вѣроятно на какой-нибудь монгольской княжнѣ, принявшей христіанство, надѣясь „симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды утѣс-

ненному отечеству". Главное вниманіе Александра, кажется, было устремлено на то, чтобы какъ можно болѣе расположить въ свою пользу тѣхъ лицъ, которымъ было поручено исполненіе ханскихъ указовъ, но, судя по продолжительности и трудности хлопотъ, по многочисленности поѣздокъ въ Орду, можно полагать, что монголы долго не сдавались, настаивая на строгомъ примѣненіи ханскихъ указовъ. Предварительные переговоры, по словамъ нашихъ лѣтописей, тянулись въ теченіе двухъ лѣтъ, а по монгольскимъ извѣстіямъ — четыре года, отъ 1253—1257 гг., что гораздо вѣроятнѣе. Каждый шагъ впередъ въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ стоилъ дорого. Уступки дѣлались постепенно. Не зная содержанія самыхъ переговоровъ, мы можемъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Разсчитывая на корыстолюбіе монголовъ, Александръ могъ внушать имъ, что естественныя богатства Россіи велики, трудолюбивое населеніе можетъ воспользоваться ими, чтобы угодить своимъ повелителямъ и богатыми данями заслужить ихъ милостивое покровительство. Но для этого не слѣдуетъ доводить народъ до отчаянія, не слѣдуетъ нарушать привычнаго теченія его жизни какими бы то ни было нововведеніями, оскорблять его вѣру, необходимо оставить управленіе въ рукахъ князей, которые сжились

съ народомъ и которымъ онъ привыкъ повиноваться. Гораздо удобнѣе для монголовъ имѣть дѣло съ князьями, чѣмъ непосредственно съ народомъ, возложивши на князей отвѣтственность за покорность народа и исправное исполненіе повинностей. Большія перемѣны могутъ вызвать возстанія, которыя поведутъ къ новымъ погромамъ, къ истребленію народонаселенія и окончательному опустошенію страны. Безъ сомнѣнія, всѣ подобные доводы оказали бы мало дѣйствія на татарскихъ сановниковъ, если бы не были подкрѣпляемы щедро разсыпаемыми дарами и всѣмъ обаяніемъ личныхъ достоинствъ Александра, который умѣло пользовался всѣми сторонами характера монголовъ, своей прямотой усыпляя ихъ подозрительность, смиреніемъ и покорностью дѣйствуя на ихъ надменность, располагая ласковымъ обращеніемъ къ благодушному настроенію. Не даромъ Александръ представляетъ собою характерный типъ истинно-русскаго человѣка, а давно уже замѣчено, что русскіе обладаютъ особеннымъ умѣньемъ ладить съ азіатами.

Переговоры первоначально, кажется, происходили въ Россіи, но затѣмъ Александръ, захвативъ съ собою племянника Бориса Васильковича ростовскаго и брата Андрея, которому успѣлъ вымолить прощеніе, отправился въ Орду. При немъ же находи-

лисъ и послы В. Новгорода Елевферій и Михаилъ Пинешиничъ, такъ какъ монголы, хотя и не были въ Новгородѣ, ни за что не соглашались оставить богатый городъ безъ обложенія данью наравнѣ съ другими городами Россіи. Въ Ордѣ указы верховнаго хана разрѣшены были въ формѣ болѣе или менѣе благопріятной для Россіи. „Сановники монгольскіе, убѣжденные и подкупленные Александромъ, успѣли представить хану дѣла въ такомъ видѣ, что онъ согласился ограничить опредѣленіе отношеній Россіи къ монголамъ почти единственно исчисленіемъ народа и раскладкою условной дани и нѣкоторыми повинностями подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ собственно сборомъ податей и исправнымъ отправленіемъ повинностей съ тѣмъ, чтобы всѣми прочими дѣлами по управленію завѣдывали утверждаемые ханомъ природные русскіе князья, которымъ даже предоставлено было право вести войну и заключать миръ съ кѣмъ угодно, безъ всякихъ отношеній къ хану, какъ государямъ самостоятельнымъ и независимымъ".

По окончаніи всѣхъ переговоровъ Александръ, хотя нравственно и физически измученный, спѣшилъ возратиться въ отечество: онъ живо сознавалъ необходимость подготовить народъ къ пріѣзду татарскихъ численниковъ. Какое-либо проявленіе на-

роднаго неудовольствія, малѣйшая неосторожность могли погубить всѣ плоды долгихъ усилій. Дѣйствительно, зимою 1257 года прибыли численники и изочли „всю землю суздальскую и рязанскую и мюромьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и идоша въ орду, толико не чтоша игуменовъ, черньцевъ, поповъ, крилошанъ, кто зритъ на Св. Богородицу и на Владыку". Тяжело было нашимъ предкамъ подвергаться поголовному исчисленію: чувство народной чести и независимости еще живо было въ сердцахъ русскихъ, но, скрѣпя сердце, приходилось покоряться горькой необходимости. Вполнѣ сочувствуя скорби народной, мы однако не должны забывать, что не одному русскому народу суждено проходить ту или другую, болѣе тяжелую или болѣе легкую, школу историческаго воспитанія. Западные европейцы проходили ее въ то время въ тяжкой формѣ *феодальнаго гнета*, лишавшаго населеніе не только имущества, но и свободы. Насъ постигло *данничество*, форма зависимости сравнительно болѣе легкая. Извѣстный писатель, выясняя значеніе зависимости въ ходѣ историческаго воспитанія народовъ, говоритъ, что „зависимость играетъ въ народной жизни ту же роль, какую играетъ въ жизни индивидуальной школьная дисциплина или нравственная аскеза, которыя пріучаютъ чело-

вѣка обладать своею волею, подчинять ее высшимъ цѣлямъ". Великіе подвижники, подвергаясь посту, исполненію обѣтовъ, послушничеству и всѣмъ лишеніямъ пустыннической жизни, воспитываютъ свою плоть въ послушное орудіе духа и, торжествуя надъ стремленіями грѣховной природы, становятся способными на всякій подвигъ для исполненія воли Божіей. „Такой же характеръ имѣетъ и та историческая или политическая аскеза, заключающаяся въ различныхъ формахъ зависимости, которую выдерживаетъ народъ, предназначенный для истинно-исторической дѣятельности. Эта зависимость, пріучающая подчинять свою личную волю какой-либо другой (хотя бы и несправедливой), для того, чтобы личная воля всегда могла и умѣла подчиняться той волѣ, которая стремится къ общему благу,— имѣетъ своимъ назначеніемъ возведеніе народа отъ *племенной воли къ состоянію гражданской свободы*". Такъ, премудрость міродержавнаго Промысла обращаетъ самое зло къ достиженію благихъ и полезныхъ цѣлей. Тяжкіе уроки исторіи и жизни сокрушаютъ человѣческую гордыню и заставляютъ подчиняться высшему нравственному закону. Не съ большимъ ли смысломъ и чувствомъ преданности произноситъ человѣкъ, горькимъ опытомъ извѣдавшій тщету однихъ человѣческихъ усилій, святыя слова: „Да

будетъ воля твоя!“ Наши смиренные лѣтописцы выражаютъ тотъ же законъ исторіи и жизни, когда, повѣдавши объ исчисленіи и обложеніи народа данями, прибавляютъ: „Се же все бысть на Русьской земли грѣхъ ради нашихъ“.

Краснорѣчивые проповѣдники тѣхъ временъ также старались разъяснить народу смыслъ постигшихъ его несчастій.

„Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ наказаній мы не претерпѣли отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время пали мертвы на землѣ отцы и братья наши?.. А мы, оставшіеся, не порабощены ли горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ?.. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. *Что же довело насъ до этого?—Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность*“.

„Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ, лютый, народъ не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей, ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались до-

бычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ добычу птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другихъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ... Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость.. *Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резоиманія (ростовщичества)*".

Такъ смотрѣли наши лучшіе люди того времени на постигавшія русскую землю бѣдствія, такими же мыслями руководился, безъ сомнѣнія, и благовѣрный князь, стоявшій во главѣ русскаго народа въ то тяжкое время, смиренно признавая въ грозныхъ испытаніяхъ проявленіе Высшей Воли и лишь заботясь о томъ, чтобы тяжкіе удары окончательно не сломили народныхъ силъ.

Въ числѣ земель, подвергшихся исчисленію, не упомянуты сѣверныя области: Нов-

городъ и Псковъ. Но перепись и тамъ, какъ увидимъ ниже, была уже рѣшена и только отложена до поры до времени. Приднѣпровье оставлено безъ исчисленія вѣроятно по его запустѣлости, вслѣдствіе татарскихъ погромовъ и непрестанныхъ литовскихъ набѣговъ. „Жителей вездѣ мало, писалъ папскій посолъ, проѣзжая близъ Кіева: они истреблены монголами или отведены въ плѣнъ“.

Изъ общаго исчисленія исключалось православное духовенство. Это истекало изъ извѣстнаго уже намъ покровительственнаго отношенія монголовъ къ вѣрѣ подвластныхъ народовъ. Ханы не только не стѣсняли вѣры нашихъ предковъ, напротивъ—считали своей обязанностію охранять ее, и въ своихъ ярлыкахъ русскому духовенству, дарованныхъ въ защиту его правъ, говорили: „Кто будетъ хулить вѣру русскихъ или ругаться надъ нею, тотъ ничѣмъ не извинится, а умретъ злою смертью“.

Относительно самой дани мы не находимъ въ лѣтописяхъ подробныхъ извѣстій. Извѣстно, что подати въ татарскихъ земляхъ были многочисленны и разнообразны. Съ покоренныхъ народовъ взимались: десятина (десятая часть хлѣбнаго сбора), тамга и мытъ (пошлины съ торгующихъ купцовъ и провозимыхъ товаровъ), поплужное, ямъ, подводы и кормъ (обязанность доставлять

подводы и съѣстные припасы татарскимъ посламъ, чиновникамъ и гонцамъ), мостовщина, рекрутство, сборъ рати, ловитва ханская, запросъ, дары, доходы, поминки. Со всѣми этими видами повинностей, за исключеніемъ развѣ воинской, предстояло ознакомиться и русскому народу.

Наконецъ, при исчисленіи народа, по словамъ лѣтописи, татары ставили десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ. Изъ лѣтописей и ярлыковъ, данныхъ духовенству, мы видимъ, что въ числѣ татарскихъ чиновниковъ на Руси еще упоминаются: баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы, послы, гонцы, сокольники, ловцы, пардусники, побережники, бураложники, заставщики, лодейники. По справедливому замѣчанію Бѣляева, мы не видимъ въ этомъ исчисленіи ни волостеля, ни воеводы, ни судьи, ни даже тіуна. Дѣйствительно, какъ показываютъ самыя названія, всѣ эти чиновники вовсе не участвовали во внутреннемъ управленіи русскаго народа. Возбуждаетъ вопросъ развѣ только одно изъ вышепоименованныхъ должностныхъ лицъ, именно баскакъ. Даруга и баскакъ обозначаютъ одно и то же—„давителя“. Такъ какъ даруга въ самой ордѣ завѣдывалъ сборомъ дани, то и баскакъ, очевидно, имѣлъ то же значеніе въ земляхъ покоренныхъ. Разсмотрѣніе различныхъ лѣтописныхъ извѣстій о

баскакахъ на Руси приводитъ къ тому заключенію, что и они также не были правителями. Начальствуя татарскими отрядами, размѣщенными въ главныхъ городахъ, они стояли на стражѣ ханской власти, съ обязанностью подавлять всякое сопротивленіе русскихъ, особенно при сборѣ дани, равно какъ и слѣдить за поведеніемъ князей, почему-либо возбудавшихъ подозрительность татаръ. Къ тому же—въ концѣ XIII столѣтія мы не встрѣчаемъ болѣе въ лѣтописяхъ извѣстій о баскакахъ—ясный знакъ, что ихъ уже не было на Руси. А чрезъ удаленіе баскаковъ и другихъ должностныхъ лицъ наши князья и совершенно освобождались отъ всякаго вліянія татаръ на свои распоряженія, „но и во время присутствія баскаковъ, по замѣчанію историка, мы не имѣемъ основанія предполагать большого вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія“.

Подводя итогъ всему, скажемъ словами историка, что „Россія. при опредѣленіи своихъ отношеній къ монгольскимъ ханамъ, во 1-хъ сохранила власть своихъ князей, которые сдѣлались такимъ образомъ посредниками между государствомъ и ханами; во 2-хъ ей оставлены были ея родные законы и собственный судъ во всѣхъ дѣлахъ, что въ особенности способствовало къ со-

храненію русской жизни и русскаго характера: въ 3-хъ ей предоставлена была неприкосновенность не только религіозныхъ вѣрованій, но даже и церковнаго устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности къ своему родному; и въ 4-хъ, наконецъ, Россія, по опредѣленію своихъ отношеній къ ханамъ, удержала за собою, какъ государство самостоятельное, право войны и мира безъ посредства хановъ и ихъ сановниковъ. Такимъ образомъ Александръ только однимъ умѣньемъ вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданіемъ времени достигъ того, что Россія, совершенно покоренная монголами и рѣшительно не имѣвшая силъ имъ противиться, получила отъ своихъ могущественныхъ повелителей, не поднимая оружія, права державы почти самостоятельной, т.-е. достигла того, чего не всегда добиваются другіе народы, даже послѣ упорной борьбы, и притомъ отъ повелителей не столько могущественныхъ, какими были монголы въ XIII столѣтіи. Очевидно, подати, поборы и разныя повинности, наложенныя на русскихъ монголами, были очень тяжелы, и народъ много долженъ былъ терпѣть отъ посланцевъ хана, особенно вначалѣ; но эта тягость была временна и, что важнѣе, за Россіею осталась ея народность, эта душа и жизнь государ-

ства. Четырехлѣтніе труды Александра въ переговорахъ съ ханами и ихъ сановниками не остались безъ успѣха. Конечно современники, можетъ быть, не замѣчали этого; но мудрый ратоборецъ за русскую землю зналъ, чего добивался, и посему вполнѣ заслуживаетъ благоговѣніе и благодарность потомства, которое, уже зная послѣдствія Александровыхъ заботъ, можетъ съ большею правдивостью оцѣнить его труды".

Окончивъ благополучно исчисленіе въ земляхъ рязанской, муромской и суздальской, распредѣливши дань между жителями и поставивъ сборщиковъ и надзирателей за исправностью платежа, татарскіе сановники отправились въ Орду, чтобы донести хану объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Немедленно отправился туда же и Александръ въ сопровожденіи русскихъ князей, съ тѣмъ, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать предъ ханомъ о добросовѣстномъ исполненіи русскимъ народомъ возложенныхъ на него повинностей и выразить хану чувство благодарности за милостивое отношеніе къ своему вѣрному улусу. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было еще разъ отблагодарить Улавчія и другихъ вельможъ, съ которыми Александръ имѣлъ дѣло. Ханъ принялъ русскихъ князей весьма милостиво, но, отпуская ихъ отъ себя, еще разъ рѣшительно выразилъ свою волю, что

въ числѣ подвластныхъ ему земель долженъ находиться и Великій Новгородъ...

Такимъ образомъ труднѣйшій подвигъ на половину былъ исполненъ, но то, что предстояло еще впереди, едва ли не было труднѣе. Не говоря уже о Новгородѣ, можно было опасаться, что жители и другихъ русскихъ областей едва ли спокойно понесутъ возложенное на нихъ бремя. Правда, страхъ предъ монголами былъ еще великъ, опасенія новыхъ погромовъ могли сдерживать населеніе въ предѣлахъ покорности. Но хватитъ ли народнаго терпѣнія для того, чтобы изо дня въ день, непрестанно чувствовать надъ собою гнетъ, жить вѣчно подъ страхомъ возмездія за малѣйшую неисправность, испытывать неизбѣжныя насилія и притѣсненія при сборѣ дани? Всѣ эти соображенія, конечно, приходили въ голову Александру, и онъ съ тяжелой, озабоченной думой возвращался на родину...

XVI.

Внутренняя политика св. Александра.—Мятежъ въ Новгородѣ 1255 г.—Волненія новгородцевъ по случаю требованія дани со стороны татаръ.— Благополучный исходъ ихъ.

Радуйся, и согрѣшившимъ противу тебе избавленнымъ тобою людемъ истинную любовь показавый!

Сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ, Александръ въ короткое время придалъ великокняжеской власти значеніе, еще небывалое дотолѣ, — значеніе властелина, предъ волею котораго падаетъ всякое противодѣйствіе его власти. Иначе и быть не могло: принимая на себя, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ, тяжкую отвѣтственность за судьбу своего народа въ эпоху, труднѣе которой не представляетъ русская исторія, для болѣе успѣшнаго рѣшенія предстоявшихъ ему великихъ задачъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать въ твердой увѣренности, что принимаемыя имъ мѣры будутъ имѣть надлежащую силу, что его труды не про-

падутъ даромъ. Какимъ образомъ онъ могъ бы, напримѣръ, заняться установленіемъ на будущее время отношеній между монголами и русскими, какъ могли бы сами монголы придавать серьезное значеніе переговорамъ съ Александромъ относительно повинностей русскаго народа, если бы не было увѣренности въ томъ, что великій князь сумѣетъ настоять на выполненіи принятыхъ имъ на себя, въ качествѣ главы своего народа, обязанностей? Такимъ образомъ сами обстоятельства располагали къ установленію сильной власти, и Александръ, какъ увидимъ, вполнѣ воспользовался ими. Встарину наши князья, собственно говоря, не были государями въ своей землѣ, ихъ скорѣе можно было назвать правителями, прочность положенія которыхъ зависѣла въ значительной степени отъ воли бояръ и народа, отъ количества приверженцевъ, отъ численности и преданности дружины и отъ разныхъ другихъ случайностей. Князья должны были постоянно быть на сторожѣ, постоянно заботиться о прочности своего положенія. Они могли добывать себѣ столъ, могли и лишаться его. Монголы съ своими понятіями о власти, утверждая русскихъ князей въ ихъ родовыхъ владѣніяхъ, сразу поставили княжескую власть въ иное отношеніе къ землѣ: князь становился независимъ отъ своихъ подданныхъ, отъ вѣча и т. д., стано-

вился государемъ, владѣльцемъ! Александръ отлично понялъ свое положеніе и, получая изъ рукъ хана великое княженіе, т.-е. по понятіямъ монголовъ верховную власть въ своемъ отечествѣ, началъ распоряжаться такъ, какъ будто дѣло происходило не въ XIII вѣкѣ, а въ XV, во времена Іоанна III и Василія III. Въ немъ сразу сказался истинный потомокъ великихъ суздальскихъ князей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III и въ то же время прародитель московскихъ самодержцевъ. „Важное значеніе Невскаго, говоритъ Соловьевъ, не ограничивается только подвигами его противъ шведовъ, нѣмцевъ и Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно татаръ: въ немъ съ перваго же раза виденъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ страшенъ Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи распоряжается по-отцовски, переяславскую область безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Димитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даніилу Москву, выморочный удѣлъ Михаила Хоробрита“.

Такъ быстро объединялись, подъ управленіемъ Александра, русскія земли, принимая видъ огромнаго государства, руководимаго единой могучей волей. Татары не мѣшали ему въ этой важной внутренней

работѣ. Ни одинъ князь на Руси не могъ отважиться на борьбу съ Невскимъ, который, въ случаѣ непослушанія, могъ лишать виновныхъ стола и ссылать на „низъ“, какъ это было, напримѣръ, съ его сыномъ Василіемъ. Но среди подвластныхъ ему земель нашлась одна область, которая сдѣлала было попытку освободиться изъ-подъ власти Александра. То былъ, какъ и слѣдовало ожидать, господинъ Великій Новгородъ. Говоря объ отношеніяхъ Новгорода къ суздальскимъ князьямъ и особенно къ отцу Александра Ярославу, мы видѣли, что Новгородъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ, долженъ былъ смириться предъ властью великаго князя и не далекъ былъ отъ того, чтобы стать простымъ удѣломъ Ярославова дома. Однако, въ скоромъ времени произошли обстоятельства, которыя повидимому обѣщали измѣнить положеніе Новгорода. Монгольское иго, очевидно, должно было отвлечь надолго вниманіе князей отъ дѣлъ новгородскихъ. Далѣе, покоряя русскую землю, татары не тронули Новгорода, который поэтому и считалъ себя неподчиненнымъ татарскому владычеству, отяготѣвшему надъ остальной Русью. Наконецъ, славныя побѣды новгородцевъ надъ шведами и нѣмцами еще болѣе подняли духъ вольнолюбивыхъ гражданъ. Все это породило въ новгородцахъ надежды на возстановленіе старыхъ поряд-

ковъ, когда въ Новгородѣ не признавали иной высшей власти, кромѣ вѣча, когда Новгородъ, въ числѣ русскихъ земель, считался почти самостоятельнымъ государствомъ... Но пока Невскій находился среди новгородцевъ, такимъ стремленіямъ трудно было обнаружиться. Князь, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ и любовью народа, былъ слишкомъ тяжелъ для новгородцевъ; ему нельзя было указать пути изъ Новгорода... Александръ правилъ тамъ, вовсе не думая подчиняться волѣ своенравнаго вѣча, вполнѣ самостоятельно. Сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ, Александръ продолжалъ держать Новгородъ въ строгой зависимости, назначая князьями туда своихъ сыновей, которыхъ скорѣе можно было назвать его намѣстниками. Вначалѣ новгородскимъ княземъ, какъ мы видѣли, былъ Василій Александровичъ, успѣвшій въ короткое время отличиться своими подвигами въ борьбѣ съ Литвою и ливонскими нѣмцами. Но уже самое отсутствіе Александра дало просторъ для возобновленія прежде всего борьбы партій. Въ 1243 году въ Новгородѣ скончался посадникъ Степанъ Твердиславичъ, представляющій единственный въ исторіи Новгорода, примѣръ посадника, остававшагося на своемъ посту 13 лѣтъ и умершаго при своей должности. При Василіи мы видимъ посадникомъ Ананію, слывшаго

ревностнымъ защитникомъ старыхъ новгородскихъ правъ и вольностей. Но сынъ Степана Твердиславича Михаилъ задумалъ перехватить у Ананіи званіе перваго сановника въ городѣ и началъ вербовать себѣ приверженцевъ. Въ Новгородѣ начались смуты. Все чаще слышалась рѣчь о томъ, что пора прекратить унизительную для чести города зависимость отъ Суздаля и позаботиться о возстановленіи всѣхъ старыхъ вольностей. Василій Александровичъ — храбрый князь, но онъ—не избранникъ Великаго Новгорода, ставленникъ и намѣстникъ великаго князя и послушный исполнитель его воли. Такой князь не можетъ княжить въ Новгородѣ! Всѣмъ извѣстна преданность новгородцевъ Александру, но св. Софія и Великій Новгородъ для нихъ еще дороже. Время промыслить себѣ такого князя, который зависѣлъ бы только отъ народной воли и ни отъ кого болѣе!.. Такія рѣчи были любы большинству народа, мало понимавшаго, что воля, о которой такъ заботятся,— не воля, а своеволіе!

Задумавши освободиться отъ власти великаго князя, новгородцы заблаговременно позаботились и о томъ, чтобы въ случаѣ разрыва съ Александромъ не остаться совсѣмъ безъ князя. Въ 1253 году Ярославъ Ярославичъ, младшій братъ Александра, княжившій въ Твери, оставилъ свой удѣлъ

и явился въ земляхъ новгородскихъ. Новгородцы приняли его съ честью и посадили княжить въ Ладогѣ. На то время псковичи оказались безъ князя и поспѣшили пригласить Ярослава къ себѣ. Новгородцы не сомнѣвались въ томъ, что Ярославъ съ радостью явится въ Новгородъ, какъ только удастся освободиться отъ власти великаго князя.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1255 году состоялось рѣшеніе войти съ Александромъ въ переговоры о подтвержденіи всѣхъ старинныхъ вольностей, значившихся въ грамотахъ. Но прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ Александра, въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ. По обыкновенію, граждане раздѣлились на двѣ партіи. Подстрекаемая честолюбцами, чернь заставила удалиться Василія Александровича и отправила посольство за Ярославомъ. Во главѣ поборниковъ старины стоялъ посадникъ Ананія, въ простотѣ души воображавшій себя защитникомъ дорогихъ интересовъ своей родины. Наиболѣе благоразумная часть населенія, нѣкоторые бояре и лучшіе люди, хорошо понимая всю несвоевременность затѣянной смуты, однако не могли обуздать расходившихся мятежниковъ.

Между тѣмъ Василій Александровичъ, удалившись изъ Новгорода, поселился въ Торжкѣ, а оттуда извѣстилъ обо всемъ отца.

Глубоко оскорбленный, Александръ рѣшился по своему обыкновенію неожиданной быстротой дѣйствій разстроить планы мятежниковъ. Съ дѣтства въ его душу запало чувство отвращенія къ мятежамъ и своевольнымъ поступкамъ новгородцевъ. Его государственная мудрость давно осудила ихъ. Ему не нужно было подробныхъ донесеній: слишкомъ хорошо зналъ онъ „самочинный обычай и непокорливый нравъ“ новгородцевъ, зналъ, какъ составляются и поднимаются у нихъ мятежи, въ которые вовлекается враждующими партіями неразумный народъ, и рѣшился показать новгородцамъ, что труды его предковъ не пропали даромъ, что теперь новгородцамъ еще менѣе, чѣмъ прежде, можно мечтать о вольностяхъ. Собравъ полки и захвативъ съ собою двоюроднаго брата Димитрія Святославича, Александръ двинулся къ Торжку. Новоторжцы стали подъ стяги великаго князя. Въ Новгородъ одно за другимъ приходили извѣстія о приближеніи грознаго Александра. При одномъ только слухѣ о походѣ старшаго брата, Ярославъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ Новгорода. Бѣгство князя еще болѣе усилило безпорядки въ городѣ. Александръ не успѣлъ еще подойти, какъ въ его лагерѣ начали появляться бѣглецы изъ города, извѣщая подробно обо всемъ. Прежде всѣхъ прибѣжалъ какой-то „Ратишка съ перевѣ-

томъ“: „ступай, княже, скорѣй, твой братъ Ярославъ убѣжалъ!“ Пораженные быстрымъ походомъ великаго князя, новгородцы поспѣшно вооружались и разставляли полки за церковью Рождества и отъ св. Иліи противъ городища, заграждая торговую сторону, гдѣ жили главнымъ образомъ меньшіе люди. Въ испугѣ мятежники воображали уже, что разгнѣванный старый князь немедленно ударитъ на городъ и предастъ ихъ жилища пламени. У св. Николы собралось вѣче. Въ сердцахъ всѣхъ царилъ страхъ.

— Братья,—говорили на вѣчѣ,—а что если князь скажетъ: выдайте моихъ враговъ!? Что тогда дѣлать?

— Что дѣлать? Умирать, такъ умирать всѣмъ! На людяхъ и смерть красна. Не выдавать никого!

— Правда! Всѣмъ цѣловать Пресвятую Богородицу на томъ, что всѣмъ стоять заодно, другъ за друга, „любо животъ, любо смерть“ за свою отчину, за всю правду новгородскую!

Общее смятеніе усилилось еще болѣе, когда сынъ прежняго посадника Михаилъ Степановичъ, посовѣтовавшись съ „лучшими“ людьми, собравъ полки своихъ приверженцевъ, вышелъ изъ города и сталъ у Юрьева монастыря, ожидая своей очереди ударить на мятежниковъ. Между тѣмъ какъ прямодушный ревнитель старины Ананія

рѣшился раздѣлить съ народомъ грозившую ему участь, сообразительный Михаилъ своимъ поступкомъ очевидно хотѣлъ угодить сильнѣйшей сторонѣ и при помощи князя сдѣлаться посадникомъ, свергнувъ Ананію. Но его поступокъ вызвалъ страшную ярость народа. Забывъ о своемъ критическомъ положеніи, народъ готовъ былъ броситься на Михаила и жестоко отмстить за измѣну общему дѣлу. Только того еще не доставало, чтобы, въ виду грознаго войска Александра, новгородцы принялись избивать другъ друга... Ананія поспѣшилъ предупредить Михаила о грозившей ему опасности и бросился къ бушевавшей толпѣ съ словами: „Братья! если хотите убить Михаила, убейте прежде меня!“ Не подозрѣвалъ, видно, Ананія замысловъ Михаила.

Въ то время, какъ обезумѣвшіе отъ мятежа новгородцы готовы были броситься другъ на друга, Александръ, спокойно расположивъ свое войско вокругъ городища, своей старой резиденціи, вовсе не думалъ нападать на городъ и самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Онъ отправилъ къ нимъ въ качествѣ посредника своего племянника Бориса Васильковича. Собравъ вѣче, онъ предъявилъ требованія великаго князя:

— Выдайте посадника Ананію! Если же не выдадите, я вамъ не князь: иду на городъ войной!

Требованіе князя было знаменательно: Ананія былъ самый видный представитель стремленій, клонившихся къ независимости Новгорода, его старой обособленности отъ остальной Руси въ политическомъ отношеніи, ревнитель вѣчевыхъ порядковъ. Въ лицѣ Ананіи Александръ явно для всѣхъ осуждалъ безповоротно эти стремленія. Граждане должны были понять, что миръ можетъ быть дарованъ имъ только подъ условіемъ полной покорности Новгорода. Послѣ долгихъ разсужденій новгородцы послали Александру слѣдующій уклончивый отвѣтъ:

— Иди, князь, на свой столъ и злодѣевъ не слушай. Оставь свой гнѣвъ на Ананію и на мужей новгородскихъ.

Александръ, разумѣется, отвергъ предложеніе гражданъ. Принять его—значило бы признать законность тѣхъ стремленій, которыя послужили поводомъ къ мятежу. Въ виду крайности новгородцы соглашались снова признать Александра своимъ княземъ, но обстоятельства могли измѣниться, и новгородцы могли снова вздумать указывать отъ себя путь князю, поставленному Александромъ, ссылаясь на старыя права. Нѣтъ, они должны были убѣдиться, что они—народъ подвластный главѣ государства, что надъ ихъ судьбою есть сила повыше ихъ вѣча и партій... Поэтому тщетны были ходатайства архіепископа Далмата и тысяц-

каго Клима. „И не послуша великій князь мольбы Владычни, ни Климова челобитія, ни новгородскаго“, печально замѣчаетъ лѣтописецъ.

Узнавъ о полной безуспѣшности своего посольства, новгородцы снова собрались на вѣче. Много было волненій и шумныхъ рѣчей, но замѣчательно, что среди разгара страстей никто не осмѣлился бросить упрека Александру. Глубокое уваженіе къ его имени и любовь, укоренившаяся въ сердцахъ всѣхъ, сдерживали и самыхъ буйныхъ. Новгородцы колебались между противоположными чувствами. Уступить требованію князя значило явно отречься отъ своего права выбирать князей и изгонять ихъ по своему произволу, но въ то же время всѣ чувствовали невозможность поднять руку противъ доблестнаго защитника Новгорода и всей земли русской.

— Князя мы ни въ чемъ не винимъ,— раздавалось на вѣчѣ.—Во всемъ виноваты наши клятвопреступники: Богъ имъ судья и св. Софія!

— Князь безъ грѣха! Да хранитъ его Господь! Но мы должны стоять за св. Софію, за Великій Новгородъ. Самъ Господь разсудитъ насъ!

— Стоять всѣмъ за правду новгородскую!

Съ такимъ рѣшеніемъ разошлось вѣче,—

„и стояше весь полкъ за свою правду по три дени“.

Повидимому, кровопролитіе было неизбѣжно, но мудрость Александра указала еще разъ новгородцамъ на возможность избѣжать бѣды. Онъ не изъ чувства личной мести требовалъ выдачи Ананіи. Ананія былъ неудобенъ, какъ посадникъ, какъ представитель мятежныхъ стремленій. На четвертый день князь еще разъ отправилъ къ новгородцамъ посольство.

— Я оставлю свой гнѣвъ на васъ, только Ананія пусть лишится посадничества!

Посадникъ былъ первымъ сановникомъ въ городѣ, избиравшимся на вѣчѣ, главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода въ дѣлахъ войны и мира, постояннымъ органомъ народной воли. Всѣ договоры съ сосѣдями новгородцы писали отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго. Вѣче избирало посадника, оно же только могло и смѣщать его. Въ 1218 году княжившій въ Новгородѣ Святославъ прислалъ сказать на вѣче, что не можетъ княжить съ посадникомъ Твердиславомъ, дѣдомъ Михаила, что онъ отнимаетъ отъ него посадничество. На вопросъ народа, въ чемъ провинился Твердиславъ, князь отвѣчалъ:

— Безъ вины!

— Княже,—рѣшительно заявили новгородцы,—если на немъ нѣтъ вины, а ты цѣ-

ловалъ намъ крестъ не лишать мужа волости безъ вины,—мы тебѣ кланяемся, а Твердиславъ—нашъ посадникъ, и мы не уступимъ!

Случай съ Твердиславомъ, безъ сомнѣнія, всѣ хорошо помнили. Уступить волѣ Александра и лишить посадничества Ананію значило признать власть князя самовластно распоряжаться дѣлами въ Новгородѣ, не обращая вниманія на волю народную. Между тѣмъ ясно было, что, не требуя выдачи Ананія, Александръ дѣлаетъ послѣднюю уступку. Благоразуміе взяло перевѣсъ: вѣче смѣнило посадника „и взяша миръ“. Отворились ворота, и весь новгородскій народъ съ покорностью вышелъ на встрѣчу Александру и поклонился ему „съ честью многою“. Великій князь торжественно вступилъ въ городъ, при чемъ „срѣте его архіепископъ новгородскій Далматъ съ чиномъ церковнымъ со кресты у Прикуповича двора, и весь миръ радости исполнися, а злодѣи омрачахуся; зане же христіаномъ радость, а діаволу пагуба, зане же не бысть кровопролитія христіаномъ“. Новгородцы поняли, чьей мудрости они обязаны избавленіемъ отъ бѣды, и прославляли великодушіе князя, видъ котораго такъ много говорилъ ихъ сердцу.

Александръ потребовалъ, чтобы вмѣсто Ананіи назначенъ былъ посадникомъ Михаилъ Степановичъ, хорошо понимавшій

обстоятельства времени. Его родъ, начиная съ 1180 по 1388 годъ, далъ Новгороду 12 посадниковъ. Народъ исполнилъ волю князя. Александръ оставилъ въ Новгородѣ княземъ попрежнему своего сына Василія—событіе весьма знаменательное! „Не было еще примѣра, по словамъ историка, чтобы великій князь силою заставилъ принять только что изгнаннаго князя!“ Въ проявленіи могучей воли Александра уже явно обозначались дальнѣйшія судбы Новгорода... А между тѣмъ христіанское благодушіе, благородство и высокая мудрость князя приводили всѣхъ въ восторгъ: никто не подвергся наказанію, никого не разыскивали, никому не мстили. „Великій князь нашъ безъ грѣха!“ радостно восклицали новгородцы.

Такъ умѣлъ Александръ утверждать свою власть на Руси!

Вскорѣ, какъ мы уже знаемъ, Александру понадобилось все его вліяніе для того, чтобы исполнить волю хана относительно Новгорода. Никто такъ не дорожилъ интересами славнаго города земли русской, никто не чувствовалъ такъ глубоко всей горечи того, что приходилось ему испытать, какъ доблестный князь, который выросъ среди новгородцевъ и не разъ мужественно вмѣстѣ съ ними подвизался противъ враговъ. Но никто въ то же время не видѣлъ такъ ясно необходимости покориться волѣ завоевателей.

Къ тому же—бѣдствіе, вызванное отказомъ новгородцевъ подчиниться ханской волѣ, могло бы отразиться на всей землѣ русской. Съ обычной предусмотрительностью, какъ бы желая подготовить гордый народъ къ предстоявшей ему участи и отчасти познакомить съ общимъ положеніемъ дѣлъ, Александръ, отправляясь въ 1257 году въ Орду для окончанія переговоровъ съ татарами, взялъ съ собою и новгородскихъ пословъ. Дѣйствительно, новгородцы въ томъ же 1257 году узнали о предстоявшей имъ участи подвергнуться исчисленію и затѣмъ платежу дани, наравнѣ съ другими русскими землями. „Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ татарове на Новѣгородѣ десятины и тамги, и смятошася людіе“. Начались по обычаю бурныя вѣча, на которыхъ много и горячо говорилось въ защиту независимости Новгорода. Ужели Новгороду придется разстаться съ своею свободой, которую они такъ ревниво оберегали не только отъ иноземцевъ, но и отъ своихъ князей!? Пусть остальные города несутъ иго и платятъ дань: они покорены монголами. Но ни одинъ татаринъ еще не осмѣливался показаться на свободной землѣ новгородской, а между тѣмъ теперь грозятъ возложить и на Новгородъ позорное иго—и кто же первый требуетъ унизительной покорности? Тотъ, кто больше всѣхъ долженъ былъ бы, до по-

слѣдней крайности, отстаивать свободу и честь Великаго Новгорода, чей наконецъ сынъ княжитъ въ немъ!.. Поставленный Александромъ посадникъ Михаилъ Степановичъ пытался было успокоить необузданные порывы народа, но его назвали измѣнникомъ и убили. Увлеченный общимъ потокомъ, Василій Александровичъ раздѣлялъ общее чувство негодованія и выражалъ недовольство дѣйствіями отца, но, ужаснувшись при мысли, что вскорѣ придется ему предстать предъ разгнѣваннымъ отцомъ и отдать ему отчетъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ, бѣжалъ изъ Новгорода во Псковъ. Удаленіе князя повело по обычаю еще къ большимъ безпорядкамъ. Противники Александра торжествовали. Какой-то честолюбецъ, по имени Александръ, набравъ свой полкъ, захватилъ власть въ Новгородѣ и творилъ насиліе всѣмъ, кто не раздѣлялъ его мятежныхъ взглядовъ. Среди такихъ обстоятельствъ, великій князь, вмѣстѣ съ татарскими численниками, прибылъ въ Новгородъ объявить гражданамъ волю хана, а татары немедленно начали требовать дани. Новгородцы, увидавъ, что князь явился безъ военной силы, ободрились еще болѣе и наотрѣзъ отказались подчиниться требованіямъ татаръ. Александръ, хорошо знавшій новгородцевъ, понялъ, что прежде усмиренія мятежа и примѣрной кары неисправимымъ подстрекате-

лямъ трудно настоять на исполненіи воли ханской, и потому не препятствовалъ новгородцамъ, которые, отказавши въ покорности, собирались отпустить ханскихъ пословъ съ большою честью и дарами хану и такимъ образомъ показать, что они, уважая повелителя Кипчака, тѣмъ не менѣе считаютъ себя народомъ независимымъ.

Послѣ отъѣзда татаръ Александръ остался въ Новгородѣ. Его дѣйствія, направленныя къ усмиренію мятежа, отличались на этотъ разъ суровой энергіей. Онъ приказалъ схватить во Псковѣ своего сына, осмѣлившагося противодѣйствовать ему, и, лишивъ его княженія, отослалъ на низъ, то-есть въ суздальскую землю. Глава мятежниковъ, Александръ и злые совѣтники, сбившіе съ пути его благороднаго, но пылкаго и неопытнаго сына, были безпощадно наказаны. Но не смотря на крутыя мѣры, борьба съ своеволіемъ народа была упорна, продолжительна и требовала напряженія всѣхъ силъ со стороны Александра. Въ городѣ продолжались буйства, среди которыхъ былъ убитъ новый посадникъ „Миша", можетъ быть, старый сподвижникъ Александра и славный участникъ невской побѣды. Но Александръ безстрашно и неутомимо продолжалъ дѣло усмиренія. Его энергія тѣмъ болѣе изумительна, что онъ стоялъ одинъ лицомъ къ лицу съ взволнованнымъ наро-

домъ, не имѣя подъ рукою своей суздальской дружины. Наконецъ, народъ, сознавъ свою неправду, покорился князю и избралъ по его указанію посадникомъ Михаила Ѳедоровича, изъ города Ладоги, вѣроятно, какъ человѣка, незамѣшаннаго въ споры враждовавшихъ партій, и тысяцкаго Жироху. Успокоившіеся новгородцы не роптали на суровыя наказанія, постигшія злыхъ совѣтниковъ Василія, побудившихъ его дѣйствовать вопреки отцовской волѣ, „всякъ бо золъ злѣ погыбаетъ“. Поэтъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ намъ бурныя сцены, происходившія въ то время въ Новгородѣ:

Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!“—вопятъ—
„Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
„Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
„Самъ ты водилъ насъ,—и Биргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ чай, копье!..
„Рыцари,—памятенъ имъ поттаявшій ледъ!..
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
„Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!...“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...

Среди бушующей толпы появляется князь.

Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души —
Крикнулъ: „Эй вы торгаши!
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?

„Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу —
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
„Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!..

Оставаться долго въ Новгородѣ Александръ, однако, не могъ. Дѣла, касавшіяся всей Руси, требовали его присутствія во Владимірѣ. Между тѣмъ новгородцы хотя успокоились и покорились старому князю, но не отказались отъ надежды, что бѣда со стороны татаръ миновала. Событія, казалось, оправдывали эти надежды, потому что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было слышно о требованіяхъ изъ Орды. Но Александру обстоятельства извѣстны были лучше, чѣмъ новгородцамъ. Онъ зналъ, что татары не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено все, чего они требовали. Вѣроятно, получивъ новое напоминаніе изъ Орды, Александръ рѣшился довести дѣло до конца и заставить новгородцевъ раздѣлить общую тяготу. Извѣдавъ по опыту, что рѣчами и убѣжденіями нельзя подѣйствовать на измѣнчивую, поддающуяся разнымъ внушеніямъ, толпу, Александръ зимою съ 1258 на 1259 годъ послалъ къ нимъ извѣстнаго уже намъ Михаила Пинешинича, который, еще разъ объяснивъ своимъ согражданамъ необходимость принять „число“ и платить дань, долженъ былъ объявить имъ слѣдую-

щую угрозу: „Аще не иметеся по число, то уже полки въ Низовской земли“. Эта хорошо разсчитанная угроза, равно какъ и свѣжая память о недавней крутой расправѣ князя съ мятежниками, возымѣли надлежащее дѣйствіе. Бурное вѣче стихло, голоса не возвышались для ободренія упавшаго духомъ народа. Подъ вліяніемъ страха, новгородцы отправили обратно къ великому князю того же Михаила Пинешинича заявить Александру о своей покорности его волѣ и въ то же время послали посольство въ Орду съ челобитьемъ и богатыми дарами хану, „да отдастъ имъ свой гнѣвъ и да исчислитъ землю ихъ, якоже хощетъ“. Дѣйствительно, зимою 1259 года, явились въ Новгородѣ „окаанніи сыроядцы внуци Агарины, рабы Авраамли, Беркай и Касачикъ и съ женами своими, и иныхъ много множество“. Великій князь также поспѣшилъ въ Новгородъ: онъ справедливо опасался, что малѣйшій поводъ можетъ измѣнить настроеніе своенравной толпы и навлечь тяжкія бѣдствія на городъ, судьба котораго близка была его сердцу. Его опасенія вполнѣ оправдались. Въ то время какъ въ остальной Руси хорошо знакомы были съ татарами и съ ихъ варварскимъ обращеніемъ, въ Новгородѣ знали обо всемъ лишъ по слухамъ. Лишь только татары разсѣялись по новгородской землѣ и начали сборъ дани

съ обычными тиранствами, настроеніе новгородцевъ быстро измѣнилось. Загудѣлъ призывный звонъ колокола, собралось бурное вѣче, на которомъ всѣ благоразумные совѣты заглушались неистовыми криками: „Смерть окаяннымъ сыроядцамъ! Они осквернили своимъ присутствіемъ Великій Новгородъ, порѣшить ихъ!“ „Дайте намъ ихъ! Мы на куски разорвемъ ихъ, костей не оставимъ!“ „Къ оружію!“ Озадаченные всѣмъ видѣннымъ, татары пришли въ ужасъ и обратились съ требованіемъ къ Александру: „Дай намъ сторожу ать не избьютъ насъ“! Князь немедленно распорядился, чтобы сынъ посадника собралъ всѣхъ боярскихъ дѣтей и поставилъ стражу вокругъ домовъ, занятыхъ татарами. Страшныя волненія въ городѣ не прекращались. Разгорѣлась вражда богатыхъ и бѣдныхъ. Поводомъ къ этой враждѣ послужило то обстоятельство, что татары при раскладкѣ и сборѣ дани не принимали во вниманіе достатка плательщиковъ, а считали только число душъ въ каждомъ семействѣ. Понятно, что для богатыхъ гражданъ гораздо удобнѣе было согласиться платить сравнительно легкую для нихъ дань, чѣмъ подвергаться риску при нашествіи потерять все. Они старались склонить народъ къ покорности.

— Своимъ сопротивленіемъ вы наведете гнѣвъ ханскій на городъ. Припомните, какъ

вся русская земля, кромѣ насъ, ополчалась на татаръ. Что жъ, развѣ устояла она? Что сталось съ Кіевомъ, Владиміромъ и другими городами? Вы хотите, чтобы и съ Новгородомъ было то же самое!? Развѣ хватитъ нашихъ силъ? Вѣдь вмѣстѣ съ своими полчищами ханъ пошлетъ противъ насъ и всѣ русскіе полки.

— Вы боитесь нашествія, потому что у васъ много всякаго добра, а намъ терять нечего! Развѣ это—правда, что окаянные берутъ одинаковую дань съ богача и бѣдняка? Что легко богатому, то смерть бѣдняку! Вы сохраните свои богатства, а мы должны для этого продать свободу новгородскую и принять тяготу на себя и на дѣтей нашихъ! Да не будетъ этого! Лучше смерть, чѣмъ позоръ! Умремъ честно за св. Софію и за домы ангельскіе! Кто добръ, тотъ по св. Софіи и по правой вѣрѣ!

Между тѣмъ татарамъ наскучило вынужденное бездѣйствіе и они объявили новгородцамъ: „дайте намъ число или мы убѣжимъ!“ Бояре старались отговорить ихъ отъ бѣгства и рѣшились было ударить на толпу, но въ концѣ-концовъ и у нихъ недостало единодушія. Многіе ужаснулись при мысли пролить кровь гражданъ въ защиту „сыроядцевъ“. Общее горе превозмогло всѣ разногласія, и къ концу дня всѣ пришли къ единодушной рѣшимости сложить свои

головы у св. Софіи... Несчастный городъ самъ обрекалъ себя на погибель.

Александръ рѣшился поразить воображеніе народа рѣшительнымъ шагомъ: изъ городица, гдѣ онъ находился вмѣстѣ съ ханскими послами, въ городъ пришло извѣстіе, что князь внезапно удалился вмѣстѣ съ татарами. Отъѣздъ Александра подѣйствовалъ на толпу, какъ неожиданный громовой ударъ: новгородцы поняли, что доблестный князь, которому интересы Новгорода не менѣе дороги, въ гнѣвѣ предоставлялъ ихъ собственной участи и всѣмъ послѣдствіямъ ханскаго гнѣва. Они вдругъ почувствовали себя осиротѣлыми. Ужасъ охватилъ всѣхъ... То обстоятельство, что князь на этотъ разъ даже не счелъ нужнымъ обратиться къ гражданамъ съ увѣщаніемъ, но молча и грозно удалился, ясно говорило новгородцамъ, что пора для всякаго рода переговоровъ миновала. Ставши на краю бездны, новгородцы опомнились и поспѣшили заявить князю, что согласны допустить исчисленіе. Александръ немедленно возвратился съ татарами. Мертвая тишина водворилась въ недавно еще столь шумномъ городѣ, точно трауръ надѣлъ на себя Великій Новгородъ. Молча, но со злобой въ душѣ, смотрѣли граждане, какъ „начаша окаанніи ѣздить по улицамъ, пишуще домы христіанскыя“. Спокойно окончивъ перепись, татары удалились.

Александръ и на этотъ разъ остался на нѣкоторое время въ городѣ. Народъ смирился, но затаилъ непримиримую злобу въ душѣ. Лютое горе грызло сердца всѣхъ, точно каждый схоронилъ дорогого, близкаго человѣка. Не страшна была дань богатымъ новгородцамъ,—ихъ самолюбіе сильно страдало при мысли, что они сдѣлались рабами татаръ. Отъ горя не могли хлѣбъ ѣсть въ сладость. Меньшіе люди продолжали злобиться на бояръ. „Злыхъ совѣтомъ яшася по число", говорили въ народѣ. „Творяху бо себѣ бояре легко, а меньшимъ зло". Только Александръ могъ успоить городъ. Онъ разъяснилъ гражданамъ, что благодаря его искуснымъ дѣйствіямъ съ ханскими послами, ему удалось добиться для новгородцевъ отъ татаръ такихъ выгодъ, какими не пользовался ни одинъ городъ въ Руси. Въ Новгородѣ не было оставлено ни баскака, ни какого-либо другого чиновника. Новгородцамъ предоставлено право самимъ собирать дань и отсылать въ Орду черезъ великаго князя или со своими послами. Только дань напоминала имъ объ ихъ подчиненности татарамъ. Напротивъ, разгромъ Новгорода татарскими полчищами окончательно подорвалъ бы благосостояніе города и лишилъ бы гражданъ и тѣни независимости. Народъ постепенно убѣдился, что ихъ старый князь своею мудростью еще разъ спасъ ихъ отъ

пропасти, въ которую по неразумѣнію они стремились. Всѣ спѣшили выказать неизмѣнную преданность своему великодушному заступнику. Въ чувствѣ благодарности граждане усердно просили князя утѣшить ихъ, продолживъ на нѣсколько времени свое пребываніе среди нихъ. Устроивъ порядокъ въ городѣ и поставивъ на мѣсто Василія княземъ другого своего сына Димитрія, Александръ прогостилъ у новгородцевъ до начала слѣдующаго года. При отъѣздѣ онъ честно и мирно распрощался съ гражданами, которые еще разъ выразили ему свои чувства многими дарами и почестями.

Такъ—несмотря на то, что Александръ сильно тѣснилъ вольнолюбивыя стремленія и сурово поражалъ новгородцевъ за ихъ непокорность, распоряжался дѣлами въ Новгородѣ съ такою властью, какъ ни одинъ князь до него, „дѣялъ насильнѣ въНовѣгородѣ", по словамъ новгородцевъ, всякій разъ обаяніе его личности производило неотразимое дѣйствіе на народъ: любовь и довѣріе къ нему не только не уменьшались, но возрастали: рѣдкій даръ покорять сердца!.. Между тѣмъ, благодаря его политикѣ, Новгородъ тѣсно примкнулъ къ остальной Руси, ставъ неразрывною частью одного громаднаго цѣлаго. Оттолѣ судьбы его крѣпко связаны были съ судьбами общаго отечества: вмѣстѣ нести тяжесть ига и вмѣстѣ друж-

ными, соединенными силами стремиться къ независимости сдѣлалось какъ бы завѣщаніемъ Александра. Если бы удалося новгородцамъ какимъ нибудь способомъ уклониться отъ общаго плѣна и такимъ образомъ разъединить свою судьбу съ судьбами русской земли, для поддержанія своей независимости они должны были бы примкнуть или къ Литвѣ или вступить въ союзъ съ своими старинными врагами шведами и нѣмцами, которые, безъ сомнѣнія, мало-по-малу овладѣли бы его землями. Правда, впослѣдствіи, долгое время спустя новгородцы, спохватившись, вздумали было о союзѣ съ Литвою для поддержанія своихъ порядковъ, но было уже поздно: Великій Новгородъ стоялъ лицомъ къ лицу уже съ русскимъ самодержцемъ, распоряжавшимся всѣми силами объединеннаго государства.. Поставивъ Новгородъ подъ общую зависимость съ остальною Русью и уничтоживъ одинъ изъ предлоговъ къ разъединенію, Александръ подготовилъ дѣло Іоанна III.

XVII.

Два года отдыха.—Пребываніе св. Александра въ Ростовѣ.—Рожденіе сына Даніила.—Учрежденіе сарайской епархіи.—Кончина ростовскаго епископа Кирилла и избраніе ему преемника.

Радуйся, до конца въ подвизѣхъ служенія Богу претерпѣвый!
Радуйся, о благѣ народа усердно въ житіи своемъ пекійся!
Радуйся, всѣмъ намъ образе вѣрнаго Богу служенія!

Весною 1259 года Александръ спѣшилъ изъ Новгорода въ Ростовъ. Онъ казался чрезвычайно утомленнымъ, да это и понятно: только что окончены были тяжкія хлопоты въ Ордѣ, требовавшія страшнаго напряженія силъ, какъ начались волненія въ Новгородѣ. Много пережилъ и перечувствовалъ за послѣднее время Александръ Ярославичъ. Не легко ему было заставить согнуться подъ ярмо свободный народъ, тяжело отдавались въ его сердцѣ укоры новгородцевъ: князь-це стоитъ заодно съ сыроядцами... Отдыхъ, хотя бы только временный, былъ

необходимъ для него, и онъ надѣялся его найти среди семьи и близкихъ его сердцу родственниковъ. Въ Ростовѣ жила почтенная княгиня Марія Михайловна, старшая въ родѣ и всѣми глубокопочитаемая дочь замученнаго въ Ордѣ св. кн. Михаила Черниговскаго и вдова доблестнаго князя-страстотерпца Василька Константиновича. Ея сыновья Борисъ и Глѣбъ Васильковичи болѣе всѣхъ понимали Александра и были его всегдашними и лучшими помощниками. Въ Ростовѣ же онъ долженъ былъ встрѣтиться съ епископомъ Кирилломъ, пользовавшимся глубокимъ уваженіемъ отъ князей и народа. Къ пріѣзду Александра въ Ростовъ поспѣшила конечно изъ Владиміра и его семья.

Какъ ни спѣшилъ великій князь прибыть въ Ростовъ къ Вербному воскресенью, но, вѣроятно, весенняя распутица задержала его въ дорогѣ; онъ могъ пріѣхать только въ среду страстной недѣли. Семья, дорогіе родственники и народъ готовились съ радостью встрѣтить великаго князя. Престарѣлый Кириллъ также вышелъ навстрѣчу ему съ крестомъ и благословилъ его.

„Отче и господине!—воскликнулъ Александръ, здороваясь съ маститымъ пастыремъ, благодарю тебя: твоею молитвою я благополучно и въ добромъ здоровьѣ съѣздилъ въ Новгородъ и твоею же молитвою благополучно возвратился“.

Только небесной помощи и святымъ молитвамъ приписывалъ благочестивый князь все, что ему удавалось совершить во благо своего народа. Вѣра въ небесное покровительство давала ему силы для великихъ подвиговъ, для тяжкихъ трудовъ, поддерживала его изумительную, не знавшую устали, энергію.

Поздоровавшись со всѣми, Александръ прежде всего отправился въ соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы и горячо помолился, благодаря Бога и испрашивая благословенія свыше на дальнѣйшіе труды. Поклонившись мощамъ „сопричастника апостоловъ“ св. Леонтія, князь просилъ священномученика научить и его до конца понести свой крестъ и „пострадать Богови крѣпко“.

„Бысть тишина велика христіяномъ!“ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи о 1260—61 годахъ. Можетъ быть, въ этотъ краткій промежутокъ и неутомимый труженикъ земли русской и въ то же время „благъ домочадецъ своимъ“ имѣлъ нѣсколько времени для отдыха и для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ. О личномъ своемъ благоденствіи онъ уже не думалъ: могъ ли онъ наслаждаться благополучіемъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ? Неутомимая дѣятельность на благо родины едва оставляла время для недолгихъ свиданій съ близкими. Тѣмъ задушевнѣе были эти свиданія, тѣмъ теплѣе родственныя бесѣды. Любящее сердце Александра

открыто было для всѣхъ: даже тѣ, которые причиняли ему обиды, сознавъ свою вину, немедленно получали прощеніе. Такъ братъ его Ярославъ, прогнѣвавшій было Александра своимъ появленіемъ въ Новгородѣ, послѣ изгнанія новгородцами Василія Александровича, теперь снова пользовался любовью старшаго брата. Въ Ростовѣ Александръ находился среди любившей и благоговѣвшей предъ нимъ семьи: княгиня Марія и ея сыновья не упустили, безъ сомнѣнія, ничего, чтобы сдѣлать пребываніе у нихъ великаго князя какъ можно болѣе сладостнымъ. Въ дружественныхъ бесѣдахъ съ близкими и дорогими людьми Александръ отводилъ свою душу и, можетъ быть, высказывалъ свои задушевныя думы и упованія на лучшую будущность для Россіи. О, если бы возможно было, перенесясь черезъ столѣтія, хотя однажды послушать его „словеса, услажающа паче меда и сота!“ Всякій, имѣвшій счастіе внимать Александру, исполнялся желаніемъ послѣ его бесѣды „реченная и дѣломъ исполнити“. „Сродницы же его видяще въ таковыхъ добродѣтеляхъ преспѣвающа и зѣло пользовахуся и тщахуся всячески угодити Богу, яко же и той всѣми нравы угожаше“.

Изъ многочисленнаго потомства Ярослава Всеволодовича далеко уже не всѣ были въ живыхъ: въ 1255 году Александръ похоронилъ брата своего Константина, княжившаго

въ Галичѣ, „и бысть плачъ великъ“. Въ слѣдующемъ году скончался другой братъ Даніилъ Ярославичъ. Михаилъ „Хоробритъ“, какъ мы уже знаемъ, умеръ еще во время путешествія Александра въ Монголію. Въ живыхъ оставались Андрей, бывшій владимірскій князь, теперь княжившій въ Суздалѣ, Ярославъ тверской и Василій костромской. Зато на глазахъ великаго князя поднималось молодое поколѣніе сыновей и племянниковъ: мы уже знаемъ его сыновей—Димитрія и Василія. Димитрій княжилъ въ Новгородѣ вмѣсто провинившагося Василія. Третьему сыну Андрею отецъ предназначалъ Городецъ съ Нижнимъ. Дочь Евдокія была замужемъ за Константиномъ, сыномъ смоленскаго князя Ростислава, однимъ изъ участниковъ похода 1262 года, противъ ливонскихъ нѣмцевъ. Воспользовавшись тишиною, безъ сомнѣнія, князья-родственники собрались вокругъ великаго князя, чтобы выразить ему свое уваженіе и любовь. Присутствіе Александра, устраняя соперничество, водворяло — увы! — лишь временный миръ между князьями. Съ кончиной Александра многое измѣнилось—точно тихій ангелъ отлетѣлъ изъ среды русскихъ князей.

Отдохнувъ въ Ростовѣ, Александръ отправился во Владиміръ. Въ 1261 году Богъ обрадовалъ его рожденіемъ четвертаго сына Даніила, будущаго князя московскаго и

родоначальника князей - собирателей русской земли. Радостное событіе, безъ сомнѣнія, было свѣтло отпраздновано въ присутствіи собравшихся во Владиміръ князей — ближайшихъ родственниковъ. Благочестивые родители, въ чувствѣ благодарности, посвящали свое дитя Богу.

Однако, не одни семейныя дѣла занимали въ это время Александра. Безконечная доброта его сердца непрестанно побуждала его заботиться о тѣхъ несчастныхъ, „иже бяху плѣнени отъ безбожныхъ татаръ“. „Милостилюбецъ, а не златолюбецъ“, не жалѣлъ сокровищъ для выкупа плѣнныхъ, но конечно всѣхъ его средствъ не хватило бы для возвращенія всѣхъ на родину. Много русскихъ постоянно проживали въ Ордѣ по торговымъ дѣламъ, но несравненно больше было плѣнныхъ. Если нельзя было выкупить всѣхъ, то по крайней мѣрѣ можно было позаботиться объ ихъ духовныхъ нуждахъ: вѣра въ Бога доставляетъ лучшее утѣшеніе въ несчастіи. Прискорбна была благочестивому князю мысль, что множество православныхъ христіанъ живутъ безъ освященія таинствами, умираютъ безъ христіанскаго напутствія. И вотъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ Александръ начинаетъ ходатайствовать предъ ханомъ о дозволеніи устроить епархію въ столицѣ ханской — Сараѣ. Ходатайство великаго князя и мит-

рополита было уважено. Въ 1261 году поставленъ былъ первымъ сарайскимъ епископомъ Митрофанъ, которому также подчинена была и древняя епархія переяславская. Впослѣдствіи предѣлы новой епархіи обнимали земли по нижней Волгѣ и притокамъ Дона, откуда ея названіе—„Сарская и Подонская“. Съ учрежденіемъ епархіи въ Ордѣ, безъ сомнѣнія, стали воздвигаться храмы, и въ нихъ совершалось богослуженіе: сколько дорогихъ, отрадныхъ впечатлѣній ложилось на душу русскаго человѣка, принужденнаго жить вдали отъ родины!.. Были примѣры обращенія въ христіанство и самихъ татаръ. Первый и самый трогательный примѣръ такого обращенія въ княженіе Александра представляетъ св. Петръ, царевичъ ордынскій, родной племянникъ Беркая. Однажды прибылъ въ Орду съ ходатайствомъ за свою паству ростовскій епископъ Кириллъ и много разсказывалъ хану о святыняхъ земли ростовской, о томъ, какъ она просвѣщена была св. Леонтіемъ, о чудесахъ, совершавшихся при его гробѣ „и ина многа ученіа отъ евангельскыхъ указаній глагола“. Теплая, одушевленная бесѣда епископа глубоко запала въ душу присутствовавшаго здѣсь юнаго царевича. Желаніе истины пробудилось въ душѣ его: часто уходилъ онъ въ поле, „уединяася и размышляа, како си вѣруютъ

цари наши солнцу сему и мѣсяцу, и звѣздамъ, и огневи? Кто сей есть истинный Богъ?“ Съ какой радостью узналъ царевичъ, что его державный дядя вновь вызываетъ въ Орду епископа Кирилла, „да исцѣлитъ сына его, единъ бо бѣ у него“. Святитель, заповѣдавъ всѣмъ молиться въ Ростовѣ, „освятивъ воду и пришедъ въ татары, и исцѣли сына“. Какъ изумленъ и обрадованъ былъ старецъ-епископъ, когда однажды явился къ нему племянникъ хана съ усердной просьбой взять его съ собой въ Ростовъ! Однако, это было дѣло опасное: мать и родные, безъ сомнѣнія, могли бы покарать не только бѣглеца, но возбудить гнѣвъ хана и противъ Кирилла, но съ другой стороны епископъ не могъ отвергнуть души, жаждущей истиннаго свѣта. Царевичъ выразилъ рѣшимость тайно отъ всѣхъ скрыться изъ Орды и прибыть въ Ростовъ. Такъ дѣйствительно и случилось. И вотъ татарскій царевичъ, плѣненный благолѣпіемъ соборнаго храма и стройностью христіанскаго богослуженія, усердно проситъ епископа окрестить его: „огнь възгорѣся въ сердцы его, и восія солнце въ души его!“ Но опытный старецъ совѣтуетъ ему подождать еще нѣсколько времени: царевича могли отыскивать на Руси и въ самомъ Ростовѣ. Когда наконецъ опасность миновала, епископъ крестилъ царевича, назвавъ

его Петромъ, „и бѣ Петръ ученіе Господне (слушая) по вся дни во святилищѣ и у владыки“. Годъ отъ году Петръ все болѣе свыкался съ жизнью на Руси. Князь Борисъ Васильковичъ такъ полюбилъ его, что побратался съ нимъ. Часто они вмѣстѣ дѣлили досугъ, занимаясь охотою съ ловчими птицами по берегу ростовскаго озера, часто приходилось Петру засыпать подъ открытымъ небомъ, среди дубравъ, „по обыцнѣй молитвѣ“, и тогда посѣщали его дивныя видѣнія. На мѣстѣ одного изъ такихъ видѣній, „при езѣри“ Неро, Петръ, съ благословенія епископа Игнатія, преемника Кирилла, построилъ монастырь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла. Женившись на дочери ордынскаго вельможи, онъ имѣлъ дѣтей и „въ глубоцѣ старости, въ монашескомъ чинѣ къ Господу отъидѣ, Его же возлюби“. Безъ сомнѣнія, царевичъ Петръ горько оплакивалъ кончину Кирилла въ 1262 году. Но еще болѣе скорбѣли о потерѣ маститаго пастыря русскіе князья— Александръ Ярославичъ, Борисъ и Глѣбъ Висильковичи вмѣстѣ съ княгинею Маріею. Всѣ они горячо любили и почитали Кирилла, который „князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, обидимымъ помогалъ, печальныхъ, нищихъ миловалъ“. Всѣ дивились его святой жизни, „всѣ спѣшили изъ окрестныхъ мѣстъ въ

городъ, въ соборную церковь Св. Богородицы, какъ для того, чтобы послушать ученья его отъ святыхъ книгъ, такъ и желая посмотрѣть на великолѣпіе церкви, которую онъ дивно украсилъ“.

— Ничѣмъ онъ не отсталъ отъ прежнихъ епископовъ ростовскихъ, св. Леонтія, Исаіи и Нестора, послѣдуя ихъ нравамъ и ученію! — говорили при его гробѣ. — Онъ былъ истинный святитель, а не наемникъ!..

А князья припоминали, какъ незабвенный страстотерпецъ Василько Константиновичъ въ предсмертной молитвѣ своей просилъ Бога сохранить, вмѣстѣ съ его семействомъ, и епископа Кирилла, какъ покойный пастырь горько плакалъ, разыскивая на мѣстѣ несчастнаго побоища при рѣкѣ Сити тѣло великаго князя Георгія Всеволодовича и, узнавъ его по княжескому одѣянію, положилъ въ ростовскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ Василька. Утѣшеніемъ для всѣхъ, любившихъ старца, было то, что блаженный Кириллъ скончался, „исполнь дній, въ старости глубоцѣ и въ истиннѣй добродѣтельной сѣдинѣ“. Похоронивъ епископа, князья озаботились избраніемъ ему преемника, который намѣченъ былъ уже заранѣе. Еще въ 1261 году „блаженный князь Александръ, Борисъ и Глѣбъ, волею Божіею и поспѣхомъ Св. Богородицы, благословеніемъ митрополита и епископа Ки-

рилла взведоста архимандрита св. Богоявленья Игнатія". Этотъ Игнатій и былъ преемникомъ Кирилла. Около этого же времени, по всей вѣроятности, Богъ помогъ Александру Ярославичу привести къ окончательному совершенію давнишнее его желаніе—достроить женскую обитель въ Суздалѣ, въ которой въ 1262 году, опочила добродѣтельная княгиня Марія Михайловна, принявшая предъ кончиной иночество съ именемъ Марѳы.

Такъ среди великихъ правительственныхъ заботъ Александръ умѣлъ отзываться на всѣ нужды своего народа, входить во всѣ обстоятельства своего времени, всюду внося душевную теплоту и самое искреннее участіе.

XVIII.

Послѣдній великій подвигъ св. Александра.—Бесермены.—Возстаніе народа.—Гнѣвъ хана.—Путешествіе св. Александра въ орду „избавы ради христіанъ". — Успѣхъ ходатайства.

> Радуйся, иже многажды воспринималъ еси на себѣ страшный отвѣтъ о неразумныхъ народа своего возстаніихъ!
>
> Радуйся, волею мучениче, сликовствуяй нынѣ сонму мучениковъ!

Предчувствовалъ ли Александръ Ярославичъ, что протекшіе два года мирной и и сравнительно спокойной жизни будутъ лишь кратковременною *ослабою*, какую среди тяжкихъ трудовъ и заботъ послалъ ему Господь, *да почіетъ, прежде даже не отъидетъ* (Псал. 38, 14)? Не только предчувствовалъ, но, можно сказать, изо дня въ день ожидалъ новыхъ безпокойствъ. Отстоявъ самостоятельность государства, онъ неизбѣжно долженъ былъ согласиться на тяжелую дань. При этомъ съ одной стороны онъ хорошо зналъ жадность татаръ, ихъ

грубость и склонность къ насиліямъ всякаго рода, съ другой—понималъ всю неподготовленность русскаго народа къ рабской покорности, къ тяжкимъ жертвамъ и терпѣливому перенесенію невзгодъ. До монгольскаго ига власть русскихъ князей вовсе не была отяготительна для народа. Хотя наши князья и вели воинственный образъ жизни, но въ обращеніи съ народомъ они нерѣдко проявляли черты истинно отеческой заботливости, добродушія и кротости. Въ народныхъ пѣсняхъ не слышится ни малѣйшей жалобы на притѣсненія со стороны бояръ и князей, на худую, тяжелую жизнь,—значитъ, жить было хорошо. За самыя тяжкія преступленія виновный платился лишь своимъ имуществомъ, отдавая опредѣленную закономъ пеню. Къ тѣлесному наказанію не прибѣгали. Слова: „да будетъ мнѣ стыдно“—служили порукою въ вѣрности и ненарушимости принятыхъ на себя обязательствъ. У монголовъ были другіе обычаи: требуя дани они безъ церемоніи ставили неисправимыхъ должниковъ на правежъ, сѣкли кнутомъ, прибѣгали къ пыткамъ, казнили смертью, чтобы страхомъ и муками добиться того, чего имъ хотѣлось. Убить человѣка имъ ничего не стоило, по словамъ современнаго наблюдателя. Наконецъ, самыя повинности могли показаться народу весьма обременительными. Наши князья доволь-

ствовались небольшой данью. Внутреннее управленіе большихъ издержекъ съ ихъ стороны не требовало. Всѣ государственные расходы главнымъ образомъ ограничивались издержками на содержаніе князя, его семейства и двора, которые не могли быть тяжелы для населенія, такъ какъ для покрытія ихъ князья обыкновенно имѣли свои княжескія села, доставлявшія имъ все необходимое, свои заповѣдныя лѣса, рыбныя ловли и т. п. Естественно, что при сборѣ дани съ подвластной страны, большею частью натурою—хлѣбомъ, воскомъ, медомъ, живностью, князья довольствовались лишь избыткомъ достоянія. Не то предстояло теперь... Народъ, дѣйствительно, сразу почувствовалъ всю тягость возложенныхъ на него повинностей, но пока терпѣлъ, слушаясь своихъ князей. Приходилось, конечно, не разъ Александру Ярославичу разъяснять народу необходимость повиновенія и исправнаго отбыванія повинностей. Вполнѣ возможно, что иной разъ онъ вынужденъ былъ, въ случаѣ сопротивленія, силой заставлять народъ исполнять требованія татаръ и наказывать за непослушаніе. Горько было ему все это... Какъ часто приходилось ему слышать, что онъ не жалѣетъ своего народа, дѣйствуетъ заодно съ безбожными!.. Болѣзненно сжималось его сердце при этихъ упрекахъ со стороны современниковъ, изъ

которыхъ очень немногіе понимали, что только тяжелая необходимость заставляла его такъ поступать. Александръ страдалъ больше, чѣмъ народъ, страдалъ нравственно, видя бѣдствія своихъ подданныхъ, которыхъ любилъ, какъ братьевъ во Христѣ. „Не обижайте простыхъ бѣдныхъ людей, часто говаривалъ онъ своимъ боярамъ. Сіи братіею Божіею именуются по слову Господню, и о насъ ходатаи къ Богу. Богъ взыщетъ ихъ кровь и слезы изъ рукъ вашихъ!“ Какъ же тяжело было ему видѣть, что татары терзали русскихъ за малѣйшую неисправность! Но что же онъ могъ предпринять съ своей стороны въ защиту своихъ подданныхъ? Не онъ ли ручался предъ ханомъ въ исправномъ платежѣ дани и полной покорности своего народа? Если бы онъ вздумалъ предпринять какую-нибудь рѣшительную мѣру, не постигла ли бы его участь брата Андрея? Не забота о себѣ конечно имѣла тутъ мѣсто, нѣтъ: самъ онъ „не токмо живота не щадяше, но и душу свою всегда тщашеся полагати“. Заступничество за народъ могло лишить его ханскаго довѣрія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнять и всякую возможность ходатайствовать предъ нимъ за свой народъ. Послѣдствія ханскаго гнѣва были бы ужасны. Оставалось одно—терпѣть въ надеждѣ на лучшее будущее. Но бѣдный угнетенный народъ мало думаетъ о буду-

щемъ, которое ему темно и непонятно, онъ живетъ болѣе настоящимъ, а оно такъ безотрадно, что можно предпочесть самую смерть горькому „сиротскому житью“.

Однако, пока все было тихо. Монгольскіе сборщики дани, безъ сомнѣнія, старались и сами нажиться и угодить корыстолюбію своихъ начальниковъ, но, благодаря своей дикости, они далеко не были искусны въ разнаго рода вымогательствахъ. Но вотъ восточные купцы—хивинскіе или хозарскіе, „бесермены“, какъ называли ихъ наши предки по ихъ религіи, предложили татарамъ взять данъ, собираемую съ русскаго народа, на откупъ, при чемъ, разумѣется, обязывались выплачивать хану значительно больше, чѣмъ онъ получалъ чрезъ своихъ сборщиковъ. Очевидно, они не опасались остаться въ проигрышѣ. Ханъ, знавшій, что значительная часть дани присвоивается его чиновниками и не доходитъ до него, съ охотой принялъ услугу бесерменовъ. Хитрые торговцы придумали цѣлую систему вымогательства, чтобы получать огромные барыши. Подъ видомъ облегченія плательщиковъ, они назначали различные сроки уплаты, но съ огромными процентами, что, разумѣется, случалось нерѣдко, количество долга возрастало до такихъ размѣровъ, что несчастные должники уже не видѣли никакой возможности разсчитаться съ бесерменами. Тогда послѣдніе

начинали ходить по селамъ и городамъ, забирали должниковъ и безпощадно били ихъ палками на улицахъ, площадяхъ и перекресткахъ, допытываясь, не спрятали ли они своего имущества. Убѣдившись, что у бѣдняковъ нечего больше взять, они забирали сыновей, дочерей, или самихъ и уводили въ рабство, распродавая въ разныя страны съ огромной выгодой для себя. До сихъ поръ народъ вспоминаетъ въ пѣсняхъ о томъ, какъ лютые хищники собирали дань.

Брали дани, невыходы,
Царски невыплаты
Съ князей по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьмутъ,
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьмутъ,
У кого жены-то нѣтъ,
Того самого головою возьмутъ.

У самыхъ сильныхъ работниковъ опускались руки. Стоило ли работать? Заведешь хорошее хозяйство, заработаешь тяжкимъ трудомъ довольство и изобиліе — это не ускользнетъ отъ жадныхъ взоровъ хищниковъ. Матери обливались слезами, глядя на своихъ дѣтей и думая горькую думу объ ихъ будущности: ужели злой варваръ завладѣетъ ими? Бесерменовъ сопровождали отряды татарскихъ наѣздниковъ, которые также не желали вернуться домой съ пу-

стыми руками, притомъ надменные варвары, являясь на Руси, считали себѣ все позволеннымъ и всегда готовы были

И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Глубокую ненависть затаилъ народъ къ своимъ поработителямъ. Эта ненависть слышится въ поговоркахъ: „злѣе злого татарина", „у нихъ, что у собаки, души нѣтъ: одинъ паръ..." Люди пришлые, откупщики дани не понимали, что имѣютъ дѣло съ народомъ, не привыкшимъ къ подобнымъ тиранствамъ,—съ народомъ, который былъ покоренъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и хорошо помнилъ объ утраченной свободѣ. Наконецъ, мѣра терпѣнія переполнилась, когда народъ былъ оскорбленъ въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ—въ своей преданности св. вѣрѣ...

Бывши прежде язычниками, татары при Беркаѣ приняли магометанство. Хотя въ общемъ они не утратили прежней вѣротерпимости, но уже вслѣдствіе самаго характера магометанства между ними естественно могли появляться отдѣльные фанатики, старавшіеся о распространеніи новой религіи между подвластными народами. Въ 1262 году явился на Руси „злой бесерменинъ" Тетямъ. Какой-то монахъ, по имени Зосима,

въ угоду мусульманину, отрекся отъ христіанства и, „вступивъ въ прелесть лжаго пророка Махметя“, съ ободренія Тетяма, „того поспѣхомъ“, началъ ругаться надъ своей прежней религіей. Въ словахъ лѣтописца живо отражаются чувства ужаса и отвращенія современниковъ къ поступку Зосимы. „Бѣ мнихъ образомъ точію, сотонѣ же съсудъ, бѣ бо піяница, и студословець, и празднословець, кощунникъ“. Народъ не могъ пересилить чувства негодованія при видѣ того, какъ „окаанный лишеникъ вѣры“ безчинствовалъ, „кресту и святымъ церквамъ ругаяся“. „Беззаконнаго и сквернаго, и законопреступника, и еретика Зосиму убиша въ городѣ Ярославлѣ. Бѣ бо тѣло его ядь псомъ и враномъ, а ноги его, тѣ на злое бѣху быстри, тѣ же влачими бяху отъ псовъ по граду, всѣмъ людемъ на удивленіе; отъ Божія суда на преступницѣ тако бысть конець лишеному нечестивому его тѣлу, а души нечестиваго, глаголетъ: червь ихъ не умреть, а огнь ихъ не угаснеть (Марк. IX, 44, 46); и индѣ глаголеть: оскудѣ беззаконный, и погибе нечестивый, и потребишася беззаконнующи во злобѣ“ (Исаія XXIX. 20). Точно электрическая струя пробѣжала по нервамъ народа: по всѣмъ городамъ суздальской и ростовской земли загудѣли вѣчевые колокола. Точно сговорившись, вдругъ поднялся народъ и рѣшился самъ распра-

виться съ своими притѣснителями. Забушевала, точно ураганъ, страшная буря народнаго негодованія... Пущены были слухи, что самъ великій князь Александръ разослалъ по городамъ грамоты, „что татаръ бити". Откупщикамъ пришлось теперь расплачиваться за свои безчеловѣчные поступки.

Съ одушевленіемъ говорятъ объ этой порѣ лѣтописцы, очевидно раздѣлявшіе чувства, охватившія народъ.

„Благый человѣколюбецъ Богъ нашь, и моленія Матерня послушавъ, и избави люди своя отъ великыя бѣды милосердіемъ Своимъ!"

„Избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго люди ростовскія земли, вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ!"

„И точно,—замѣчаетъ историкъ,—на этомъ событіи, кажется, лежало особое благословеніе Божіе, ибо народъ, несмотря на справедливую ненависть къ притѣснителямъ, разсчитался съ ними съ безпримѣрною въ такихъ случаяхъ умѣренностію". Черта весьма характерная! Христіанскій народъ видимо удерживался отъ пролитія крови и, предоставляя судъ Богу, ограничился изгнаніемъ откупщиковъ. Убитыхъ было немного, и то изъ числа наиболѣе ненавистныхъ и свирѣпыхъ хищниковъ. Собственно изъ татарскихъ чиновниковъ никто не пострадалъ. За-

мѣчательно, что ярость народа мгновенно утихала, когда догадливые люди, прося прощенія и пощады, изъявляли намѣреніе креститься. Такъ, напримѣръ, въ Устюгѣ народъ немедленно простилъ всѣ свои обиды главному откупщику Бугѣ, когда тотъ явился на вѣче и просилъ народъ пощадить его. Буга крестился и названъ былъ Іоанномъ. Женившись на взятой имъ еще ранѣе христіанкѣ Маріи, онъ постарался заслужить любовь народа доброй христіанской жизнію. Память о немъ сохраняется въ мѣстныхъ преданіяхъ: въ Устюгѣ указываютъ мѣсто, которое носитъ названіе Сокольей горы, потому что Буга однажды среди соколиной охоты на этой горѣ далъ обѣтъ построить здѣсь храмъ, посвященный св. Іоанну Предтечѣ.

Причиною умѣренности народа могли быть и увѣщанія князей, „ибо русскому всегда священна власть государя, и по одному слову его онъ удерживаетъ порывы мщенія".

Бесерменамъ данъ былъ хорошій урокъ, который забыть было нельзя. Они должны были понять, что всему есть мѣра, что русскій народъ хотя и побѣжденъ, но не примирился съ рабствомъ. Но за этотъ урокъ предстояло ужасное возмездіе. Можно было ожидать новаго нашествія татаръ, вслѣдствіе ханскаго гнѣва. Слышно было, что полчища татаръ уже готовы ворваться въ предѣлы русской земли. Итакъ—снова опусто-

шеніе, снова избіенія цѣлыми массами, можетъ быть, конечное порабощеніе и пагуба...

Александръ готовился въ это время къ походу противъ ливонскихъ нѣмцевъ, но теперь ему было не до похода: отдавъ свои полки сыну Димитрію, онъ рѣшился немедленно отправиться въ Орду, „дабы отмолилъ люди отъ бѣды“. Положеніе его было весьма затруднительно. „Это путешествіе,—справедливо говоритъ историкъ, — было однимъ изъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія со стороны Александра: хотя онъ не участвовалъ въ народномъ возстаніи и въ душѣ и на дѣлѣ былъ правъ передъ ханомъ; но тѣмъ не менѣе онъ шелъ въ Орду почти на вѣрную смерть; ему предстояли неодолимыя трудности; войска ханскія получили приказаніе идти на Россію, слѣдовательно ханъ не намѣренъ былъ слушать оправданій и уже рѣшилъ излить свою месть на строптивыхъ данниковъ; съ какими же глазами могъ явиться предъ нимъ Алексанръ и чего ждать отъ него? Не прошло еще пяти лѣтъ, какъ Александръ увѣрялъ хана, что русскіе будутъ самыми покорными данниками, лишь бы онъ не предавалъ народъ совершенному порабощенію; ханъ согласился на его увѣренія и далъ Россіи права государства почти самостоятельнаго, а россіяне уже произвели всеобщее возстаніе и изгнали ханскихъ сборщиковъ дани.

Очевидно, такимъ образомъ, что Александръ, какъ неисполнившій обѣщанія, былъ кругомъ виноватъ въ глазахъ хана и, отправляясь въ Орду, прежде всего долженъ былъ видѣть передъ собою участь Михаила черниговскаго и другихъ клязей, сложившихъ тамъ свои головы; онъ долженъ былъ принять на себя весь пылъ ханскаго гнѣва. Лѣтописи не говорятъ о подробностяхъ Александрова путешествія; но вѣдь дѣло говоритъ само за себя; объ этомъ подвигѣ Александра нельзя вспоминать безъ благоговѣнія къ высокому характеру подвигоположника. Ясно, что Александръ, рѣшаясь отправиться въ Орду, совершенно забывалъ о себѣ, и думалъ только о любезной ему Россіи и о священномъ долгѣ государя, защитника подданныхъ,—онъ шелъ, какъ обреченная искупительная жертва за русскую землю“.

Горячо молился передъ своимъ отправленіемъ Александръ Ярославичъ и трогательно прощался съ родными, точно предчувствовалъ, что ему уже не суждено свидѣться съ ними. Посылая свои полки съ Димитріемъ, онъ говорилъ своей дружинѣ: „Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ“. Безъ сомнѣнія, много слезъ было пролито при этой разлукѣ. Тяжелыя предчувствія томили всѣхъ, но другого исхода не предвидѣлось...

Между тѣмъ тяжелое само по себѣ положеніе дѣлъ усложнялось еще другимъ обстоятельствомъ. Незадолго предъ тѣмъ умеръ верховный ханъ Менгу. Начались обычныя кровавыя распри изъ-за престола, продолжавшіяся цѣлыхъ три года, пока наконецъ не былъ возведенъ, при могущественномъ содѣйствіи опять-таки кипчакскаго хана, одинъ изъ сыновей Тулуя Кубилай, родной братъ Менгу и дроюродный— Беркая. Въ царствованіе Кубилая произошли весьма важныя обстоятельства, которыя сильно потрясли могущество монголовъ. Кубилай переселился изъ Каракорума, родины Чингизидовъ, въ сѣверный Китай и занялся окончательнымъ покореніемъ этого государства. Монгольская держава обратилась въ китайскую имперію. Властвуя въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга земляхъ, монголы естественно подвергались вліянію покоренныхъ народовъ. Такъ въ Китаѣ монголо-татары подпали вліянію китайской образованности и, оставивъ кочевой образъ жизни, обратились къ земледѣлію. Между тѣмъ монголы, властвовавшіе надъ Русью, хотя сохранили первобытный образъ жизни, зато измѣнили вѣрѣ отцовъ и въ скоромъ времени позабыли и родной языкъ, замѣнивъ его тюркскимъ нарѣчіемъ. Ослабленіе внутренняго единства естественно вело къ политическому разъединенію: отдѣльныя

ханства сдѣлались независимыми государствами, между которыми незамедлили открыться междоусобныя войны.

Беркай, обращенный въ магометанство по однимъ извѣстіямъ какимъ-то дервишемъ изъ Средней Азіи, по другимъ—бухарскими купцами, подъ вліяніемъ мусульманскихъ улемовъ, рѣшился вступить въ борьбу съ другимъ своимъ двоюроднымъ братомъ — персидскимъ ханомъ Гулагу, съ которымъ у него и безъ того шелъ постоянный раздоръ изъ-за границъ. Гулагу, остававшійся язычникомъ, около того времени нанесъ окончательный ударъ багдадскому халифату и умертвилъ халифа. Беркай вступилъ въ тѣсный союзъ противъ Гулагу съ его непримиримымъ врагомъ Бибарсомъ, сирійско-египетскимъ султаномъ. Замѣчательна судьба этого государя. Онъ былъ родомъ изъ половцевъ. Татары въ юныхъ годахъ продали его въ Крыму венеціанскимъ купцамъ. Затѣмъ Бибарсъ очутился въ Египтѣ, гдѣ его завербовали въ мамелюкскую гвардію египетскаго султана. Дослужившись до званія военачальника, Бибарсъ, при помощи коварства и злодѣянія, достигъ престола. Гулагу вскорѣ послѣ своего удачнаго похода въ Персію умеръ, и на престолъ вступилъ сынъ его Абакъ, уже не спрашивая соизволенія верховнаго хана, и началъ распоряжаться въ своихъ земляхъ совершенно

самостоятельно. Назначая намѣстниковъ въ отдѣльныя области своего царства, онъ отдалъ брату своему Яшмуту Дербентъ и Ширванъ.

Открывъ враждебныя дѣйствія, Беркай отправилъ одного изъ своихъ царевичей, Буку, съ большимъ войскомъ для завоеванія Дербента, но Яшмутъ мужественно выступилъ противъ непріятеля и въ 1262 году отразилъ его, разбивъ на голову войска Беркая. Беркай пришелъ въ ярость отъ неожиданнаго пораженія и рѣшилъ собрать всѣ силы своего царства, чтобы загладить позоръ неудачи. 300,000 войска готовы были двинуться въ Персію. Всѣ подвластные правители должны были выставить вспомогательные отряды, въ томъ числѣ и русскіе... „Бѣше тогда велика нужа отъ поганыхъ и гоняхуть люди, веляхуть съ собою воиньствовати“. Только того еще не доставало, чтобы русскіе проливали кровь на поляхъ битвъ за своихъ поработителей... Среди такихъ-то обстоятельствъ ханъ получилъ извѣстіе о возстаніи на Руси и избіеніи бесерменовъ... Въ страшномъ гнѣвѣ онъ рѣшилъ сперва покарать русскихъ, и 300,000 свирѣпыхъ варваровъ готовы были броситься на наше отечество, чтобы окончательно истерзать его. Что пережилъ Александръ Ярославичъ за время своего пребыванія въ Ордѣ, мы можемъ судить по

результатамъ путешествія: Россію онъ спасъ, но здоровье его разстроено было безнадежно... Беркай отправился на войну въ Персію, но, сбираясь дать рѣшительное сраженіе на берегахъ Куры, внезапно заболѣлъ и умеръ, а его полчища вернулись домой. Повелителемъ Кипчака сдѣлался Менгу-Тимуръ. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ новый ханъ могъ заняться дѣлами Россіи и выслушать смиренныя извиненія и мольбы Александра. Дѣло ведено было такъ искусно, что ханъ не только простилъ русскихъ, но и освободилъ ихъ отъ обязанности воевать за монголовъ. Господь видимо благословлялъ усилія самоотверженнаго героя, и успѣхъ его путешествія превзошелъ всѣ ожиданія.

XIX.

Кончина св. Александра.—Скорбь народа.—Чудо при погребеніи.—Нравственный образъ св. князя.

Людіи твои плакахуся о тебѣ, солнцѣ земли русскія, въ полудни зашедшемъ!
Радуйся, обѣтами иночества св. житіе свое оувѣнчавый!
Радуйся, въ конецъ житія своего всего себе Богу освятивый!
Радуйся, оугодниче Божій, въ самомъ погребеніи отъ Бога получивый прославленіе!
Радуйся, пламенную любовь отъ народа снискавый!

Пробывъ болѣе году въ Ордѣ „избавы ради христіанскія“ и испивъ до дна чашу горести и униженій, Александръ наконецъ получилъ отъ хана позволеніе возвратится въ отечество. Можно вообразить, какъ спѣшилъ онъ отъѣздомъ изъ Орды, чтобы обрадовать свой народъ добрыми вѣстями! Вотъ уже миновалъ онъ степи и пустыни, вотъ уже пер-

выя русскія поселенія, недалеко и Нижній... Но жестокій недугъ крушитъ страдальца, его мощный организмъ, истомленный необыкновенными трудами, отказывается служить всегда бодрому духу. Сколько храбрыхъ пало на его глазахъ, болѣе, чѣмъ въ 20 битвахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ! Сколько разъ приходилось ему ѣздить въ Орду и въ далекую Монголію къ грознымъ ханамъ, гдѣ многіе изъ князей окончили свою жизнь подъ ножами варваровъ! Сколькимъ опасностямъ подвергался онъ во время своихъ путешествій! Но Богъ хранилъ его: отовсюду онъ выходилъ невредимъ, мечи враговъ и ножи убійцъ щадили его—только онъ самъ не щадилъ себя, и вотъ теперь, обезсиленный неимовѣрными трудами, онъ видитъ, что ему приходится умереть во цвѣтѣ лѣтъ, не имѣя и 45 лѣтъ отъ роду!.. „Что дивнаго,—восклицаетъ благочестивый описатель его житія,—если преждевременно истомился въ такомъ кипящемъ горнилѣ испытаній, и если самое тѣло, хотя благообразное и крѣпкое, ослабѣло отъ частыхъ странствованій въ дальнюю Орду и не вынесло наконецъ постояннаго напряженія силъ? — Неодолимый въ битвахъ, еще въ полномъ цвѣтѣ мужества, изнемогъ подъ бременемъ великокняжескаго вѣнца, который былъ для него вѣнцомъ терновымъ, едва достигнувъ сорока трехъ-лѣтняго возраста“.

Пріѣхавъ въ Нижній, Александръ такъ ослабѣлъ, что не могъ продолжать путешествія и долженъ былъ остановится на нѣсколько времени. Немного оправившись, онъ снова продолжалъ путешествіе, но, доѣхавъ до Городца (Волжскаго), занемогъ такъ сильно, что не въ состояніи былъ ѣхать далѣе. Стояла глубокая осень — половина ноября. Суровое время года ускорило роковую развязку. Александръ понялъ, что приближается конецъ его многотрудной жизни и сталъ готовиться къ переходу въ вѣчность. По обычаю того времени, онъ сталъ просить о постриженіи въ иночество и схиму съ именемъ Алексія.

„Отче, се боленъ есмь вельми... Не чаю себѣ живота и прошю у тебе постриженія...“

Съ глубокой, гнетущей сердце тоскою, едва сдерживая душившія грудь слезы, стояли около одра умирающаго его приближенные. Объ этой скорби живо говорятъ намъ слова современника-лѣтописца: „Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великаго князя Александра Ярославича? како не испадета зѣницы твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? *отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ*“.

Долго сдерживаемыя рыданія вырвались

наружу. „Ужасно бѣ видѣти, яко въ толицѣ множествѣ народа не обрѣсти человѣка не испустивша слезъ, но вси со восклицаніемъ рыдающе глаголаху: „Увы намъ, драгій господине нашъ! Уже къ тому не имамы видѣти красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладитися. Кому прибѣгнемъ и кто ны ущедритъ? *Не имутъ бо чада отъ родителя такова блага пріяти, якоже мы отъ тебе пріимахомъ, сладчайшій наю господине!*" Но эти вопли возмутили спокойствіе души, уже отрѣшившейся отъ всего земного, и Александръ, „зѣло стужився", кротко просилъ ихъ оставить его одного: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!" Сколько любви сказалось въ этихъ немногихъ словахъ! Прошло нѣсколько минутъ, и уже инокъ Алексій снова призвалъ къ себѣ своихъ приближенныхъ—всѣхъ бояръ и простыхъ людей и началъ трогательно прощаться, давая послѣднее благословеніе и слабѣющимъ голосомъ прося у всѣхъ прощенія. Горькое то было зрѣлище общаго неудержимаго плача и рыданія „о поборникѣ всей земли русской, предстателѣ бояръ, питателѣ убогихъ, отцѣ вдовъ и сиротъ и заступникѣ церкви, которую защищалъ отъ враговъ, утверждая въ ней вѣру Христову!" Слеза скатилась изъ глазъ Александра... Еще разъ открылъ онъ уста и выразилъ желаніе сподобиться въ послѣднюю минуту причаще-

нія пречистыхъ тайнъ Своего Господа и Спасителя, Котораго возлюбилъ отъ юности своей. Его желаніе исполнилось, и тогда онъ тихо предалъ свою чистую душу въ руки Божіи, 14 ноября 1263 года, въ день памяти св. апостола Филиппа.

Поэтъ живо рисуетъ намъ картину послѣднихъ мгновеній земной жизни Александра:

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ.

***

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ,
Тихъ и недвижимъ лежитъ головой къ образамъ
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.
. . . .

***

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: „Наше солнце зашло!“

(**Майковъ**).

Божественная служба совершалась въ соборномъ храмѣ въ стольномъ Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своей паствой возносилъ теплыя молитвы Богу, молился, можетъ быть, объ отвращеніи опас-

ностей, грозившихъ отечеству, о благополучномъ возвращеніи великаго князя, котораго всѣ такъ долго и съ нетерпѣніемъ ожидали. Устремляя свои взоры горе, какъ бы къ самому престолу Всевышняго, святитель внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, великій князь Александръ... Тихо, какъ бы возносясь на крыльяхъ ангельскихъ, удаляясь вверхъ, скрылось отъ очей святителя „подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра". Предстоявшіе съ изумленіемъ смотрѣли на святителя, на лицѣ котораго, безъ сомнѣнія, сіяло отраженіе необычайнаго явленія. Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ глазъ старца. „Зашло солнце земли русской!" тихо проговорилъ святитель. Но никто не понялъ роковаго значенія этихъ словъ. Наконецъ, митрополитъ, съ глубокимъ вздохомъ, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, громко произнесъ: „Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный князь великій Александръ преставился"!.. Ужасъ охватилъ всѣхъ при этихъ словахъ. Храмъ огласился воплями скорби и отчаянія. „Погибаемъ!" воскликнуло единодушно все собраніе—„и ерея, и діаконы, и черноризцы, нищіи, богатіи и вси людіе мнозіи"... Это внезапно вырвавшееся воскли-

цаніе всего лучше показало все значеніе Александра для отечества...

Опустѣлъ стольный городъ... „Князи и бояре, и весь родъ, мали и велиціи“ устремились навстрѣчу печальной процессіи съ тѣломъ Александра. Не такъ надѣялся встрѣтить его осиротѣлый теперь народъ! Митрополитъ „съ чиномъ церковнымъ“ остановился въ Боголюбовѣ, приготовившись встрѣтить тѣло Александра со свѣчами и ѳиміамомъ кадильнымъ. Безчисленное множество народа покрыло окрестности. Скоро показался стягъ почившаго князя. Неудержимый плачъ раздался кругомъ... Вотъ и печальное шествіе... Волны народа неудержимо ринулись навстрѣчу. „Отъ множества народа изгнѣтаахуся людіе, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачъ велій, и кричаніе, и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися“. 23-го ноября совершалось торжественное отпѣваніе въ соборномъ храмѣ. Пѣніе надгробныхъ пѣсней заглушалось нерѣдко вздохами и едва сдерживаемыми рыданіями осиротѣлой семьи и народа. „И бысть тогда чудо дивно, памяти достойно“: экономъ Севастьянъ, приблизившись къ гробу, хотѣлъ было розогнуть руку усопшаго, „да вложить митрополитъ грамату душевную“. Но блаженный князь „яко живъ“ самъ простеръ руку, чтобы принять „свитокъ грѣховъ про-

щенія“ и затѣмъ снова сложилъ крестообразно руки на груди. „Ужасъ великъ“ объялъ присутствовавшихъ, „яко отъ раки отступиша“. „Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю, привезену отъ дальнихъ мѣстъ во время зимы? тако прослави Богъ угодника Своего, иже много тружшеся за землю русьскую, и за Новгородъ, и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за православную вѣру“. Въ глубокомъ благоговѣніи приблизившись ко гробу, подняли его и съ пѣніемъ понесли уже какъ инока изъ храма, гдѣ покоились славные предки Александра, въ иноческую обитель Рождества Богородицы, гдѣ и положили въ соборной церкви.

Какъ жилъ святый и благовѣрный князь, и при жизни „распаляшеся божественнымъ небеснымъ желаніемъ“, такъ и скончался. Принявъ схиму, онъ послѣдовалъ не одному только обычаю времени. „Это было, по словамъ одного изъ его жизнеописателей, изволеніе святаго сердца его, во всю жизнь преуспѣвавшаго въ стремленіи къ Богу,— это было вѣнцомъ его постояннаго, вѣрнаго, разумнаго служенія Богу. То истинно-ангельское спокойствіе, съ какимъ послѣ принятія ангельскаго образа совершилъ онъ послѣднее прощаніе съ своими приближенными и со всѣми, кто могъ быть при одрѣ

его,—та послѣдняя просьба, съ какою онъ обратился къ окружавшимъ одръ его съ невольными слезами и рыданіемъ: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію“,—служатъ живымъ свидѣтельствомъ, какъ искренни были его обѣты, какъ живо было стремленіе его къ Богу, Которому онъ посвятилъ себя у вратъ смерти на всю вѣчность, принявъ, наконецъ, и схиму“.

Позволимъ привести здѣсь слѣдующія проникнутыя теплымъ чувствомъ размышленія, которыя внушила тому же благочестивому жизнеописателю св. князя его блаженная кончина: „такъ рановременно по суду человѣческому, и благовременно по намѣреніямъ Промысла Божія, такъ свято предъ очами Божіими и человѣческими, кончилась жизнь св. Александра Невскаго!.. Кончилась?.. Нѣтъ! Кончилось видимое общеніе св. князя съ любившимъ его народомъ; но вмѣстѣ съ нимъ началась безсмертная жизнь имени его въ благодарной памяти народной, передававшей изъ вѣка въ вѣкъ славу подвиговъ героя Невскаго. Кончилось предопредѣленное ему время подвиговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ началось нескончаемое время его наградъ и воспарившему къ небу его духу, и успокоившемуся отъ трудовъ тѣлу,—наградъ, которыхъ не замѣнила бы самая продолжительная жизнь со всѣми ея радостями... О, вѣдомы ли были блаженному ду-

ху твоему, отецъ отечества своего, спасавшій его въ самую тяжкую годину отъ самаго тяжкаго горя,—вѣдомы ли были духу твоему тѣ рыданія и слезы, съ какими народъ твой принялъ вѣсть о кончинѣ твоей, съ какими принялъ онъ драгоцѣнное сокровище—останки твои и предалъ ихъ землѣ? Не мало огорченій среди непрерывныхъ, тяжкихъ и въ высшей степени благотворныхъ трудовъ испыталъ ты со стороны неразумныхъ чадъ твоихъ—твоего народа: теперь утѣшился бы духъ твой, если бы нуждался въ земныхъ утѣшеніяхъ; теперь увидѣлъ бы ты, какъ цѣнили тебя, какъ любили тебя, ангелъ-хранитель добраго народа русскаго!... Владиміръ твой ждетъ своего князя съ радостными вѣстями... Не ту вѣсть вѣщаетъ ему первосвятитель Кириллъ: „Чада моя милая! зайде солнце земли русскія“. Посмотрѣлъ бы ты, какъ народъ принялъ эту горькую истину, какъ первосвятитель передалъ ее. Народъ какъ будто не понялъ,—онъ, можетъ быть, не хотѣлъ понять словъ своего архипастыря... Какъ, безъ сомнѣнія, и святитель желалъ бы объяснить ихъ не такъ! Но уже все кончено: народъ долженъ узнать свое горе! „Благовѣрный великій князь преставился“, говоритъ со слезами святитель, но у народа, въ отвѣтъ, нашлось только два слова, въ которыхъ вылилась вся скорбь, вся туга сердечная

по тебѣ, защитникъ земли русской!—„Уже погибаемъ!“ Пришелъ и самый мрачный день скорби и сѣтованія, когда пораженный печалію престольный градъ твой вышелъ срѣтить и принять на могильный покой святые останки твои... Въ дни ожиданія св. тѣла народъ успѣлъ припомнить всѣ доблести, всѣ подвиги, всѣ благодѣянія князя, который съ ангельскою добротою, неусыпностію и терпѣніемъ трудился во благо его... И приникалъ ли свыше блаженный духъ твой, благодѣтель своего роднаго края, къ умилительному зрѣлищу, какое было у твоего гроба, когда, въ торжественномъ шествіи во Владиміръ, толпы, безпрестанно возрастая, спѣшили хоть прикоснуться къ святому тѣлу твоему, къ честному гробу твоему; когда рыданіями народными, какихъ дотолѣ не бывало, заглушалось пѣніе погребальное; когда собственными слезами пѣвцовъ прерывалось пѣніе?.. Вѣдомо ли, наконецъ, тебѣ то, что переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, вмѣстѣ съ памятью твоихъ доблестей и подвиговъ,—трогательное выраженіе всей скорби по тебѣ, всей любви къ тебѣ, какое читаемъ мы, отдаленнные потомки облагодѣтельствованныхъ тобою прапрадѣдовъ нашихъ, въ письменахъ свидѣтелей твоей кончины: „отца человѣкъ можетъ забыти, а добра господина не можетъ оставити; аще бы лзѣ, и въ гробъ бы легъ съ

нимъ". Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ теперь чувства своихъ предковъ къ тебѣ, и раздѣляемъ ихъ, отдавая предкамъ и честь, и славу, и искреннюю признательность за ихъ добрыя чувства!..

„За тебя же, слава не только царства русскаго, но и святой Церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздалъ тебѣ народъ твой, сколько съ благоговѣніемъ приникая къ славѣ, какую достойно воздалъ тебѣ Господь! Съ радостію припоминаемъ явныя знаменія прославленія твоего на небѣ, такъ видимо отражающагося на покоющихся среди насъ нетлѣнныхъ останкахъ твоихъ. Въ славѣ твоего, просіявшаго нетлѣніемъ, тѣла, мы прозираемъ вѣчную славу твоего духа, блаженствующаго въ обителяхъ Отца небеснаго, и благословляемъ святѣйшее имя Господа, дарующаго вѣрнымъ рабамъ Своимъ вѣчную славу въ воздаяніе за ихъ труды, являющаго и другимъ эту славу еще во времени, въ ободреніе въ трудѣ угожденія Ему. Благословляемъ и твое святое имя, благоговѣя предъ множествомъ твоихъ подвиговъ и трудовъ, а еще болѣе—передъ высотою и чистотою святой души твоей, всегда бодрственной, всегда всецѣло Богу преданной, умѣвшей каждое изъ дѣлъ жизни возводить въ достоинство жертвы и служенія Богу!"

Сурова, полна тяжкихъ, самоотвержен-

ныхъ трудовъ была жизнь Александра. Безъ сомнѣнія, ясное представленіе его многострадальныхъ подвиговъ внушило историку слѣдующія строки: „имя Святаго, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго: ибо Великимъ называютъ обыкновенно счастливыхъ“. Это сужденіе вызываетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Если подъ счастьемъ разумѣть одни громкіе успѣхи, отсутствіе неудачъ и страданій, беззаботное наслажденіе всѣми утѣхами жизни, то, конечно, въ жизни св. Александра Невскаго мы немного найдемъ такого счастья. Его жизнь скорѣе есть жизнь *скорби*. Но справедливо сказано, что „скорбь“ и „радость“—близки между собой, какъ двѣ родныя сестры, и можно полагать съ увѣренностью, что, если въ въ его жизни было много скорби, происходившей главнымъ образомъ отъ состраданія къ своему народу, то, съ другой стороны были и радости. Не худшее ли изъ бѣдствій въ жизни составляютъ терзанія нечистой преступной совѣсти? Но его праведная жизнь служитъ ручательствомъ, что онъ не испытывалъ горечи этого бѣдствія, часто удручающаго людей, повидимому пользующихся всѣми житейскими благами. Скорѣе напротивъ—онъ долженъ былъ испытывать радость безупречно исполненнаго долга, радость незапятнанной совѣсти, радость чистой души, далекой отъ всякой низости,

радость святой жизни, всецѣло отданной на служенiе Богу и ближнимъ. „Это, по словамъ знаменитаго писателя, конечно едва ли то, что люди собственно называютъ радостью; это не веселость легкомыслiя, которая подобна кратковременному мерцанiю арпѣльскаго солнца надъ мелководнымъ потокомъ; это не смѣхъ безумцевъ, который подобенъ „треску шиповъ подъ горшкомъ“: такихъ радостей мало въ жизни человѣка, который понимаетъ истинный смыслъ жизни. Но истинно сказалъ одинъ великiй учитель Церкви: Crede mihi, res severa est verum gaudium („Вѣрь мнѣ, суровая жизнь есть истинная радость“)“, и изъ этого источника всего истинно-добраго и благороднаго и всего истинно-великаго онъ могъ почерпать съ избыткомъ новыя силы для преодолѣнiя предстоявшихъ ему трудностей, могъ почерпать ту энергiю, ту изумительную бодрость, которая проявляется во всѣхъ его дѣйствiяхъ. Не забудемъ при этомъ, что въ теченiе всей жизни его одушевляло пламенное благочестiе, никогда не оставляло молитвенное настроенiе духа, и вслѣдствiе этого „вездѣ благодать Божiя осiяваше его“, а это составляетъ источникъ высшаго блаженства, доступнаго человѣку. Зависть и злоба, эти самыя горкiя отравы жизни, не находили мѣста въ его сердцѣ, исполненномъ доброты, кротости, сострадания и всепрощенiя. Нѣтъ, великiй подвиж-

никъ земли русской былъ счастливъ въ высшемъ, благороднѣйшемъ значенiи этого слова! Вмѣстѣ съ тѣмъ на его подвигахъ лежитъ печать истиннаго величiя: стоя на рубежѣ двухъ эпохъ, между кiевскимъ и московскимъ перiодомъ русской исторiи, онъ совмѣстилъ въ себѣ лучшiя стороны, отличающiя выдающихся дѣятелей той и другой эпохи: съ блестящей храбростью соединяя рѣдкое благоразумiе онъ одинаково далекъ былъ какъ отъ безцѣльныхъ порывовъ и стремленiй, ведущихъ иногда къ громкимъ, но мало полезнымъ поступкамъ, такъ равно и отъ себялюбивыхъ, узко-эгоистическихъ наклонностей, вызывающихъ иногда неразборчивость въ средствахъ къ достиженiю намѣченныхъ цѣлей. Неуклонная правдивость и прямота души побудила его рѣшительно, безъ малѣйшихъ колебанiй отвергнуть всякiй союзъ съ Западомъ, что навсегда безповортно опредѣлило характеръ нашей духовной самобытности. Въ то же время, безусловной покорностью обезоруживъ татаръ и устранивъ ихъ вмѣшательство въ наши внутреннiя дѣла, онъ обезпечилъ въ будущемъ и политическую независимость своего государства. Но его покорность далека отъ раболѣпства: онъ всегда умѣлъ поддержать и сохранить достоинство человѣка и христiанина и внушилъ къ себѣ невольное уваженiе и полное довѣрiе сво-

ихъ грубыхъ повелителей. Дивный, озаренный лучами святости, образъ истинно-русскаго человѣка изъ глубины минувшихъ вѣковъ встаетъ передъ нами въ лицѣ Александра: свѣтлый, практическій умъ, широта взгляда, могучая воля, беззавѣтная преданность своей родинѣ, искренность и задушевность чувства, благородство и великодушіе, неизмѣнно-бодрое и трезвенное настроеніе духа, безпредѣльная любовь къ Богу,—словомъ, всѣ черты, которыя мы замѣчаемъ на протяженіи вѣковъ въ лучшихъ представителяхъ нашей народности, мы встрѣчаемъ въ нашемъ національномъ героѣ—Александрѣ!

„О, даруй Богъ, скажемъ вмѣстѣ съ благочестивымъ описателемъ жизни св. Александра, чтобы благодарная память о св. князѣ-праведникѣ была жива... во всѣхъ краяхъ Россіи,—чтобы слава его отъ насъ перешла къ потомкамъ нашимъ, какъ къ намъ перешла отъ благочестивыхъ предковъ, возрастая вмѣстѣ съ распространеніемъ своимъ,—чтобы примѣръ святой его жизни находилъ какъ можно болѣе вѣрныхъ подражателей, и нынѣшніе сыны Россіи всегда также достойны были благоволенія Божія и покровительства и помощи своего заступника — св. благовѣрнаго и великаго князя Александра и всѣхъ святыхъ, какъ въ дни своей жизни достоинъ былъ онъ—герой Невскій!“

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Св. Александръ Невскій въ русской поэзіи народной и художественной.

Столь высокая личность, какъ св. Александръ Невскій, оставившій своей дѣятельностью глубокій слѣдъ въ жизни русскаго народа, не могла не оставить слѣдовъ и въ народномъ творчествѣ. Въ предлагаемомъ народномъ стихѣ, записанномъ со словъ крестьянина Орловской губерніи, св. Александръ Невскій является побѣдителемъ „нечестивыхъ татаръ". Св. Александръ не побѣждалъ татаръ на полѣ брани, тѣмъ не менѣе историческая заслуга св. князя народнымъ чутьемъ оцѣнена вѣрно: св. Александръ превозмогъ варваровъ превосходствомъ нравственной силы, подготовивъ своими самоотверженными подвигами будущее освобожденіе русскаго народа отъ тяжкаго ига и дальнѣйшее торжество его надъ варварами.

Ужъ давно-то христіанска вѣра
Во Россеюшку вошла,
Какъ и весь-то народъ русскій
Покрестился во нее;
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему:

„Ты создай намъ, Боже,
„Житье мирное, любовное:
„Отжени ты отъ насъ
„Враговъ пагубныхъ;
„Ты посѣй на нашу Русь
„Счастье многое!“

И слышалъ Богъ молитвы
Своихъ новыхъ христіанъ:
Надѣлялъ Онъ ихъ
Счастьемъ многимъ Своимъ.
Но забылся народъ русскій
Въ счастіи живя;
Онъ сталъ Бога забывать,
А себѣ-то гибель заготовлять.
И наслалъ Богъ на нихъ
Казни лютыя,
Казни лютыя, смертоносныя:
Онъ наслалъ-то на святую Русь
Нечестивыхъ людей,
Нечестивыхъ людей, татаръ крымскіихъ.

Какъ и двинулось погано племя
Отъ сѣвера на югъ,
Какъ сжигали-разбивали
Грады многіе,
Пустошили-полонили
Земли русскія.
Добрались-то они до святаго мѣста,
До славнаго Великаго Новагорода.
Но въ этомъ-то градѣ
Жилъ христіанскій народъ:
Онъ молилъ и просилъ
О защитѣ Бога Вышняго.
И вышелъ на враговъ
Славный новгородскій князь,
Новгородскій князь Александръ Невскій.
Онъ разбилъ и прогналъ

Нечестивыхъ татаръ;
Возвратившись со войны,
Во иноки онъ пошелъ;
Онъ за святость своей жизни
Угодникомъ Бога сталъ.

И мы, грѣшніи народы,
Притекаемъ къ нему:
„Ты, угодникъ Божій,
„Благовѣрный Александръ!
„Умоляй за насъ
„Бога Вышняго,
„Отгоняй отъ насъ
„Враговъ пагубныхъ!
„И мы тебя прославляемъ:
„Слава тебѣ,
„Благовѣрный Александре,
„Отнынѣ и до вѣка!“

(Калѣки перехожіе. П. Безсонова. Ч. 1. 669—671).

Изъ произведеній художественной поэзіи воспользуемся слѣдующимъ поэтическимъ воспроизведеніемъ Невской побѣды въ стихотвореніи нашего маститаго поэта Майкова:

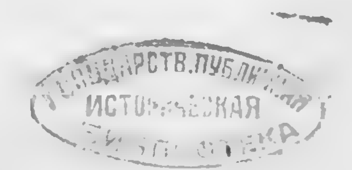
Побѣда Александра Невскаго надъ шведами. (1240 г.)

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!
Выглянь, Божіе солнышко красное!
Вотъ сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло
Что до самаго дна недостанаго
Бѣлъ-горючими камнями стланаго.
Только вѣдаютъ волны-разбойнички
Да тонулые въ весну покойнички,
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое.
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно
И волнами, что хмелемъ бродливымъ, засѣяно;

Колыхается Ладога, все колыхается;
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается.
Со своею со зимнею шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она на просторѣ
Погулять на Варяжскомъ родимомъ имъ морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру вслѣдъ имъ съ поклонами;
И бѣгутъ онѣ вмѣстѣ, побѣжкою скорою,—
И бѣгутъ въ перегонку Нева со Ижорою.
Али нѣтъ въ Новѣгородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? Его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ на Свѣтлой недѣлѣ,
А владыка Филиппомъ нарекъ.
Вотъ стоитъ онъ, стоитъ,
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ раннею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной лодьею;
Подъ лодьей опрокинулись всѣ небеса;
Надъ лодьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли въ лодьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,
И окутаны мглою сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святаго Бориса и Глѣба.
Говорятъ межъ собою:
„На эту на ночь
„Александру, любезному брату, намъ надо помочь.
„Похваляются всуе кичливые шведы,
„Что возьмутъ Новоградъ; да не вѣдать невѣрнымъ побѣды:
„Ихъ лодьи и ихъ шнеки размечетъ Нева...“
И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!“

„Собирайтеся, молвилъ дружинникамъ князь, со святой благостынею“,
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
„О Господи, Боже,
„О Великій, и Крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
„И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!“
Собралися дружинники князя, кто пѣше, кто конно,
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
„Други-братья, помянемъ не кровь и не плоть,
„А слова, что *не въ силѣ, а въ правдѣ Господь*!“
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою
Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто саженъ кругомъ онъ раскинулъ шатеръ
И подперъ его столпнякомъ, глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,
Сквозь огонь главнымъ розмысломъ шведскимъ золоченымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая.
И было бесѣды
За полуночь у нихъ. И рѣшили они межъ собой
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами;
Порѣшили, и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами.
Конченъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ, по мосткамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ помощи выбрался самъ.
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь-Александра...
Заржали ретивые кони,
И Гаврило Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на спалѣлыхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ спросту,
По доскамъ, до епископской шнеки, безъ мосту;
И учалъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.

Да Гаврило Олексичъ куда былъ силенъ и строптивъ,
Да и конь его Воронъ куда былъ сердитъ и ретивъ:
Окунулся въ море,—да мигомъ на шнекѣ опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечомъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Сбыславъ Якуновичъ тотъ сѣкъ эту чудь, съ позѣвкомъ и съ-плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ меча,
Хоть вернулся къ дружинѣ весь красный, и спереди онъ, да и сзади;
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго ради.
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
—Три коробля трупьемъ своимъ навалища!
Крикнулъ ловчій у князь-Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ: „хоть пасли мы заморскихъ гусей ихъ, пасли,
Да гусынь ихъ, любезныхъ трехъ шнекъ, почитай не спасли".
Балагуръ былъ. А Савва-то отрокъ досмысленный былъ,
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столпъ золотой подрубилъ,
Да и вороговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту.
А князь-то!.. О Господи, Боже!
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ-плеча и печать кровяную булатнымъ копьемъ
Положилъ межъ бровей хвастуну окаянному шведу.
Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ,
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ:
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно-Единый...
И валилися шведы, валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой,
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы ни путемъ, ни дорогой;
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли.

ПРИЛОЖЕНІЕ, № II.

Хронологическая таблица.

I. Событія изъ жизни св. Александра.

Годъ рожденія св. Александра Невскаго . . .	1219
Начало княженія въ Новгородѣ.	1228
Самостоятельное княженіе.	1236
Бракъ	1239
Нашествіе шведовъ.	1240
Ледовое побоище и походы на Литву	1242
Походы на Литву и пораженіе литовцевъ у озера Жизца	1245
Кончина вел. кн. Ярослава.	1246
Путешествіе къ Батыю и къ истокамъ Амура.	1246—1250
Плѣненіе Неврюево	1252
Александръ—великій князь	1252
Посольство папы	1252
Набѣгъ литовцевъ и ихъ пораженіе близъ Торопца	1253
Изгнаніе новгородцами Василія Александровича	1253
Финляндскій походъ	1256
Переговоры съ татарами относительно дани .	1253—1257
Новая распря съ Новгородомъ изъ-за дани . .	1257—1259
Рожденіе Даніила.	1261
Походъ Ярослава и Димитрія противъ нѣмцевъ. Взятіе Юрьева	1262
Послѣднее путешествіе въ орду и кончина св. Александра.	1263

II. Событія въ юго-западной Руси.

Вступленіе на престолъ Даніила Романовича .	1229
Путешествіе Даніила въ орду	1250
Коронованіе Даніила въ Дрогичинѣ королевск. вѣнцомъ	1255
Кончина Даніила	1264
Мученическая кончина въ ордѣ Михаила черниговскаго.	1246

III. Монголы.

Чингизъ-Ханъ.	1154—1227
Разореніе царства гангутовъ.	1206

Походъ на Ховарезмъ (Бухару) 1219
Битва на Калкѣ 1224
Окончательное покореніе Тангута и сѣв. Китая. 1227
Опустошеніе Рязанской области 1237
Битва при Сити 1238
Взятіе Кіева. 1240
Битва при Лигницѣ 1241
Погибель Багдадскаго Халифата 1258

IV. Швеція.

Эрикъ Эриксонъ, при фактической власти Биргера. 1216—1251
Вальдемаръ, сынъ Биргера. . . . . 1251—1275

V. Норвегія.

Гаконъ V. . . . . 1217—1263

VI. Данія.

Вальдемаръ II побѣдоносный. Его супруга Дагмара, героиня народныхъ пѣснопѣній . . . 1202—1241
Эрикъ Плогпеннигъ . . . . 1241—1250
Абель . . . .
Кристофъ . . . . † 1259
Эрикъ . . . . 1259—1285

VII. Ливонскій орденъ.

Альбертъ. . . . . 1199—1229
Основаніе ордена и построеніе Риги 1201
Паденіе Юрьева 1224
Соединеніе Ливонскаго и Тевтонскаго орденовъ. 1237

VIII. Литва.

Крещеніе Миндовга 1252
Смерть Миндовга 1263

IX. Польша.

Лешекъ . . . . 1206—1227
Германизація Помераніи и Вендской земли между Эльбою и Одеромъ.
Болеславъ . . . . 1227—1238
Генрихъ Благочестивый
Распаденіе Польши 11—14 независимыхъ владѣній.

X. Богемія.

Оттокаръ II. . . . . 1253—1278
Борьба Оттокара съ Рудольфомъ Габсбургскимъ.

XI. Венгрія.

Андрей II	1205—1235
Бела IV	1235—1270

XII. Византія.

Взятіе Константинополя крестоносцами . . .	1204
Латинская имперія.	1204—1261
Михаилъ Палеологъ изгоняетъ латинцевъ . .	1261

XIII. Германія.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ	1212—1250
Продолженіе эпохи крестовыхъ походовъ и борьбы папъ съ императорами.	
Крестовый походъ его.	1228—1229
Конрадъ IV.	1250—1254
Паденіе дома Гогенштауфеновъ.	

XIV. Франція.

Усиленіе могущества Капетинговъ.	
Людовикъ IX Святой	1226—1270
Крестовые походы Людовика.	
Продолженіе и окончаніе альбигойскихъ войнъ.	1218—1229
Составленіе инструкціи для инквизиціи на Тулузскомъ соборѣ, по порученію Иннокентія III.	1229

XV. Испанія.

Войны съ маврами.	
Фердинандъ III Святой	1230—1252
Альфонсъ X	1252—1284

XVI. Англія.

Начало установленія парламентскаго правленія.	
Генрихъ III	1216—1272

XVII. Современные папы.

Иннокентій III.	1198—1216
Гонорій III	1216—1227
Григорій IX.	1227—1241
Целестинъ IV. умер. безъ посвященія.	
Иннокентій IV.	1243—1254
Александръ IV	1254—1261
Урбанъ IV	1261—1265

Протоіерей М. Хитровъ.

